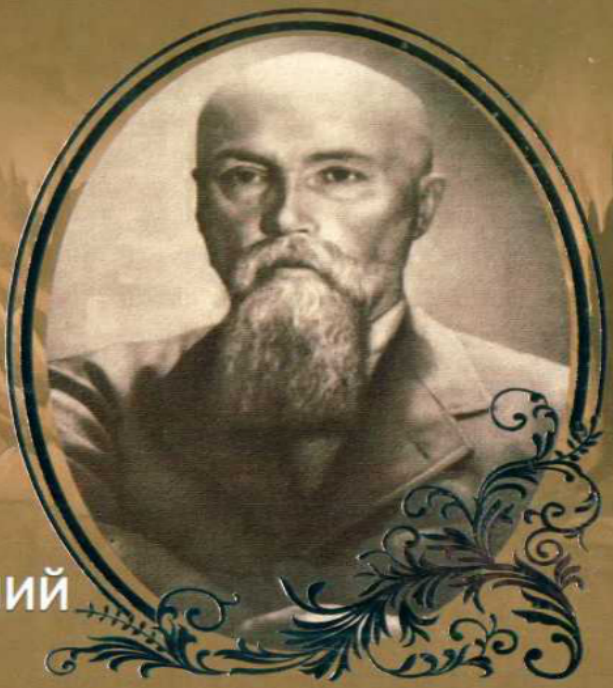
человек загадка

Олег
БОЛДЫРЕВ



ЗАПЕЧАТЛЕВШИЙ
ТАЙНУ

НИКОЛАЙ РЕРИХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Выдающийся художник и путешественник — это за Рерихом признают, пожалуй, все. А дальше начинаются споры и домыслы. В атеистическую эпоху Рериха порой обвиняли в том, что его духовным наставником, мол, был «реакционный мистик и монархист» Иоанн Кронштадтский. Сменился ветер эпохи, — и Рерих уже стал «масоном и оккультистом», а вдобавок и агентом НКВД… Так кем же он был? Патриотом Отечества, служившим ему независимо от того, кто был у власти в России, «многоступенчатым» агентом нескольких разведок или «странником Светлого Града», обретшим в сокровенных обителях Тибета тайну бытия и запечатлевшим ее в своих полотнах? Насколько верно понимаем мы его картины? Ведь Рерих нередко использовал прием «живописной цитаты»: вводил, скажем, в пейзаж какой-то мотив, которого нет на реалистичной фотографии этого места. И простой сюжет превращался в зашифрованное послание…

Знак информационной продукции 16+

-
-
- Истоки
- ГИМНАЗИЯ
- ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ
- КЛАД
- УНИВЕРСИТЕТ И АКАДЕМИЯ
- НА ПОДЪЕМЕ
- ДВОЕ
- ДЕТСКАЯ СКАЗКА
- ПО РУСИ
- ШКОЛА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ
- НАКАНУНЕ
- МИФ АТЛАНТИДЫ
- ДЕРЖАВА РЕРИХА
- ЗА ГРАНИЦЕЙ
- ГРАНИЦА ЦАРСТВА
- РЫЦАРИ ГРААЛЯ
- В АМЕРИКУ
- ИНДИЯ
- МОСКОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
- УКАЗ ГЕССЕР-ХАНА
- "УРУСВАТИ"

- МАНЬЧЖУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И ПАКТ РЕРИХА
- ДАРЫ АМЕРИКЕ И "ДАРЫ" АМЕРИКИ
- ИНДИЯ И РОССИЯ
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- РОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ЧЛЕНОМ КОТОРЫХ СОСТОЯЛ Н.К. РЕРИХ
- БИБЛИОГРАТИЯ

Автор выражает искреннюю благодарность Музею Николая Рериха в Нью-Йорке, США, лично Гвидо Трепше за любезно предоставленные фотоматериалы.

К священным сознаниям народов в наши дни особо повелительно прибавляется лозунг: искусство и знание.

И. К. Рерих. Адамант

Интерес к жизни и творчеству великого русского художника, писателя, поэта, ученого, философа, мыслителя, пророка, театрального деятеля, искусствоведа, путешественника, коллекционера, педагога, общественного деятеля мирового масштаба, духовного Наставника и Учителя — Николая Константиновича Рериха — не ослабевает с годами и, подобно магниту, притягивает и исследователей, и критиков, и почитателей его выдающегося таланта. Многими и многое в его беспримерной жизни понято и осмысленно. Для многих также остается и поныне огромное пространство непознанного, требующее исследования, осмысления и принятия.

Сам Николай Константинович в 1940 году так распределял периоды своей жизни: «Получится: сорок два года — Русь. Одиннадцать — Индия. Финляндия — два. Америка — три. Китай — два. Тибет — полтора. Монголия — один. Франция — один. Англия — год с четвертью. Швеция — полгода. Швейцария — полгода. Италия — четверть года. Не считаю стран проездом — Германия, Япония, Голландия, Бельгия, Гонконг, Джибути, Филиппины, Египет…»

Объединяя ряд периодов в биографии Н.К. Рериха, близких по своему значению и задачам, выделим три основных: российский — время жизни в России с рождения в 1874-м до выезда за границу в 1918 году, международный — с 1918 по 1935-й, и индийский — жизнь в Индии и сборы на Родину — с 1935 по 1947 год.

Автобиографии художник не оставил: детали его жизни рассыпаны в его многочисленных трудах, литературных и художественных, и когда-нибудь они обязательно будут собраны вместе. И вместе с тем в очерке «Жизнь» Н.К. Рерих дал оценку своего жизненного пути, необозримого пути радости:

«Нелегко описать жизнь, в ней было столько разнообразия. Некоторые даже называли это разнообразие противоречиями. Конечно, они не знали, из каких импульсов и обстоятельств складывались многие виды труда. Назовем эти особенности жизни именно трудом. Ведь все происходило не для личного какого-то удовлетворения, но именно ради полезного труда и строительства. На наших глазах много полезных деятелей обвиняли в эгоизме, ради которого они будто бы исключительно творили. Нам приходилось слышать такие обвинения и о Толстом, в отношении братьев Третьяковых, и о Куинджи, и кн. Тенишевой, и о Терещенко, и о многих других, слагавших незабываемо полезное народное сокровище. Завистники шептали, что все эти поборники и собиратели действуют исключительно из самолюбия и ожидают каких-то высоких награждений. Когда мы говорили: „Но что, если вы клевещете, и доброе строительство происходит из побуждений гораздо более высоких и человечных? "— гомункулы усмехались и шептали: "Вы не знаете человеческой природы". Очевидно, они судили по себе, и ничего более достойного их мышление и не могло вообразить.

Даже дневник очень трудно вести. Не было тихих времен. Каждый день происходило столько неожиданного разновидного, что на близком расстоянии часто совершенно невозможно представить себе, что именно будет наиболее значительным и оставит по себе продолжительный след. Иногда как бы происходит нечто очень житейски существенно, а затем оно превращается в пустое место. Лучше всего обернуться на жизнь на расстоянии. Произойдет не только переоценка событий, но и настоящая оценка друзей и врагов. Приходилось писать: "друзей и врагов не считай", — это наблюдение с годами становилось все прочнее. Сколько так называемых врагов оказались в лучшем сотрудничестве и сколько так называемых друзей не только отвалились, но и впали во вредительство, в лживое бесстыдное злословие. А ведь люди особенно любят выслушать таких "друзей". По людскому мирскому мнению, такие "друзья" должны знать нечто особенное.

Именно о таких "друзьях" в свое время Куинджи говорил, когда ему передали о гнусной о нем клевете: "Странно, а ведь этому человеку я никогда добра не сделал". Какая эпика скорби сказывалась в этом суждении.

Но о радостях будем вспоминать, жизнь есть радость".

Истоки

Николай Константинович Рерих родился в Петербурге 27 сентября по старому стилю — 9 октября нового стиля 1874 года. Родовое имя Рерихов, как считал сам Николай Константинович, происходило из Скандинавии, где оно означало главу или старейшину рода. Согласно новым данным биографов, имя Рерих является германизированным вариантом древнего имени Рюрик, происхождение которого теряется в глубине веков. Некоторые биографы относят возникновение рода Рюрика к древней Исландии, из которой его потомки расселялись по материковым областям Северной Европы и прибалтийским землям и сыграли в истории России исключительно важную роль. Именно представитель рода Рюрика, происходивший из балтийских славян, живших на территории современной Северной Германии, положил в IX веке начало княжеской династии в Новгородской Руси, а впоследствии царской династии Рюриковичей Русского государства.

Пройдя по Дании, Германии и Прибалтике, это славное имя в XVIII веке появляется в России, когда один из предков Рериха приглашается императором Петром I на российскую военную службу. Николай Константинович вспоминал о своем прадеде Рерихе, что тот, в бытность свою "комендантом крепости, отказался уничтожить пригородную церковь, из-за которой шло наступление. Из-за этого обстоятельства, происшедшего по его глубокой религиозности, он имел многие служебные неприятности". Потомки генерала Рериха жили в Лифляндской губернии России, образованной в 1721 году на территории бывшей Шведской Ливонии. Сейчас это Латвия, с которой тесно связаны судьбы ближайших предков Рериха по отцовской линии.

Прадед Николая Константиновича Иоганн Рерих (1769–1859), живший в Курземе, что в Западной Латвии, имел пятерых детей, третьим из которых был Фридрих (1800–1905). Впоследствии Фридрих Рерих изменил свое имя на русский манер и стал Федором Ивановичем Рерихом. От природы ему было даровано недюжинное здоровье: он никогда не носил очки и, будучи заядлым курильщиком, смог дожить до ста пяти лет. Большая часть жизни Федора Ивановича прошла в Риге, где он служил в правлении Лифляндской губернии и где ему удалось дослужиться до весьма уважаемой должности губернского секретаря. Одно время Федор Иванович проживал у сына Константина в Петербурге, но в последние годы жизни вернулся в Ригу. Кроме дома в Риге, имел он также и дачу на Рижском взморье, куда на

летние месяцы съезжались многочисленные родственники.

Его сыну от первого брака, Константину (1837–1900), суждено было стать отцом великого русского художника и мыслителя Николая Рериха. Константин Федорович родился и окончил гимназию в Риге, затем получил высшее образование в Санкт-Петербургском технологическом институте, работал на разных должностях в Главном обществе Российских железных дорог. В тридцать лет стал нотариусом Санкт-Петербургского окружного суда, за семь лет до этого вступив в брак с Марией Васильевной Калашниковой (1844–1927), происходившей из купеческой семьи города Остров Псковской губернии.

В 1873 году семья Рерихов переехала на Васильевский остров в дом № 25 на Николаевской (Университетской) набережной Санкт-Петербурга, что напротив Николаевского (Благовещенского) моста. Здесь на втором и третьем этажах четырехэтажного каменного дома расположилась нотариальная контора Константина Федоровича и жилые комнаты его семьи. Кроме сына Николая, второго ребенка в семье, у четы Рерихов родилась дочь Лидия (1867) и сыновья Владимир (1882) и Борис (1885).

В архиве сохранилась копия свидетельства о рождении Николая Константиновича Рериха:

"Сим свидетельствуем, что города С.Петербургского, Андреевского собора в 1-ой части метрической книги о родившихся за сей 1874 год под № 202-м значится: у Нотариуса Округа С.Петербургского Окружного Суда Константина Федоровича Рериха, лютеранского вероисповедания, и законной жены его Марии Васильевой, православной, и обоих первобрачных, родился сын Николай сего 1874 г. сентября 27, а крещен октября 16 числа. При крещении восприемниками были: воспитанники 6 класса Ларинской Гимназии Александр Павлов Коркунов и дочь означенного нотариуса Лидия Константиновна Рерих, октября 23 дня 1874 года Андреевского собора…"

Детские впечатления Николая Константиновича сохранялись им на протяжении всей жизни, исключительно насыщенной и разнообразной в творчестве, во встречах и событиях. Одним из первых, самых ранних впечатлений запомнилась ему песня Петровской эпохи, которую пела старушка, "гаванская" чиновница Мария Ильинична, жившая в Галерной гавани и приходившая посидеть с детьми Рерихов и потолковать о хозяйстве:

На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил

О двенадцати белых парусах.

Детство Николая Рериха прошло в доме на Николаевской набережной. К ее граниту приходили военные корабли и оглушительно салютовали, приветствуя спуск на воду своих собратьев. От этих салютов дребезжали стекла в доме, стены содрогались в такт выстрелов, над Невой поднимались облачка дыма, по водной глади скользили лодки, проходили баржи, а ближе к заливу виднелись корабельные мачты, сложный узор которых ежедневно менялся. Вечное движение жизни на границе, разделяющей два мира: земной и морской… Да и сам Николаевский мост считается рубежом, где заканчивается Нева и начинается Финский залив. Недалеко на набережной стоял памятник адмиралу Крузенштерну, много ходившему по морям и открывшему новые земли. Запомнилась юному Николаю мечта о новых землях.

Н.К. Рерих. Санкт-Петербург. 1877 г.

"Среди первых детских воспоминаний, — писал в конце

жизни Николай Константинович, — прежде всего вырастают прекрасные узорные облака. Вечное движение, щедрые перестроения, мощное творчество надолго привязали глаза ввысь. Чудные животные, богатыри, сражающиеся с драконами, белые кони с волнистыми гривами, ладьи с цветными золочеными парусами, заманчивые призрачные горы — чего только не было в этих бесконечно богатых, неисчерпаемых картинах небесных".

С двух лет начались поездки в Извару, собственное поместье Рерихов с усадьбой, в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии, располагавшееся недалеко от станции Волосово, что в сорока верстах от Гатчины. Приобретено оно было в 1872 году на имя супруги Константина Федоровича Марии Васильевны. Оно и теперь находится в том же живописном месте, приютив под своей крышей первый российский музей Н.К. Рериха. Владели Рерихи изварским поместьем до 1900 года, когда Константина Федоровича не стало.

Семья выезжала погостить на лето также и в Псковскую губернию, в городок Остров, где у Калашниковых, родителей мамы Николая Константиновича, был большой дом, и к дедушке Фридриху в Майори, на Рижское взморье. Исторические места, через которые проходил путь в этих поездках, также западали в память юного Николая: и древние города Псков и Остров, и старинные церкви и крепости, и красивейшие пейзажи. Остались также яркие впечатления и от посещения многочисленных достопримечательностей по пути в Гапсалу, курорт на Рижском взморье: Ивангород, Нарва, Ревель с их древними замками и крепостями, с легендами и преданиями.

Для впечатлительного и наблюдательного ребенка, каковым был юный Николай, собственно именье Извара в детские годы стало местом общения с природой. Именно там была получена счастливая возможность постижения ее тонкостей и глубин. Опыты понимания жизни складывались для будущего художника и мыслителя в Изваре и в связи с нею.

Изварскому периоду сопутствовали многие знаки, ставшие понятными самому Николаю Константиновичу только в зрелом возрасте. Так, само происхождение названия Извара, или, как оно произносилось в XIX веке, Ишвара или Исвара, странно звучавшее для тех мест, Николай Константинович предположительно связывал с жившим неподалеку во времена Екатерины II индусским раджою. Ишвара — санскритское слово, одно из основных понятий индуизма. Обозначает оно Всевышнего, Бога-Творца, Повелителя скрытых творческих сил, проявляющего себя как источник к развитию мира. В индуизме считается, что все боги суть проявления Ишвары.

Сам изварский дом также нёс на себе зримые знаки, глубокие символы из далеких традиций и культур. Построен он был крепко, добротно. Фасад и углы были украшены башенками, а на стенах дома дважды повторялся знак розы, напоминавший Николаю Константиновичу витражи готических соборов средневековой Европы и имевший одним из толкований в европейской духовной традиции идею пророка.

От предыдущих хозяев усадьбы сохранились интерьеры изварского дома, старинная мебель. В одной из комнат среди копий голландских картин можно было видеть работу старого письма — огромную гору на закате, скорее даже целый горный хребет. Как оказалось впоследствии, то было изображение Канченджанги, священной горы Гималаев, "пяти сокровищ великих снегов".

Сохранившееся в архиве описание Николаем Константиновичем родительского имения, или мызы, как тогда именовали дачи в восточных областях Прибалтики, сообщает, что езды скорым поездом от Санкт-Петербурга до станции Волосово по Балтийской железной дороге два часа, пассажирским 2^{3}Л, а "мызная земля начинается в двух с половиною — трех верстах от станции железной дороги, сама же усадьба в девяти с половиною верстах от станции; сообщение по земской, ныне заново шоссируемой дороге. Всей земли 1385 десятин. Лесу до пятисот десятин. Состав леса смешанный; частью строевой, частью дровяной, хвойный и лиственный. Земли пахотной около пятисот пятидесяти десятин. Лугов (частью заливных) сто десятин. Остальное под озерами, речками, дорогами, болотом и выгоном.

Озер на мызной земле три, причем все возникают из лесных ключей, а одно берет начало в самом парке усадьбы. Две речки, из которых одна в дальнейшем течении становится сплавною и затем впадает в р. Лугу. В озерах и реках рыбная ловля: форели, хариусы, щуки, караси и т. п. В лесах именья значительная охота, которой благоприятствует, что в ограничивающей с трех сторон лесной казенной даче дичь особенно охраняется, так как казенная дача отписана под Высочайшую охоту. В одной версте от усадьбы находится: земский доктор, больница и казенное лесничество. В двух верстах погост и церковь. Мызная постройка следующая: барский дом в двенадцать комнат, одноэтажный с мезонином, каменный, крытый железом; скотный двор и конюшня каменные, крытые частью лучиной, частью соломой; большой двухэтажный деревянный дом; двухэтажный (низ каменный, верх деревянный) дом для рабочих, где помещалось двенадцать семей; сарай деревянный на каменных столбах для экипажей и хлеба; молочная; двухэтажное каменное здание крытое толом, прежде

служившее помещением винокуренного завода; большой каменный сарай; амбар деревянный, крытый лесом".

Рано, еще до гимназии, научившийся читать Николай Рерих с большим интересом знакомился с книгами по истории России, собранными отцом для библиотеки изварской сельскохозяйственной школы. "От самых ранних лет, — писал он, — от начала грамоты, полюбились эти рассказы. В них были затронуты интересные, трогательные темы. Про Святослава, про изгоя Ростислава, про королеву Ингегерду, про Кукейнос — последний русский оплот против ливонских рыцарей. Было и про Ледовое побоище, и про Ольгу с древлянами, и про Ярослава, и про Бориса и Глеба, про Святополка Окаянного. Конечно, была и битва при Калке, и пересказ "Слова о полку Игореве", была и Куликовская битва, и напутствие Сергия, Пересвет и Ослябя, Были и Минин с Пожарским, были и Петр, и Суворов, и Кутузов. Повести были собраны занимательно, но с верным изложением исторической правды. На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов. Все это запомнилось, и хотелось сказать, смотря на эту картину: "Не замай! "

…Был там и Гоголь… Тот, кто описывал душу Катерины, кто так умел навсегда вложить в память описания величия природы, кто, подобно турниру Вальтера Скотта, живописал битву запорожцев и кто понимал значение портрета, тот знал и мог многое. Может быть, Гоголь случайно оказался в поле зрения. Но не случайны магниты. Захоронены они так, чтобы на определенных путях можно бы к ним прикоснуться и укрепиться ими".

"И все-то так мило, так нравится, тем-то и запомнилось через все годы", — Николай Константинович с теплотой и благодарностью хранил изварские воспоминания всю жизнь. Чисты и сильны были эти первые впечатления детства, напоминавшие об истоках жизни, богатстве природы и знаках минувших эпох.

Рано проявился его интерес к театру. Очень радовало мальчика посещение театральных постановок. А для домашних постановок в магазине приобретались картонные декорации к различным популярным в то время пьесам: "Руслан и Людмила", "Конек-Горбунок", "Жизнь за царя". Они вырезались, дополнялись собственными рисунками. Дома была устроена небольшая сцена, где декорации и размещались и где юный режиссер пытался применять световые эффекты с помощью различных разноцветных бумаг. Но выбор готовых декораций, как правило, оказывался невелик, и Николай сам пробовал писать и ставить пьесы. Прочитанные им книги давали преимущество историческим

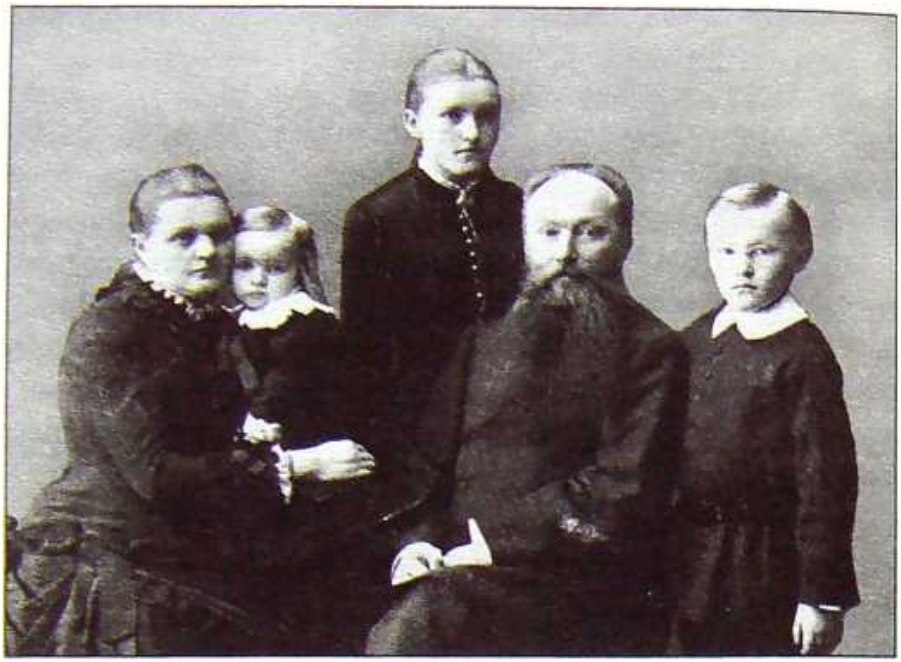
сюжетам. Так, юный режиссер поставил "Ундину" на сюжет Шиллера, затем "Аиду", "Айвенго" по Вальтеру Скотту и другие пьесы. Это были первые литературнотеатральные опыты, начатые еще до того, как мальчик поступил в гимназию. Затем он "в течение гимназических лет несколько раз участвовал в пьесах Островского и Гоголя. Тогда же рисовались и программы… с портретом Гоголя".

ГИМНАЗИЯ

В 1883 году Николай Рерих поступил в гимназию Карла Ивановича Мая, талантливого педагога, возглавлявшего частную немецкую мужскую школу со дня ее основания в 1856 году. В 1861 году эта начальная школа была преобразована и стала именоваться Реальным училищем на степени гимназии. Карл Иванович, последователь передовых взглядов Н.И. Пирогова и К.Д. Ушинского, в свое время окончил с отличием Главное немецкое училище Св. Петра и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Девизом гимназии стало изречение основоположника научной педагогики чешского педагога-гуманиста XVII века Я.А. Коменского "Сначала любить — потом учить". В педагоги гимназии приглашались только люди, отличавшиеся высокими профессиональными и нравственными качествами, по принципу научной и педагогической одаренности. Можно с уверенностью сказать, что все годы существования гимназии до революции она являлась одним из лучших средних учебных заведений России. И если первой большой удачей в жизни Н. Рериха можно считать счастливые изварские годы, то второй, безусловно, обучение в школе К.И. Мая.

Средние учебные заведения второй половины XIX века в России были практически все казенными, или государственными, как сказали бы сейчас. И качество обучения, как отмечало большинство знакомых с тогдашней ситуацией в школьном образовании людей, было значительно выше в частных. Как считал сам Н. Рерих, став со временем педагогом, к годам революции произошло некоторое сближение в уровнях подготовки учеников, но все же частные школы оставались относительно немногочисленными, а после революции исчезли вовсе.



Семья Рерихов: (слева направо) Мария Васильевна, Владимир, Лидия, Константин Федорович, Николай. Санкт-Петербург. 1883–1884 гг.

К.И. Май создавал свою школу на новых принципах, и, применяемые в совокупности, они быстро поставили его школу в ряд лучших для своего времени. Среди основных принципов новой школы стоит отметить задачу обучения и воспитания молодого человека для общественно полезного труда, приготовления к такому труду; разумные действия учителя, учитывающего всю совокупность способностей ученика и не требующего с него сверх таких способностей и общих способностей класса; сокращение домашних заданий для высвобождения времени ученика на всестороннее развитие после уроков; преподавание истинного знания во всей его убедительности и непреложности; практические занятия, плодотворно развивающие в ученике самостоятельность; импульсы, побуждающие ученика к развитию дисциплины и, как следствие, воли; пример преподавателя в качестве самого действенного средства воспитания. Иными словами, предполагалось самое заботливое, доверительное и гуманное воспитание и образование, которые, как считал Карл Иванович, должны даваться семьей, школой и церковью. Сам он неизменно следовал провозглашенным принципам, проявлял максимальное внимание к каждому ученику, вникая в его проблемы и посещая время от времени семьи своих учеников либо по вопросам их

обучения, либо по особым, торжественным семейным случаям, поощрял кружки по интересам, организовывал для учеников театральные постановки с их участием и водил их на экскурсии по музеям Санкт-Петербурга и в походы по его окрестностям.

Все перечисленное формировало особый дух товарищества среди учеников гимназии. Для учеников и выпускников гимназии К.И. Мая со временем нашлось и название: "майские жуки". Произошло это после того, как по Васильевскому острову прошла первая из многочисленных впоследствии, красочных костюмированных процессий, состоявшая из гимназистов, первый из которых нёс огромного размера искусственного жука. Это неофициальное название привилось и даже было воплощено в барельефе над входом в гимназию, когда позднее было построено ее новое просторное здание на 14-й линии Васильевского острова, д. 39. Был выпущен и значок с "майским жуком", который с любовью носили выпускники гимназии.

Школа К.И. Мая имела два отделения: гимназию и реальное училище. Считалось, что в гимназии готовят к университету. Часть предметов преподавалась на немецком языке, являясь первым из изучаемых иностранных языков. Были и четыре других: латинский, английский и французский.

Выпускниками гимназии в разные годы стали люди, достигшие больших успехов в различных отраслях науки и культуры, занимавшие многие ответственные государственные посты, свыше ста докторов наук, а двадцать девять были избраны действительными членами или членами-корреспондентами Академии наук или Академии художеств. Среди учившихся в школе три члена Государственного совета: ректор Санкт-Петербургского университета Д.Д. Гримм, губернатор Петербурга А.Д. Зиновьев, министр внутренних дел и министр юстиции А. А. Макаров, министр внутренних дел Д.С. Сипягин, ректор Университета Э.Д. Гримм, военачальники: генерал от инфантерии Н.А. Епанчин, генерал-майоры С.В. Белов, В.В. Волков, В. Г. Рожков, вице-адмирал Е.И. Волобуев, контр-адмиралы И.В. Коссович, В.А. Петровский, П.В. Римский-Корсаков, инженер-полковник Г.М. Мусселиус, профессор Б.Э. Петри, деятели культуры и художники А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, К.А. Сомов, А.Е. Яковлев, Н.Е. Бубликов, О.Г. Верейский, П.Я. Павлинов, И.А. Пуни, С.Н. Рерих, В.А. Серов, скульптор Б.Е. Каплянский, композиторы В.И. Цытович, Ф.Д. Шевцов, писатели Г.И. Алексеев, В.С. Головинский, В.А. Кнехт, А. А. Ливеровский, Л.В. Успенский, О.А. Хазин, Ф.К. Эйнбаум, поэт Ю.А. Ливеровский, театральные деятели Ф.Н. Курихин, П.П. Подерянский, М.Ф. Стронин. Учился в гимназии дважды Герой Советского Союза, докт. физ. — мат.

наук космонавт Г.М. Гречко; ученому-физику и педагогу О.Д. Хвольсону в числе первых было присвоено в 1927 году звание Героя Труда, а три выпускника — В.В. Волков, Д.С. Лихачев и В.В. Новожилов — были удостоены звания Герой Социалистического Труда, пятеро — В.В. Беломорец, М.А. Ельяшевич, Л.Л. Кербер, В. Д. Наливкин и В.В. Новожилов, стали лауреатами Ленинской премии.

В современном варианте гимназия К.И. Мая после целого ряда преобразований и переездов возрождена и является школой № 5 Санкт-Петербурга, располагаясь на 13-й линия В.О. в д. 28, а в здании № 39 на 14-й линии В.О. располагается Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН. Там же с 1994 года действует Музей гимназии К.И. Мая.

Когда родители привели Николая в школу для знакомства с директором, К.И. Май, пообщавшись с новым учеником, прозорливо заметил: "Будет профессором". Сам Карл Иванович преподавал в гимназии географию, очень любил этот предмет и всемерно прививал любовь к ней и своим ученикам.

Н.К. Рерих вспоминал: "В гимназии К.И. Мая чертили карты Азии. Желтой краской отмечали пески и Гоби. Боком мягкого карандаша наносили хребты Алтая, Тарбагатая, Алтын-Тага, Кунь-Луня… Белили ледники гималайские…

Не только чертились богато расцвеченные картины, но и лепились цветными пластилинами рельефные изображения со всеми так милыми нам горами. Поощрялись большие размеры и новые комбинации запоминаемых раскрасок. По правде говоря, такая внушительность изображения была очень увлекательна. На праздниках устраивались географические шествия, сопровождаемые самодельными стихами. Помню, как Бенуа изображал желтый Хуан-Хе, а блондин Калин — голубой Яньцзы-цзян. Мне доставалась Волга"

Стоить сказать об оценках, полученных Н. Рерихом в ходе обучения; дисциплину и прилежание проявлял отменные, но отличником, тем не менее, он не был. Посмотрим в некоторых гимназических табелях его оценки за знания.

Приготовительный класс (1883–1884): Закон Божий — 4, немецкий язык — 4, русский язык — 4 $^1/_2$, арифметика — 3, лепка — 5, рисование — 3.

1884/1885 год: Закон Божий — 5, немецкий язык — 4 $^1/_2$, русский язык — 4, французский язык — 4, латинский язык — 5, счет — 3 $^1/_2$, география — 4 $^1/_2$.

1885/1886 год: Закон Божий — 5, немецкий язык — 4, русский язык — 4, французский язык — 4, латинский язык — 4 $^1/_2$, счет — 4, география — 5.

1886/1887 год: Закон Божий — 5, немецкий язык — 4, русский язык — 4, французский язык — 4, латинский язык — 4 $^1/_2$, счет — 4, география — 5.

1887/1888 год: Закон Божий — 5, немецкий язык — 3 $^1/_2$, история России — 4, латинский язык: чтение — 4, письмо — 3, греческий язык: чтение — 3 $^1/_2$, письмо — 3, русский язык: язык и литература — 4, письмо — 4, французский язык — 3, английский язык — 4 $^1/_2$, алгебра — 3, геометрия — 4, география — 4 $^1/_2$.

1888/1889 год: Закон Божий — 5, немецкий язык — 354, история России — 4 $^1/_2$, латинский язык: чтение — 4, письмо — 3, греческий язык: чтение — 3 $^1/_2$, письмо — 3, русский язык: язык и литература — 4, письмо — 3, французский язык — 3, английский язык — 4 $^1/_2$, алгебра — 3, геометрия — 4, география — 4 $^1/_2$.

1889/1890 год: религиозные учения — 5, немецкий язык: язык и литература — 3 $^1/_2$, письмо — 3 $^1/_2$, история России — 4, латинский язык: чтение — 5, письмо — 3, греческий язык: чтение — 4, письмо — 3, русский язык: язык и литература — 5, письмо — 4, французский язык — 4, алгебра — 3 $^1/_2$, геометрия — 3 $^1/_2$, география — 4 $^1/_2$.

За 1890/1891 год школьных табелей Н. Рериха не сохранилось.

1891–1892 год: Закон Божий — 4, история России — 5, латинский язык: чтение — 5, письмо — 4, греческий язык: чтение — 4, письмо — 4, русский язык: словесность — 3 $^1/_2$, письмо — 3 $^1/_2$, французский язык — 3, алгебра — 3, тригонометрия — 3, физика и космография — 3.

По некоторым предметам оценки за знания не выставлялись, только за прилежание, за которые Николай получал неизменные 4 или 5.

В школе К.И. Мая Закон Божий читался раздельно для лютеран и православных. Православным ученикам, к которым относился Н. Рерих, уроки давал дьякон церкви Академии художеств Постников. Лютеранам преподавал пастор Юргенс. Николай Константинович вспоминал, как в гимназии, на Пасху, поздравляли директора Карла Мая: "Христос воскресе, поздравляю, Карл Иваныч!" А он обычно отвечал: "И я тоже".

В самом начале гимназического периода отец посоветовал Николаю вести ежедневный дневник, облегчая ему небольшую практическую задачу — иметь материал для написания писем Константину Федоровичу. Совет Николай воспринял и стал вести ежедневный дневник. Навык этот закрепился сразу и на всю жизнь, без перерывов и пропусков, предоставил возможность не только писать отцу и другим родственникам письма, но также еще и дал самому Николаю Константиновичу материалы для

написания и составления многочисленных статей, очерков и книг; оставил богатый, точный биографический материал потомкам.

Из предметов Николай Константинович особо любил историю, литературу и труды классических авторов. Начиная с первых лет гимназии, наряду с собственно обучением и уже продолжая литературные и театральные опыты, Николай Константинович значительно расширил круг своих интересов — он увлекся собиранием разнообразных коллекций: "Сызмальства любил собирать. Было [собрание] энтомологическое — бабочки, жуки. Было минералогическое. Было орнитологическое. Учился у препаратора Академии Наук. Было дендрологическое. Было археологическое — раздал по музеям. Было огромное каменного века — предполагалось отдать в музей Академии Наук… Было нумизматическое…"

С самых первых гимназических лет Н. Рерих *увлекся* в Изваре и археологическими раскопками, в которых он участвовал, помогая известному археологу Л.К. Ивановскому, основному специалисту по курганной археологии тех лет и, вероятно, первому ученому, связавшему археологический материал с данными древнерусских письменных источников.

Крепким здоровьем Николай Константинович и в гимназии, и после нее не отличался. Его мучили постоянные затяжные бронхиты — основная причина пропусков занятий. В третьем классе врач предложил неожиданное спасение от хворей — выезжать на весенние и осенние охоты. Так, в четырнадцатилетием возрасте будущий художник стал большую часть свободного времени проводить в изварских лесах на охоте. И здесь обстоятельства сложились удачно: управляющий изварским имением М.И. Соколов с готовностью взялся опекать начинающего охотника, сопровождая того во всех лесных походах. Будучи влюбленным в лес, его красоту и многообразие, Михаил Иванович постарался открыть для юноши лучшие стороны природы леса, а также дать ему возможность проявить "в деле" качества наблюдательности, находчивости и выносливости, почувствовать азарт и удовлетворение при удачах. Николай Константинович полюбил природу в таких лесных странствиях, а многочисленные события, впечатления и наблюдения выражал на страницах своего дневника. Затем эти описания становились рассказами, некоторые публиковались в "Охотничьей газете".

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Однажды, возвращаясь с неудачной охоты, я увидал посреди небольшого озерка трех крякв. "Дай, думаю, выстрелю, хоть ружье разряжу". Дробь у меня в ружье была 8-го нумера, но я, подкравшись к уткам шагов на 30, все-таки выстрелил. Результаты моего выстрела были таковы: одна из уток лежала мертвая, другая улетела, а третья сидела по-прежнему спокойно на поверхности озера, будто ничего не произошло. Я уж хотел по ней из другого ствола выстрелить, да егерь меня остановил: "Погодите, — говорит, — барин, мы ее так, руками возьмем, она, верно, раненая". Поблизости, на счастье, нашелся небольшой досчаник, и мы поехали за добычей. Боясь, чтобы утка не улетела, я все время держал ружье наготове, но, к моему удивлению, утка не только не полетела, но даже, при нашем приближении, не проявила никаких признаков страха или беспокойства.

Когда мы подъехали к ней, я достал ее из воды и посадил на дно нашего досчаника, она нисколько не противилась и так же спокойно продолжала сидеть на досках, как и на воде. Пришедши домой, я осмотрел ее, и она оказалась раненною в левую часть головы; ранка была еле заметная и скорей походила на царапину. Над этой уткой я произвел следующие опыты. Я ее внес в комнату и, посадив на иолу, подпихнул — она пошла, пока не стукнулась головой о стену. Потом я ее подбросил на воздух — она полетела, пока, ударившись о стену, не упала, но сейчас же вскочила, оправилась и приняла прежнее свое спокойное положение. Когда я ей дал есть, то должен был ткнуть ее носом в еду, и она ела, пока не съела все, что было на тарелке. Когда кто-нибудь начинал ловко подражать утиному кряканью, моя утка тоже начинала крякать, пока подражавший кряканью не замолкал. Замечательно, что во все это время утка не проявляла никаких признаков самостоятельности и двигалась без всякого сознания, как автомат. Я решил оставить ее жить, чтобы наблюдать за нею. На следующий день я ее вынес на улицу и посадил на крыльцо; она так же спокойно сидела на улице, как и в комнате. Но тут я отошел от крыльца, а когда возвратился, то увидал мою утку во рту дворовой собаки. Я бросился, отбил ее у собаки, но у нее было повреждено горло, и она тут же околела. Даже схваченная собакой, утка осталась совершенно спокойной и не оказала никакого сопротивления.

Интересно, что Николай Константинович наряду с непосредственными впечатлениями от охоты, как и в других своих занятиях и увлечениях, подходил ко всему основательно: он знакомился с научными сведениями по всему, с чем ему приходилось сталкиваться в жизни вообще и в лесу в частности. Таким образом появились многочисленные выписки справочников и книг по флоре, фауне, минералогии, почвоведению — самому разнообразному кругу тем. Об этом говорят сами названия его заметок и рассказов: "Охоты в Царскосельском уезде", "Зимний сезон в Царскосельском уезде", "Черта характера тетерева", "О предохранении ружья от ржавчины", "Описание птиц, перья которых помещены в альбоме № 1", "О ловле и охоте на птиц", "Краткая таблица деревьев С.-Петербургской губернии", "Краткая таблица насекомых, составленная по зоологии Ю. Симашко", "Краткая таблица минералов, составленная по минералогии А.Я. Герда", "Коллекция минералов № 1", "О лесной дичи С.-Петербургской губернии", "О болотной дичи северной России", "Возражение на книжку "Наши благодетели — сарыч и ворона"", "Живучесть зайца", "Ночь в лесу". В рукописном архиве ГТГ хранится также и "Свидетельство от Лесного Департамента ученику VII класса Санкт-Петербургской гимназии К. Мая, Николаю Рериху, на основании статьи 10 закона 3 февраля 1892 г., на право собирания яиц с научной целью во всякое время года в течение 1892 г. в казенных лесных дачах Санкт-Петербургской губернии".

Среди интересов гимназического периода Н. Рериха необходимо также упомянуть любовь к музыке, непреходящую, оставшуюся на всю жизнь, и увлечение творчеством Т.Г. Шевченко, а также Н.В. Гоголя, в произведениях которого были воплощены яркие, всегда живые образы "высокой духовности и тонкой потусторонности". Гоголь часто ставился на ученических спектаклях и всегда был близок Николаю Константиновичу. Ему на всю жизнь запомнились слова главного героя "Тараса Бульбы" о товариществе: "Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство. Вот в чем стоит наше товарищество. Нет уз святее товарищества. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей. Нет, братцы, так любить может русская душа — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, что ни есть в тебе… Пусть же знают, что такое значит в русской земле товарищество!"

К Н.В. Гоголю, как к учителю, уважение сохранилось на всю жизнь:

"И разве многообразное, но единосущное дарование великого Гоголя, разве оно, как в высокодуховных взлетах, так и в улыбке

быта, разве оно тоже не дало посох прочный и легкий?"

Н.К. Рерих. Санкт-Петербург. Октябрь 1882 г.

Развитию кругозора Николая Константиновича способствовал широкий круг знакомых его отца, в Петербурге человека уважаемого за порядочность и профессионализм. К тому же нотариальная контора Константина Федоровича располагалась в самом центре города, рядом были университет, Академия художеств и Академия наук. Представители петербургской интеллигенции — общественные деятели, ученые, художники, писатели — составляли основной круг клиентов и знакомых К.Ф. Рериха. Среди частых посетителей, с некоторыми из которых он состоял в дружеских отношениях, можно назвать М.О. Микешина, видного художника и скульптора, автора целого ряда известных российских памятников; Д.И. Менделеева, выдающегося русского физика, химика и общественного деятеля, автора Периодического закона химических элементов; востоковедов-монголоведов профессоров А.М. Позднеева и К.Ф. Голстунского; видного ученого-агронома А.В. Советова; профессора Томского университета А.П. Коркунова; Д.Л. Мордовцева, историка и

публициста, много писавшего на темы русской и украинской истории; историка, публициста и поэта Н.И. Костомарова и многих других.

На многочисленных встречах в квартире Константина Федоровича Рериха звучало много полезного для развития сына: "С большею признательностью вспоминаются все, кто так или иначе возбуждал и чеканил мысль". Д.И. Менделеев, например, неоднократно высказывал свои идеи, созвучные мыслям молодого Николая Рериха: "Высшее развитие — в творчестве, если только подражать да потреблять, так не выжить человечеству, как не выжили мамонты".

Разнообразные впечатления и наблюдения жизни записывались. Целый ряд статей был написан и для славянского журнала "Нада", что в переводе значит "надежда", издававшийся в Боснии. Статьи об охоте печатались в журналах "Природа и охота" и "Русский охотник". А первыми литературными произведениям, вероятно, стали: рассказ "Клад", написанный в 1887 году, и тогда же написанные стихи.

КЛАД

Около большого мыса стояла деревня, жил в ней бобыль: мужик он был хороший, и только не имел ни кола ни двора. Дело было летом, под Иванов день. А в этой деревне ходили слухи, что в лесу сокрыты большие клады. Вот и задумал Петр, так звали мужика, попытать счастья — пойти ночью под Иванов день в этот лес, поискать клада. Отправился он [к] ворожее и спросил ее, как узнать ему, в каком месте клад сокрыт. Она его и научила, чтобы искал он светящегося цветка папоротника, и из того цветка выйдет огонечек и поведет его к тому месту, где клад сокрыт, "только, — прибавила она, — ты лучше и не пробуй это сделать, потому клад тебе в руки прямо не дастся, а будут являться тебе разные чудовища, и если ты их испугаешься, то и огонек пропадет и клада тебе не отыскать будет".

Вот наступила и ночь, взял Петр заступ, заткнул топор за пояс и отправился в лес.

Пришел он к опушке леса, и стало страшно ему, да вспомнил он, что ворожея ему говорила, перекрестился и пошел в лес. Ходил он, ходил, нет, нету ничего. Уж хотел домой воротиться, да вдруг видит, блестит что-то между двух кочек. Пошел туда, глядь, цветет папоротник, а цветок так и светится. Подошел он туда, аж из цветка-то нехонький огонек выскочил, и по воздуху так и двигается. Пошел за ним Петр, вдруг на него рысь, как скакнет с дерева, он побледнел, да вспомнил, что надо делать. Перекрестился и сказал: "Чур меня, рассыпься", глядь, а рысь и пропала, как будто ее и не бывало.

Идет он дальше, вдруг змей на него ползет; он сказал то же самое, и змей пропал. Идет он дальше, вдруг выходит сам оберегатель клада — лесовик. Петр взял и перекрестил его, как взвизгнет он, и убежал.

Идет Петр, а лес перед ним так и расступается. Вдруг огонек остановился и пропал. Подошел туда Петр, взял заступ, начал рыть; рыл-рыл, вдруг заступ ударился обо что-то железное. Он запустил руку и вытащил котелок полон золота и серебра, и пошел домой, пришел домой, уже светает.

На другой день пошел к ворожее и отблагодарил за ученье 100 рублями. И стал он жить хорошо и расчетливо. А жил также в том селе богач. Услышал он про все, и задумал он на другой год идти также в лес отыскать клад. Только пожалел он денег, которые надо было ворожее отдать за ученье, а пошел к Петру. А тот купил место, выстроил избу, накупил товаров, открыл лавку. Дела у него пошли хорошо.

Вот сидит на крылечке, носогрейку покуривает, как подходит к нему Семен, так богатого мужика звали, кланяется и говорит: "Научи меня, Петр Сидорыч, что надо мне делать, чтобы клад найти, хочу я тоже попытать счастья".

"Что ж, — говорит Петр, — если хочешь, так садись и слушай", — и рассказал ему все по правде, по истинной. И пошел Семен в лес.

Идет он, нашел и цветок, и разных зверей встречал да говорил им, что Петр его научил, и они рассыпались.

Подошел он и к тому месту, где огонек остановился и пропал. Начал рыть, рыл-рыл, вырыл клад. Только хотел взять его, и покажись ему, что воры в его дом залезли и сундук ломают с деньгами. Бросил он клад, хотел домой бежать, а тут в лесу захохотало и закричало: "Испугался, испугался". Вспомнил он, что Петр ему говорил, глядь, и клад уж и пропал.

Пошел он домой, начал скучать, затем пропил имение свое, вошел в долги. И посадили его в тюрьму за долги. Так он и умер.

БИТВА
Штыки сомкнулись,
Гром орудий,
И лязг кинжалов и мечей,
И конский топот, и стон людей.

NEMO
Вздымает волны океан,
На них фрегаты с крейсерами,
Летят, свершая долгий путь,
Из света Нового во Старый и обратно.

Юноша стремился анализировать окружающие обстоятельства, оценивать историю страны. В качестве примера можно привести школьное сочинение "Москва и Петербург" 13-летнего гимназиста Н. Рериха: "И теперь, уже не говоря о внутренней жизни, даже в возможности этих городов много разницы; это произошло от того, что они появились в разное время и под различными влияниями, и таким образом развивались совершенно иначе. Не правда ли, теперь Москва имеет вид, если только можно сделать такое сравнение, бабушки, у которой чепец свернулся на сторону, а Петербург подтянулся, вытянулся, словно солдат на часах. Рядом с этим, сколько в Москве оригинального, чисто русского, не взятого за границей; а имеет ли Петербург хоть что-нибудь свое, родное, нс заграничное;

нет, в нем все, начиная с названия, не русское. Отчего же это произошло? В ответ на это надо проследить историю развития, этих городов с самого их основания, и она даст красноречивый ответ.

Сперва о Москве — старшим преимущество. Москва первый раз в летописях упоминается в 1147 году; появился этот городок благодаря Суздальскому князю Юрию Долгорукому и затем, пользуясь удобным географическим положением и благодаря своим предприимчивым князьям, постепенно разрастаясь и присоединяя новые города (Коломна, Можайск и др.), сделался столицей, центром русского государства. Никакого влияния, кроме чисто русского, на него не оказывалось, и поэтому с самого основания в нем сосредоточилось все родное, русское без всякой примеси. Целый ряд князей и государей с Даниила Александровича заботился о благосостоянии Москвы. Затем при Иоанне III Москва приобрела много черт греческих городов. Но этот греческий стиль не мог существенно изменить вида и жизни Москвы, потому что греческие черты давно уже, еще при Олеге, переносились из Царьграда в Русь и, мало-помалу, входили в характер и жизнь Русских; так что не изменили совершенно русский стиль, а только улучшили, сообщили ему оригинальность. Насколько стиль Москвы строже Петербургского, можно видеть на совсем частном, пустом примере: в Москве на церквях кресты большей частью русские, а в Петербурге, по большей части, кресты и лютеранские и католические и очень мало русских".

Данное сочинение было оценено преподавателем на 4. А всего в гимназическую пору Н. Рерихом, по некоторым оценкам, было написано свыше сорока рассказов, не менее трех десятков стихотворений и выполнено около пяти десятков рисунков, преимущественно пером или карандашом.

В гимназии проявилась способность Н. Рериха наилучшим образом организовать свой рабочий день: он успевал необыкновенно много и обдумывать и практически выполнять, не проявляя ни суетливости, ни повышенной активности. И способность эту, думается, не стоит считать какой-то производной от особой педантичности или холодной расчетливости. Весь круг его интересов той поры говорит о двух важных особенностях характера Николая Константиновича: о любознательности, о стремлении к углубленному познаванию окружающего мира, вкупе с коллекционированием, этом методе самообучения; также и о потребности к творчеству, в основном писательскому и художественному. Именно натура исследователя влекла его к познаванию — познаванию планомерному,

уверенному и напряженному в своем стремлении дойти до сути вещей, а внешние условия жизни, семейные и гимназические, этому не мешали и даже, наоборот, являлись благоприятными.

Наклонности исследователя, собирателя и созидателя проявились в нем рано, в гимназии, но вполне отчетливо. К окончанию гимназии юноша точно знал, чем он хочет и будет заниматься в жизни.

В предпоследнем гимназическом году друг семьи Рерихов скульптор М.О. Микешин обратил внимание на рисунки Николая. Начинающий художник очевидно прогрессировал, и Михаил Осипович несколько раз говорил на эту тему с Константином Федоровичем Рерихом. Сам Н.К. Рерих к концу гимназии все сильнее и сильнее чувствовал тягу к живописи. Первым учителем в искусстве стал как раз М.О. Микешин, а также художник-мозаичист И.П. Кудрин. Первым живописным произведением Н.К. Рериха, по-видимому, следует считать рисунок розы, выполненный в 1891 году.

Занятия с М.О. Микешиным и крепнущая тяга к живописи наводили Н. Рериха на думы о пути художника. При этом он также ясно понимал, что хочет идти по жизни и вместе с историей, археологией, философией. Отец же, когда заходила речь о выборе жизненного пути для сына, настаивал только на юриспруденции, видя в сыне продолжателя своего дела, способного обеспечить себя и будущую семью. Возникший конфликт после долгих споров был разрешен компромиссом: Николай Константинович, следуя воле отца, решается поступить на юридический факультет университета, отказавшись от планировавшегося изначально исторического, а также — в Академию художеств, куда стремился сам.

Летом 1893 года был получен аттестат зрелости, и перед Н. Рерихом открылся новый этап жизни: он подал прошения о поступлении одновременно и Санкт-Петербургский университет на юридический факультет и в Академию художеств.

"Аттестат зрелости. Дан сей сыну Нотариуса Николаю Константиновичу Рериху. Вероисповедания православного. Родившемуся 27 сентября 1874 года, обучавшемуся 9 лет в С. Петербургской Гимназии К. Мая и пробывшему один год в 8 классе, в том, что, во-первых, на основании наблюдений за все время обучения его в Гимназии К. Мая поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ образцовые, прилежание примерное и любознательность по всем вообще предметам весьма живая, и во-вторых, что он обнаружил ни жеследующие познания:

Закон Божий — пять, русский язык и словесность — четыре, логика — пять, латинский язык — четыре, греческий язык — четыре, математика — три, физика — четыре, история — пять, немецкий язык — четыре.

На основании чего и выдан ему сей аттестат зрелости предоставляющий ему все права, обозначенные в пар [аграфах] 130–132 Высочайше утвержденного 30 июля 1887 г. устава Гимназий и прогимназий.

По отбывании воинской повинности пользуется правами указанными в Высочайшем Повелении 10 февраля 1886.

С.Петербургу шюня 1-го дня, 1893 года"

УНИВЕРСИТЕТ И АКАДЕМИЯ

Перед поступлением в Академию художеств летом 1893 года Николай Константинович готовится под руководством И.И. Кудрина в музее Академии художеств — рисует те самые гипсовые головы, которые обычно предлагаются на вступительных академических экзаменах. Наставник просит не увлекаться тушевкой: "Главное, покажите, как строите". Затем успешно сдает приемные экзамены, выполнив рисунок головы греческого юноши II века Антиноя: "Сделал, что мог. Прихожу узнать. В вестибюле встречает Новаренко и начинает утешать: "Не в этом — так в следующем году". — "Неужели провал? " — "В списках нет Вас". Но тут же стоит швейцар Академии Лукаш (мы его очень любили) и укоризненно увещевает Новаренко: "Чего смущаете, раньше, чем говорить, прочли бы списки". Принят, и даже хорошо!!!"

Занятия для Николая Константиновича начались сразу в двух вузах и потребовали собранности и организованности. Распорядок дня сложился примерно следующий: подъем в девять часов утра, с десяти до часа — занятия в академии, с часа до трех — университет, с трех до пяти — работа над эскизами, с пяти до девяти — вечерние классы и практические занятия в академии, с девяти до двенадцати ночи — чтение, литературная работа, встречи с друзьями и знакомыми, участие в студенческих кружках. В праздничные дни и каникулы — выезды на натуру, археологические раскопки, охота, посещение музыкальных концертов.

Н.К. Рерих. Санкт-Петербург. 1896–1898 гг.

Музыка всегда играла в его жизни важную роль. Николай Константинович старался посещать все наиболее значимые в музыкальном отношении события: известные Беляевские симфонические концерты в Дворянском собрании, концерты Русского музыкального общества в консерватории. Из композиторов поначалу выделял Римского-Корсакова, Глазунова, Лядова, Аренского, Глинку; затем пришла пора Вагнера, Скрябина, Прокофьева Трепетное отношение к звукам музыки Н. Рерих вынес из детства, когда в их дом маленькая девочка приводила слепого старика-настройщика. После настройки тот играл на рояле и доставлял этим мальчику великое наслаждение. Семья Рерихов имела абонемент в Большой оперный театр. "Казалось, — вспоминал впоследствии художник, — что музыканты играют по золотым нотам. Была забота, чтобы все в ложе скорей сели по местам. Господин с палочкой пришел! — так тревожно заявлялось в аванложу в боязни, что запоздают и начнут двигать стульями и говорить, а там уже волшебно играют по золотым листам". Уже много позднее, в экспедициях, при экипировки которых тщательно учитывался каждый килограмм

груза, Николай Константинович неизменно берет с собой патефон и пластинки к нему.

Николай Константинович учится в головном классе у профессоров Н. Лаверецкого и И. Пожалостина. Сдав там первый экзамен, переходит в фигурный класс к П. Чистякову и Г. Залеману. Затем, после сдачи следующего экзамена, — в натурный класс к Б. Виллевальде, Н. Бруни, В. Маковскому, И. Подозерову и успешно трудится, получив первый разряд за эскиз "Плач Ярославны". К тому же периоду относятся эскизы "Святополк Окаянный", "Пскович", "Избушка пустынная", "На границе дикий человек", "Пушкари", "Вече", "Варяги", "Воин", "Воины у костра ночью", "Выдача головой", "Всадник", "Девушки на обрывистом берегу", "Витязь на коне", "Ушкуйник", "Зверя несет", "Иван Царевич наезжает на убогую избушку", "Утро богатырства Киевского" и др.

Под впечатлением от археологических раскопок, в которых с неизменным интересом участвует, он пишет не только отчеты и рассказы, но также и стихотворения.

"Нешто вы, барин, хотите кости покою лишать!
Только что нам за дело. Сопки заутро копать
Хочет, вишь, барин. Слышь, Нюшка, ты поскорей побежишь
Завтра кто с ломом, с лопатой или чтоб
Весь сход повестить".

Утром гурьбою веселой к реке потянулся народ.
Все веселится. Щебечут птицы. Высоко плывет
Ястреб в лазури. Турлычет в мшаге журавль молодой.
За рекою все мхи лишь покрытые тощей сосенкой кривой

Или березкой карельскою… Дальше — там лес вековой,
Словно прозрачною дымкой закрылся он синевой.
Сумрачен, грозен бормочет. Прочь! Стороной проходи
Знаю! Ты враг мой — погубишь… Лишь тебя в чащу плети.

Вот и курган. Горделиво он над рекой возвышается.
Время щадило его… ну так люди стереть собираются.
Все, чем веками природа холмик печальный убрала,
Все беспощадно лопата по сторонам раскидала.

Мох, что могильные камни зеленью свежей покрыл,
Землянику и кашку; годами все что росло истребил,

Погубил… И к чему? Но не время об этом теперь говорить.
Уж глубоко разрыли… Тут будем скоро кости теперь находить.

"Барин! ось глянь-ка! Медяшка! Парень веселый сказал.
Это серьга была, взял я, холод в груди пробежал.
Чьею была ты? Веками мирно лежала в земле,
Да судьба не судила в покое лежать и попала ко мне.

Вынули череп. Осклабясь, он на меня посмотрел.
Может быть, тайну какую? Может, поведать хотел.
Что ходили в минувшее время любоваться его красотой
Иль просил, чтоб рукою жестокой не тревожил его я покой

Может быть… Эх, я не понял, что он пытался сказать.
Вспомнилось только, что скоро буду и я так лежать.
Лишь когда и какая лопата на меня накидает земли,
Кто ж разроет ее и кто вынет пожелтевшие кости мои.

Николай Константинович часто обращается за советами к профессорам академии, показывает свои эскизы И. Репину, внимательно прислушиваясь к его замечаниям. Создает работу "Садко у морского моря" под впечатлением от музыки Римского-Корсакова. Во всех своих картинах разрабатывает тему Древней Руси, будучи знакомым с лучшими трудами современников — выдающихся российских художников, пишущих в историческом жанре: В. Сурикова, В. Васнецова, В. Верещагина и А. Рябушкнна. Но ищет вместе с тем свою ноту, спою тему, не отвергая при этом достижении предшественников. Записывает в дневник: "Еще далеко до самого дела, теперь только надо начинать подготовку для него — для пролития света, иллюстрации родной истории…"

Так у Николая Константиновича возникает идея создания в академии кружка самообразования для будущих художников. Он пишет в письме своему другу Леону Антокольскому: "Теперь о кружке. Спасибо, что разделяешь мои мысли. Помоги мне выполнять, давай, выполним эту задачу. Только тут необходим строжайший выбор. Люди все должны быть честные, хорошие, добрые. Должны быть далеки от зависти, этого разлагающего элемента. Чтобы в этом кружке было поменьше грязи, ведь и без того чересчур много подлости и грязи кругом. Числом не более 10, и десяток-то дай Бог набрать подходящих людей. Будем

помогать друг другу развиваться, образовываться, расширять кругозор — что невозможно одному, то возможно многим. Художнику должны быть просто все специальности известны, должны быть известны стремления общественные.

Трудную, брат, дорогу мы выбрали, но все же я предпочту быть средним художником, нежели специалистом по другим многим областям. Все же его занятия чище, лучше, все же искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей, тогда как многое другое порождено низшими, а то и животными стремлениями. Ведь лучше служить тяжелым трудом, но делу хорошему, нежели несимпатичному. А кружок чем важен? Художнику больше, нежели всякому другому, приходится испытывать разочарования и также увлекаться. Кружок же добрых честных товарищей может наставить увлекающегося на пути истинные, может поддержать упавшего духом… Твой Н. Рерих"

Вовлекая товарищей в свой план, пишет устав и программу такого кружка и обращается к руководству с просьбой разрешить создание кружка в стенах академии. Рассчитывает на помощь и руководство И. Репина и обсуждает возможность создания кружка с Ф. Бруни и В. Беклемишевым. Идея такого кружка была простой по сути — дать художникам университетское образование или побудить к самообразованию по самому широкому кругу гуманитарных дисциплин. Сам Николай Константинович поражал товарищей-студентов разносторонностью своих интересов в области этих наук и стремился способствовать обучению наукам в среде студентов. Идея обсуждалась на протяжении двух лет, но по целому ряду причин так и не была воплощена в жизнь. Однако она оказалась очень полезным опытом для самого Николая Константиновича, поскольку стала первым шагом к общественной и педагогической деятельности, которой он впоследствии отдал немало сил и времени. В воспоминаниях осталось: "Для обмена мыслями создавалось несколько кружков. Был студенческий кружок, сошедшийся вокруг студенческого сборника. Но состав его был слишком пестр, и никакого зерна не составилось. После университета у меня в мастерской в Поварском переулке собирался очень ценный кружок — Лосский, Метальников, Алексеев, Тарасов… Бывали хорошие беседы, и до сих пор живет связь с Лосским и Метальниковым. Зародилось и "Содружество" — С. Маковский, А.Руманов — группа писателей и поэтов".

В 1894 году в Академии художеств была осуществлена серьезная реформа, когда был принят новый устав, радикально обновлен преподавательский состав и основаны профессорские мастерские. Ушел целый ряд преподавателей: П.М. Шамшин, К. Б.

Вениг, В.В. Верещагин. Вместо них были приглашены и стали профессорами Академии: И.Е. Репин, В.Е. Маковский, А. Д. Кившенко, А.И. Куинджи. Действительными членами академии стали В.И. Суриков, В.М. Васнецов, В.Д. Поленов, В. А. Беклемишев, М.М. Антокольский.

Кончилась целая эпоха академии — перед будущими художниками встал вопрос выбора, у какого известного педагога они желали бы продолжать свое художественное образование. У Н. Рериха этот выбор был связан с именами Репина и Куинджи. И выбор, надо сказать, непростой, в том числе еще и потому, что один был жанристом, а другой — пейзажистом. Однако Николай Константинович выбирал между этими мастерами еще и в связи с их характерами. Тут стоит отметить такое обстоятельство, что в первый год обучения еще у профессоров старой школы Николай Константинович по целому ряду обстоятельств, одним из которых было некоторое недоверие к их, возможно, рутинному подходу к обучению новичков, не удалось найти для себя какого-то одного руководителя в живописи и всецело полагаться на него. Очень хотелось побыстрее приступить к реализации давно вынашиваемых идей в искусстве, связанных с историей, археологией, философией. И Николай Константинович, всерьез занявшись исторической темой Древней Руси, надеялся на понимание со стороны будущего преподавателя своего особого пути, как симбиоза живописи и истории, и на возможность обрести с его помощью самостоятельный художественный почерк. Потому перед выбором профессора-наставника он сомневался и волновался не меньше, чем на экзаменах. Но на удивление этот экзамен жизни для Николая Константиновича разрешился довольно просто, практически без усилий с его стороны. Сокурсник предложил Н. Рериху все-таки пойти к Куинджи, а не к Репину, в классе у которого, надо сказать, свободных мест уже не было. Архип Иванович долго и молча рассматривал эскизы Рериха. Потом подозвал служителя и, указав на Николая Константиновича, произнес: "Это вот они в мастерскую ходить будут". В октябре 1895 года Н. Рерих записывает в своем дневнике: "Большое событие! Я в мастерской Куинджи".

Архип Иванович Куинджи уже при жизни стал легендарной личностью и пользовался необыкновенным уважением студентов. Родился он в очень бедной семье на юге России в Мариуполе и в шесть лет остался сиротой, познав голод и нужду. В детстве, чтобы выжить, ему пришлось браться за любую работу. Так, приходилось быть и подпаском, и чернорабочим на стройках, и ретушером у фотографа. Образование Архипа Ивановича ограничилось несколькими классами начальной школы. Он

трижды предпринимал безуспешные попытки попасть в Академию художеств. Причем в третий раз из тридцати принятых в академию не принятым остался только он. Жизнь очень долгое время была сурова к великому художнику. Признание пришло к Куинджи в 1870-х, а особенно в 1880-х после ошеломившей публику картины "Лунная ночь на Днепре". Архип Иванович был необычайно даровит, безгранично предан искусству живописи и требовал такой же любви и от своих учеников, справедливо считая, что без полной самоотдачи искусству из ученика никогда не сможет вырасти настоящий творец.

Считалось, что какого-то своего особого педагогического метода Куинджи не имел. Возможно, что так и было. Однако его широкий творческий подход к образованию художников имел свои огромные, не заменимые догматами педагогики, плюсы, позволяя развить в студенте яркую индивидуальность. Основной работы художника он считал работу с натуры, при которой ученик должен учиться у самого большого художника этого мира — Природы. Этюды, по его мнению, должны были писаться с натуры, обязательно глубоко запоминаться художником, но вот сама картина должны выражать мысль уже самого художника, способного облечь ее в формы, почерпнутые в бесконечном творческой кладовой природы. Куинджи провозглашал именно личное отношение художника к изображаемому как основное в картине. Этот подход искренне и горячо разделялся Николаем Константиновичем, для которого воплощение высоких мыслеобразов в искусстве стало впоследствии делом всей жизни. Рериху в учителе импонировала также и одухотворенность творческого мышления Куинджи, какой! — то его особый романтизм, побуждавший видеть и реалистично воплощать в искусстве поэзию жизни. Можно определенно отметить, что, как и целый ряд других обстоятельств жизни, явление Куинджи стало необходимой и незаменимой вехой на пути раскрытия творческого потенциала Н.К. Рериха.

Придя к славе и благополучию, Архип Иванович, вел тем не менее скромный образ жизни, всячески поддерживал малообеспеченных учеников, жертвовал значительные суммы на нужды искусства, а в конце жизни большую часть своего состояния завещал на благотворительность.

Н.К. Рерих постоянно возвращался в своих воспоминаниях к личности Куинджи с неизменной благодарностью: "Мощный Куинджи был не только великим художником, но также был великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединенна, и только ближайшие его ученики знали глубину души его. Ровно в полдень он всходил на крышу дома своего, и, как

только гремела полуденная крепостная пушка, тысячи птиц собирались вокруг него. Он кормил их из своих рук, этих бесчисленных друзей своих: голубей, воробьев, ворон, галок, ласточек. Казалось, все птицы столицы слетались к нему и покрывали его плечи, руки и голову. Он говорил мне: "Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя". Незабываемо было зрелище этого седого и улыбающегося человека, покрытого щебечущими пташками; оно останется среди самых дорогих воспоминаний… Одна из обычных радостей Куинджи была помогать бедным так, чтобы они не знали, откуда пришло это благодеяние. Неповторима была вся жизнь его…"

Через школу самобытного таланта А. И. Куинджи помимо Н.К. Рериха прошел целый ряд замечательных художников: К.Ф. Богаевский, А.А. Рылов, А.А. Борисов, В.К. Пурвит, К.Х. Вроблевский, Я.И. Бровар, Г.О. Калмыков, Н.П. Химона, Е.И. Столица, В.И. Зарубин, М.П. Латри, Ф.Э. Рушиц, А.А. Чумаков, П.Н. Вагнер, А.И. Кандауров, В.А. Бондаренко. Интересно, что никто из учеников не стал прямым продолжателем метода учителя в живописи, но все стали мастерами своего неповторимого метода, внеся огромный вклад в фонд национального искусства.

К академической поре относится и первые самостоятельные путешествия Н.К. Рериха по значительным историческим и художественным местам России. Художника интересовало славное прошлое родины, ее культурные достижения, запечатленные в живописи, архитектуре, фольклоре, сохранность уцелевших памятников.

"Сколько глав! — восхищался он. — Сколько золоченых и синих, и зеленых, и со звездами, и с прорисью! Сколько крестов! Сколько башен и стен воздвиглось вокруг сокровища русского! Для всего мира это сокровище благовестит и вызывает почитание. Уже сорок лет хождений по святыням русским. Напоминается, как это сложилось.

В 1894-м — Троице-Сергиева Лавра, Волга, Нижний Новгород, Крым. В следующем году — Киево-Печерская Лавра. Тайны пещер, "Стена Нерушимая". Стоит ли? Не обезображено ли?

В 96-м и 7-м, по пути из Варяг в Греки — Шелонская Пятина, Волхов, Великий Новгород, Св. София, Спас Нередецкий, все несчетные храмы, что, по словам летописца, "кустом стоят". В 98-м — статьи по реставрации Святой Софии, переписка с Соловьевым, Стасовым, а в 99-м — Псков, Мирожский монастырь, погосты по Великой, Остров, Вышгород. В 901—2-м — опять Новгородская область, Валдай, Пирос, Суворовское поместье.

Места со многими храмами древними от Ивана Грозного и до Петра Великого".

Постижению и проникновению Н.К. Рериха в историю и искусство России немало способствовал Владимир Васильевич Стасов, выдающийся русский музыкальный и художественный критик, архивист, историк искусства, общественный деятель, сын известного архитектора В.П. Стасова, активный сторонник композиторов "Могучей кучки" и художников-передвижников. Николай Константинович часто посещал Владимира Васильевича, работавшего в Публичной библиотеке. А знакомство их началось осенью 1894 года, когда молодой художник принес свою работу — размышления о значении искусства для современности. Работа понравилась маститому критику, и впоследствии завязавшаяся дружба обогатила обоих деятелей разнообразным знанием, поклонниками которых они были оба.

Николай Константинович вспоминал слава В.В. Стасова о национальной культуре и искусстве, созвучные ему самому: ""Всякий народ должен иметь свое собственное национальное искусство, а не плестись в хвосте других по проторенным колеям, по чьей-либо указке". В этих словах вовсе не было осуждения иноземного творчества. Для этого Стасов был достаточно культурный человек, но как чуткий критик, он понимал, что русская сущность будет оценена тем глубже, если она выявится в своих прекрасных образах. А сколько прекраснейших и глубочайших образов дает Россия. Сказанное и несказанное, писанное и неписанное, как в старинных синодиках, остаются неизреченными образы величественные. В этой еще несказанности и заключается та скрыня народная, та чаша неотпитая…"

Еще в детстве зародившийся интерес Николая Константиновича к великой славянской и индо-европейской истории и культуре, ее связям с Востоком получал поддержку: "Обсуждали мы о величественном эпосе Литвы с В.В. Стасовым и Владимиром Соловьевым. У Литвы было всегда много друзей. Слушая о моих картинных планах. Владимир Соловьев теребил свою длинную бороду и повторял: "А ведь это Восток, великий Восток". А Стасов усмехался в свою еще более длинную седую бороду и приговаривал: "Как же не Восток, если и язык-то так близок к санскриту!" Где остались теперь мои "Кони Световита"? Была и картина "Вайделоты". На поляне среди священных дубов творились древние обряды… Также была картина "Перкунас"".

Глубокий интерес и уважение к истокам родной культуры и веры подкреплялся также и совершенно особым семейным знакомством с великим русским подвижником отцом Иоанном

Кронштадтским, глубоко почитаемым в семье Рерихов. Его посещений в их доме всегда ждали с особым благоговением.

"По… набережной, — вспоминал Николай Константинович, — издалека замечалась заветная, жданная карета, и торопливо-заботливо проносилось по дому: "идет", "приехал". И опять входил благостно улыбающийся, как бы пронизывающий взором о. Иоанн и благословлял всех, сопровождая благословения каждому каким-то особым, нужным словом. Кому-то Он говорил: "Радуйся", кому-то "Не печалуйся", кому-то — "В болезни не отчаивайся". Все эти быстрые слова имели глубочайшее значение, открывавшееся иногда даже через продолжительное время.

Затем говорилось "помолимся". После чего следовало то поразительно возвышающее служение, которое на всю жизнь не забудет тот, кто хоть однажды слышал и приобщался ему. Поистине, потрясающе незабываема была молитва Господня в устах о. Иоанна. Невозможно было без трепета и слез слушать, как обращался этот Высокий Служитель к самому Господу с такою верою, с таким утверждением, в таком пламенном молении, что Священное Присутствие проникало все сердца.

Продолжением того же священного служения бывала и вся трапеза с о. Иоанном. Мы, гимназисты, от самых первых классов, а затем и студенты, навсегда вдохновлялись этим особо знаменательным настроением, которое продолжает жить нестираемо десятки лет — на всю жизнь. Тут же за трапезой происходили самые замечательные указания и прозрения. Часто говорилось: "Пусть ко мне придет такой-то — нужно будет". А затем, через многие недели, слушавшие понимали, зачем это было нужно. Или "Давно не видал такого-то", и через некоторое время все понимали, почему проявлялась такая забота. Помню, как однажды о. Иоанн подозвал меня, тогда гимназиста младших классов, и, налив блюдечко старого портвейна, дал выпить из своих рук.

Когда же моя матушка заметила, что "он у нас вина не пьет", то о. Иоанн сказал: "Ничего, ничего, скоро нужно будет". А через две недели у меня открылся тиф, и при выздоровлении врач предписал мне для подкрепления сил именно этот старый портвейн. Также всегда помню благословение о. Иоанна на изучение истории и художества и неоднократные заботы о болезнях моих, которым я был подвержен в школьные годы. Одно из последних моих свиданий с ним было уже в Академии Художеств, когда теснимый толпою почитаемый пастырь после литургии проходил залами академического музея. Увидев меня в толпе, Он на расстоянии благословил и тут же, через головы

людей, послал один из своих последних заветов: ["Не болей, придется для Родины много потрудиться!"]

Мой покойный тесть, Ив. Ив. Шапошников, также пользовался трогательным благорасположением о. Иоанна. Он звал его приезжать к нему и, чувствуя его духовные устремления, часто поминал его в своих беседах. Помню также, как однажды на Невском, увидев из кареты своей ехавшую тетку жены моей, княгиню Путятину, Он остановил карету, подозвал ее и тут же дал одно очень значительное указание.

В этой молниеносной прозорливости сказывалось постоянное, неугасаемое подвижничество о человечестве. Известно множество случаев самых необычайных исцелений, совершенных им лично и заочно. А сколько было обращенных к истинной вере Христовой после одной хотя бы краткой беседы с высокочтимым пастырем. Известно, как два гвардейских офицера, по настоятельной просьбе их родственниц, в любопытстве и невежестве поехали в Кронштадт повидать о. Иоанна. При этом в пути они говорили между собою: "Ну что ж, поболтаем". Приехав в Кронштадт, они заявили о своем желании повидать Батюшку. На это келейник вынес им пустой стакан с серебряной ложечкой и сказал: "Батюшка поболтать велел". Конечно, молодые люди были глубоко потрясены, и все их легкомыслие навсегда их покинуло.

Наряду с прозорливостью о. Иоанн отличался и свойственною великим подвижникам широтою мысли. Помню, как при разговоре о том, почему дворниками в Зимнем дворце служат татары, о. Иоанн с доброй улыбкой сказал: "Татары-то иногда лучше бывают". Когда скончался о. Иоанн, то всей Руси показалось, что ушла великая сокровищница русская перед новыми для земли испытаниями. Вследствие отъезда не пришлось быть на погребении о. Иоанна. Так и остался Он как бы неушедшим, а Его светлопрозорливый взор живет навсегда во всех, кто хотя бы однажды видел Его. И в наши времена не обделена земля великими подвижниками, крепкими, светлыми воеводами земли русской".

Николай Константинович с неизменном теплотой и глубоким уважением вспоминал и о других владыках Русской православной церкви, с которыми ему выпало счастье встретиться на жизненном пути:

"Незабываемы также встречи и с другими Иерархами, среди которых всегда остаются живыми и встречи с митрополитом киевским Флавианом, и работа по украшению Почаевской лавры с блаженнейшим митрополитом Антонием, и посещения Им совместно с митрополитом Евлогием нашей иконописной мастерской при школе Императорского общества поощрения

художеств.

Митрополит Флавиан особенно ценил строгий византийский характер фресковой живописи. В моих эскизах для церквей под Киевом Он отмечал именно это качество. Блаженнейший митрополит Антонин вообще глубоко ценил старинное иконописание, которое, как нельзя более, отвечало и всему богослужебному чину. Помню, как при обсуждении одной из мозаик для Почаевской лавры я предложил избрать сюжетом всех Святых стратилатов Православной церкви, и митрополит вполне одобрил это, подчеркивая и умственность такого образа. Помню, как владыка Антонин, смотря на мою картину "Ростов Великий", проникновенно сказал: "Молитва Земли Небу". Драгоценно и радостно было встречаться с владыкой на путях церковного художества и видеть, как глубоко Он чувствовал священное благолепие русской иконы. А ведь в те времена не так часто еще понималось высокое благолепное художество нашей старинной иконописи и стенописи. В то время покойный император еще с прискорбием замечал: "Если моя бабка могла иметь в Царском Селе китайскую деревню, то могу же я иметь там новгородский храм". Глубокая скорбь о несправедливых суждениях сказывалась в этом замечании".

Накопленные знания и богатый исторический, археологический и этнографический материал позволил Николаю Константиновичу в 1895–1896 годах создать одни из первых своих больших работ "Вечер богатырства Киевского" и "Утро богатырства Киевского". Собственно, их создание привело к основанию первой большой серии работ художника на тему "Начало Руси. Славяне". План серии выглядел таким образом:

"1. Славяне (Поселок. Сходка. Говорит выборный. Взаимные отношения старого и молодого элементов.)

2. Гадание (Перед походом. Старик и кудесник у Дажьбоговой криницы.)

3. После битвы (междоусобной).

4. Победители (С первым снегом — домой с добычей.)

5. Побежденные (На рынке в Царьграде. Параллель между пышными византийцами и большим живым куском мяса — толпою пленных. Купцы арабы. Служилые варяги.)

6. Варяги (в ладьях — на море).

7. Полунощные гости (весенний наезд варягов в славянский поселок).

8. Князь (Прием дани. Постройка укреплений. Идолы.)

9. Апофеоз. Курганы".

Замысел такой серии был принципиально новым для русской исторической живописи, но в лице А.И. Куинджи и В.В. Стасова

нашел сторонников и одобрение. Стасову импонировал сам интерес Рериха к родной истории и ее интепретация, построенная на научной археологии и этнографии, а Арихип Иванович поддержал масштаб замысла, широту его охвата.

Два плодотворных года продолжалось обучение Н.К. Рериха в мастерской А.И. Куинджи. В начале 1897 года в Академии художеств разразился немалый скандал, вынудивший принципиального Куинджи покинуть ее стены, когда академию захлестнула волна студенческих волнений. Он вступился за студентов, попытался отвести от них наказание начальства. Этот факт возмутил великого князя Владимира Александровича, главу академии, потребовавшего немедленной отставки Архипа Ивановича. И эта вынужденная отставка состоялась. Вместе с тем состоялось и совершенно непредвиденное для руководства — ученики А.И. Куинджи подали прошения об отчислении из Академии. Руководство, пытаясь не допустить массового выхода студентов А.И. Куинджи, в свою очередь, предложило им места в мастерских других профессоров, от чего они, за исключением четверых, отказались. Отказался и Рерих, которому было предложено место в мастерской И.Е. Репина и заграничная поездка за счет академии после ее окончания. После долгих трений и споров было решено оставить всех студентов до защиты дипломов по работам, которые они могли бы подготовить и представить руководству. Николаи Константинович подготовил в качестве дипломной работы картину "Гонец. Восстал род на род" и представил ее на конкурсной выставке в ноябре 1897 года.

Сюжет этой работы относится к древним славянским временам родового строя. В полумраке ночи под лунным светом спешит гонец сообщить сородичам, что скоро будет война, ведь восстал род на род. Ни сюжет, ни цветовая гамма на являлись особо выигрышным, или чем-то совершенно новаторским в русской живописи, а стали, пожалуй, одним из первых пророческих произведений-предчувствий, предвосхитивших грандиозные социальные потрясения, революции и войны России начала XX века.

Картина не изображала войну, но было ясно, что она скоро вспыхнет — это чувствуется в напряженных, приглушенных коричневатых и зеленоватых тонах. Она неизбежна, и усталая фигура гонца не дает ответа, как, каким образом её можно предотвратить. Опытный вестник знает, что случится то, что должно случиться. Многое накопилось, и многое должно разрешиться. Разрешиться трагически.

Именно "Гонец" стал первой работой Н.К. Рериха, показавшей публике его и как даровитого художника, и как интуитивиста,

глубоко, эмоционально и точно пророчествующего о грядущих событиях. От картины веяло чем-то совершенно необычным, не выражаемым ранее; она была высоко оценена современниками и сразу с выставки приобретена для своей галереи П.М. Третьяковым. Интересно, что самому Николаю Константиновичу потом много раз в жизни выпадало выполнять роль такого гонца, с важной миссией спешившего на помощь людям.

Николаю Константиновичу из первоначального замысла серии "Славяне" удалось выполнить пять работ: "Гонец", "Сходятся старцы", "Поход", "Город строят" и "Зловещее". В галерею П.М.Третьякова был приобретен только один "Гонец". Павел Михайлович планировал приобрести и другие работы этой серии, но вскоре после академической выставки он скончался, и серия распалась.

В.В. Стасов, увидев "Гонца" на выставке, также горячо приветствовал идею работы и ее исполнение и предложил Николаю Константиновичу съездить в Москву к великому русскому писателю Л.Н. Толстому, показать картину и получить его благословение. Поездка вскоре состоялась и запомнилась Н.К. Рериху на всю жизнь:

"Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие, но такое слово не полюбилось бы самому Толстому, и он, вероятно, оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. И против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было простое. Это неправда, у него было именно значительное русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, и само воодушевление его при некоторых темах разговоров не было возбуждением, но наоборот выявлением мощной спокойной мысли. Индии ведомы такие лица.

…Стасов оказался совершенно прав, полагая, что "Гонец" не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине моей гонец в ладье спешил к древнему славянскому поселению с важною вестью о том, что "восстал род на род". Толстой говорил: "Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований: надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет.

Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет".

Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить мое внимание в сторону народа.

"Умейте поболеть с ним", — такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: "Ну вот, теперь вы получили настоящее звание художника"".

В том же 1897 году Николаем Константиновичем создается картина "Ведун", удостоенная внимания в популярном в конце XIX художественно-литературном журнале "Всемирная иллюстрация". Изображен на ней старик-волхв, фигура которого как бы вырастала из земли, являясь ее продолжением. Он сосредоточенно прислушивается к звукам окружающего мира, весь образ передает силу и слитость с материальным и нематериальным мирами:

"Сколь бы ни тянулись бесконечные споры. — писали критики, — сколько бы копий ни было преломлено, сколько бы нареканий и обвинений ни обрушивалось на художников в тенденциозности, безыдейности, чрезмерном "искусстве для искусства", во всех этих разноголосицах единственной, не могущей возбуждать спора, так сказать, бесспорной отраслью искусства вообще, а в данном случае изобразительного искусства живописи — будет живопись историческая в самом широком смысле, т. е. включая в нее живопись религиозную, собственно историческую (имеющую в виду какое-либо определенное событие, достоверность которого основана на известном историческом источнике), историко-культурный или так называемый исторический жанр, сказочную и мифологическую. Эти виды живописи сами по себе должны стоять вне каких бы то ни было разговоров о тенденциозности или чем-либо подобном, так как со стороны сущности они никак не могут быть лишены идеи и в большинстве случаев идеи чистейшей, с другой же стороны, они настолько чудесны и полны привлекательности, что вряд ли сколько-нибудь настоящий художник (не протоколист и не копиист от искусства) подумает и решится навязать подобной теме тенденцию — монотонным, наставительным говором рассудка растоптать, погубить всю поэзию, обаяние исторического сюжета.

В характерном историческом этюде художника-археолога Н.К.

Рериха представлен тип старика ведуна — знахаря, кудесника. Волхвы, кудесники — играли немалую роль в Древней Руси; летописец неоднократно упоминает о кудесниках и их чарах; Нестор призывает на помощь против них Священное Писание, прибегает ко всеобщей истории, дабы дойти до настоящей истины, но все его доводы оказываются тщетными перед жизнью, перед влиянием кудесников на народную массу. Вспомним хотя [бы] следующие места Несторова писания: "В си времена приде Волхв, прелщен бесом; пришед бо Кыеву глаголати сице, поведая людим, яко на пятое лето Днепру потещи вспять и землям проступати на ина места, яко стати Гречьской земли на Руской, а Русьскей на Гречьской, и прочим землям изменитися, его же невегласи послушаху, вернии же насмехаются, глаголюще ему: "бес тобою играет на пагубу тебе"". Затем в Ростове был произведен мятеж волхвами, уверившими народ, что женщины во время голода держат в себе жито, мед, рыбу. Как известно, и многие женщины были перебиты. Самое же классическое место о влиянии волхвов на юное русское общество XI века… Дело было в Новгороде. Явился волхв и стал уверять, что он пройдет при всех по реке Волхву. "И бысть мятеж в граде, вси яша ему веру, и хотиху погубити епископа; епископ же взем крест и облекся в ризы, ста рек: "Ище хощет веру яти волх[в] у, го да идет за ны; аще не верует кто, то ко кресту да идет". И раздедншася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и сташа у епископа; а людье вси идоша за волхва; и бысть мятеж велик межи ими. Глеб же взем топор, приде к волхву и реме ему: "То веси ли, что утро хощет быти и что ли до вечера? " Он же рече: "Все ведаю". И рече Глеб: "То веси ли, что хощет быти днем?" "Чудеса велика сотворю", — рече. Глеб же вынем топор, роегя и нале мерть и люди разидошася, он же (волхв) погыбе и телом и душою, предався дьяволу" (Лавр, лет., стр. 77–78). При чтении подобных мест у летописца становится ясным огромное значение волхва, кудесника в тогдашнем быту.

Изображение подобной сильной натуры, способной запугать, увлечь за собою массу, дает нам молодой, талантливый художник в настоящем, свободно написанном рисунке со своего этюда".

В следующем году Н.К. Рерих создает не менее значительное произведение на тему происхождения Руси "Сходятся старцы". В духе древних сказов создает и описание.

ЗА ДАЛЬНИМ ПЕРУНОВЫМ ОЗЕРОМ
В заповедном от дедов урочище
Стоит над яром высокий дуб.
Любил Сварожич то дерево,

А славяне ильменские чтут его.
Место вокруг дуба утоптано.
Горит под дубом святой огонь,
К дубу сходятся родичи:
"Стоять ли земле без хозяина?"
Старцы земли Новагорода
Сойдутся под дубом раскидистым.
Ворон на дубе не каркает,
На небе заря разгорается —
Скоро Ярило покажется —
Засияет, блеснет красно солнышко —
И проснется земля Святорусская.

Художественный критик Иван Лазаревский писал о "Старцах" в 1901 году: "Написана эта картина широким свободным письмом — вблизи ее нельзя рассматривать, но когда поглядишь на нее с небольшого расстояния, она производит превосходное впечатление. Я не могу удержаться и не привести отзыв одного из критиков — М. Далькевича — об этой картине — отзыв, к которому ничего больше и не прибавишь: "Написана она широко и грубо, — говорит он, — нет ничего яркого, отчетливого, выделенного, выпуклого — все в ней серо, неопределенно. Такой же широкой, неопределенной и грубой рисуется в нашем воображении и эта седая старина, яркость образов которой теряется в туманной дали веков". В картине "Сходятся старцы" как нельзя ярче выразилась характерная особенность таланта Н.К. Рериха — удивительное уменье передать в своем произведении дух изображаемой эпохи, захватить зрителя, заставить его перенестись мысленно в ту далекую старину. Некоторые из любителей и ценителей живописи нападали на Н.К. Рериха, упрекая его в том, что в картине "Сходятся старцы" рисунок слишком эскизен и неясен. Мне кажется, что эти наветы на художника не совсем основательны. Правда, в этой картине рисунок несколько эскизен, нет строго намеченных резких линий; но иначе и быть не может, иначе исчезнет то настроение, которое хотел передать художник и которое так ему удалось".

На полотне огромных размеров запечатлен ранний утренний пейзаж, рассвет, за лесом встает солнце, на заднем плане — излучина реки или озеро, а на переднем — фигуры старейшин славянских родов, собравшихся в столь ранний час восхода для заключения важного союза. Союза свободных племен, союза, давно ожидаемого и столь же необходимого для будущей мирной жизни, чтобы не восставал род на род. Идея объединения родов

давно вынашивалась, и теперь под вековым дубом будет скреплен священный союз славян. Так, по мнению Рериха, зарождалась Русь, так она будет собираться всякий раз после тех или иных неурядиц или нестроений, опустошительных набегов враждебных племен. Особым знаком, сопутствующим объединению, служит находящийся рядом со старцами камень. Знал или нет художник в момент написания картины о загадочных "живых" камнях, которые появляются около священных и значительных мест к нужному сроку, доподлинно неизвестно. Интуиция или глубоко живущие в его сознании представления из прошедших эпох поместили в центр композиции движущийся камень — необходимого, непременного участника важных исторических событий, к важному сроку посылаемого кем-то неизмеримо мудрым, имеющим власть и право скреплять и утверждать земные союзы.

Многолетние упорные стремления художника разглядеть во мраке веков идею зарождения Руси показали на картине "Сходятся старцы" вполне осязаемый результат — символ братского мирного единения народов, идущего из глубины веков. К сидящим фигурам старцев подходит пришедший издалека собрат — еще один необходимый исторический символ пополняемого, расширяющегося круга народов, высшей волею собираемых на просторах великой Руси.

Третьей крупной работой стала картина "Поход", о которой критик И. Лазаревский писал: "Эта картина представила поход в таком изображении, которое публике незнакомо. Нет ни стройных рядов хорошо вооруженных, в блестящих доспехах воинов, не видно развевающихся по ветру знамен и стягов, нет смело гарцующих полководцев. Ничего этого нет. А тянется серая толпа, не яркая, не картинная толпа воинов, а толпа оторванных от земли, от сохи и семьи мужиков. Все они вооружены, чем Бог помог: кто с деревянным щитом за спиной да с копьем и луком, кто просто с копьем, а вон воин, тот и топором удовольствовался; все они в лаптях да в онучах, в заплатанных посконных штанах и рубахах, в грубых армяках, в старых помятых шишаках. Они идут вялой толпой, то кучками, то по одному. Они идут, но мыслями, видимо, далеко от похода — погнали, значит, так надо, рассуждать не приходится — думами они дома, у занесенных снегом избушек с оставленными семьями и родными. Слева остановился на громадном коне, тяжелом и могучем, старый витязь, и поглядывает на свое покорное, разношерстное войско.

Н.К. Рерих с обычным своим талантом и мастерством прекрасно справился со своей задачей и вполне сумел передать в картине то впечатление, которое желал, а именно — впечатление

древнего русского похода… Написана картина, по моему мнению, хорошо. Особенно удался художнику пейзаж картины — и крутая горка, на которую взбираются полчища, и долина справа, внизу поросшая дремучим лесом, порой прерываемая озерами, и небо с яркой, поразительно верно схваченной полоской света на горизонте, на которой так рельефно выделяются воины у перевала горки…

Но и за эту картину многие порицали художника, приводя на вид то, что картина эта написана еще эскизнее, так сказать, чем "Сходятся старцы", и что колорит ее несколько темноват. Соглашаясь отчасти со вторым недостатком картины, никак не могу согласиться с первым. "Поход" написан нисколько не эскизнее "Старцев", но там общий колорит гораздо темнее и потому и кажется, что в "Походе", при более ясном колорите, рисунок вышел еще эскизнее. Я уже имел случай заметить, говоря о "Старцах", что будь у Рериха более ясный, сухой рисунок, давай он резко определенные линии форм, ему бы никогда не достигнуть такой передачи впечатления, какой он достигает при своем эскизном рисунке. То же надо сказать, понятно, и о "Походе"".

НА ПОДЪЕМЕ

В 1898 году Н.К. Рериху было предложено занять пост помощника директора музея при императорском Обществе поощрения художеств и место помощника редактора журнала "Искусство и художественная промышленность". Предложения были весьма лестными, поскольку Общество поощрения художеств имело высокий статус, закрепленный в его уставе, — "особую привилегию состоять под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств", а также эти должности давали гарантированный доход, материальную независимость. Николай Константинович поначалу сомневался в своих силах — удастся ли совмещать обе эти должности сразу. Ободрил его А.И. Куинджи, напутствовав: "Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать".

Дмитрий Васильевич Григорович, директор музея весьма приветливо встретил нового своего помощника и напутствовал его: "Напишите мысленно над входом: "Храните священные предметы". Ведь должны люди помнить о самом священном".

Общество поощрения художеств имело богатую и славную историю. Н.К. Рерих вспоминал: "Среди деятелей Общества во все времена появлялись люди весьма значительные. Великая княгиня Мария Николаевна, а затем принцесса Евгения Максимилиановна долгие годы в качестве председателей Общества лично вносили свое благотворное влияние, принимая участие во всех благообразных делах Общества. Графы Строгановы, граф Паскевич, Островский, Балашов, Григорович, Верещагин, барон Фредерикс, Куинджи, герцог Лейхтенбергский, Рейтерн, Колзаков, Тевяшов, Мякинин, Стасов, граф Голенищев-Кутузов, Гнедич, Нечаев-Мальцев, Бенуа, князь Путятин и множество других известных деятелей и собирателей художества разновременно вносили труды свои на пользу учреждения…

В истории развития Общества поучительно было наблюдать, как из сравнительно небольшого кружка любителей художеств со времен Александра I Общество постепенно выросло в мощное учреждение, имевшее несколько домов, включавшее в себя наиболее многолюдную в Империи школу (более 2000 ежегодных учащихся), интереснейший музей, ряд изданий и устройство всем известных крупных выставок — все это входило в многообразную деятельность, объединенную стимулом — поощрение художеств.

Д.В. Григорович, незадолго до смерти своей, призвал меня в качестве помощника директора музея, в котором он значился директором. Это было очень интересное переходное время, когда

в делах Общества еще принимали участие и старый граф Паскевич, и Баташов, и Колзаков, и Рейтерн, и сам столько потрудившийся для учреждения маститый и много видавший Дмитрий Васильевич Григорович. На многих выступлениях Общества еще отмечались старинные традиции. Еще недавно Император Александр III приезжал один в ранний час на передвижную выставку и отбирал знаменитые теперь картины для будущего Русского Музея. В биографиях Императора не вполне отмечалась эта благостная, характерная черта его личного участия в процветании национального искусства. Еще были живы в памяти Общества ценные дары музею, полученные через великую княгиню Марию Николаевну. Еще жив был старый сторож Максим, весь увешанный медалями, который был как бы неисчерпаемым сказителем былин о всяких достопримечательных былых днях Общества. Как сейчас еще вижу его серебристо-белую голову в значительных рассуждениях о разных знаменательных посещениях".

В том же году Николай Константинович защитил в университете диплом юриста на тему "Правовое положение художника в Древней Руси". Ему пригодились знания по истории родной страны, так упорно им приобретаемые, и Русская Правда, и летописи, и Стоглав, и Акты археологической комиссии. "В древней, самой древней Руси, — писал Н.К. Рерих, — много знаков культуры; наша древняя литература вовсе не так бедна, как ее хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения, научно".

Первым картинам художника сопутствовали его многочисленные статьи "Иконный терем", "Искусство и археология", "На кургане", "По пути из Варяг в Греки" и др., публиковавшиеся в периодических изданиях. В них затрагивались важные темы охраны памятников истории и культуры, связи науки и искусства, огромной художественности ценности русской иконописи. Н.К. Рерих был в числе первых деятелей, понимающих значение иконы и призывавший к сохранению высоких образцов иконописи для потомков: "Помню, как мне приходилось представлять на благословение Иерархов и эскизы стенописи Святодуховской церкви в Талашкине под Смоленском, и иконостас Пермского монастыря, и мозаики для Шлиссельбурга, и роспись в Пскове. А иконы нашей иконописной мастерской, писанные как учащимися школы, так и инвалидами Великой войны, широко расходились по Руси и за границей, внося в жизнь истовые изображения Святых Ликов. Видимо мне, что из учащихся иконописной мастерской некоторые, проникнутые религиозными основами, приняли монашеский чин и

подвизаются и ныне в монастырях. Еще не так давно имели мы трогательное письмо от одной нашей бывшей ученицы, сердечно благодарившей за наставление в иконописании, которое ей как монахине особенно пригодилось для украшения ее обители".

Вскоре после прихода Н.К. Рериха в Музей Общества поощрения художеств умирает Д.В. Григорович, на его место назначается М.П. Боткин, член совета Академии художеств, коллекционер, живописец, считавшийся консерватором в искусстве, родной брат известного врача лейб-медика Его Величества Сергея Петровича Боткина. По воспоминаниям Николая Константиновича, он "тогда писал против Боткина и критиковал его реставрацию Новгородской Софии. После этого мне казалось невозможным с Боткиным встретиться, а тем более сотрудничать. Но Балашев, бывший вице-председателем, был иного мнения. Со свойственной ему торопливостью он пригласил меня поехать вместе с ним к Боткину под предлогом осмотра известной боткинской коллекции. Прием превзошел всякие ожидания. Не только была показана коллекция самым предупредительным образом, но было заявлено о великом удовольствии встретиться в музее Общества, и таким образом все приняло совершенно неожиданные размеры. По поводу же моих статей о Софии было сказано, что Боткин читал их с огромным интересом. Конечно, еще много раз пришлось в деле столкнуться с академической рутиною Боткина. При выборах в академики именно Боткин произнес речь против меня, но когда избрание все же состоялось, то на другое утро Боткин уже был у меня, целовался и говорил, улыбаясь: "Ну и была битва, слава Богу, победили". Он не знал, что еще накануне вечером Щусев и Беренштам позвонили по телефону о положении дела. Так же точно Боткин был против моего назначения директором Школы, но когда и оно все же состоялось, он с улыбками и объятиями спешил оповестить о победе. Опасный был человек, но все-таки поблагодарю его за учебу, за вкоренившийся обычай быть на дозоре. И другие члены комитета занимались той же учебою. Так, например, после моего избрания секретарем Общества, председатель финансовой комиссии Сюзор пригласил меня вечером "потолковать о финансовых делах". Речь шла о большом бюджете и о разных цифрах, превышавших 200.000 рублей. Быстро Сюзор называл разные детальные цифры. Устно подводил итоги и делал всякие сложные сопоставления. Я также устно подавал реплики, и таким образом мы пробеседовали часа три. Затем совершенно неожиданно Сюзор попросил меня через два дня представить весь бюджет, включив в него все те многие детальные соображения, которые он называл. Я попросил его дать

мне какие-либо записки по этому поводу, но он сказал, что записок он не имеет и даже не может повторить устно все им сказанное. При этом он добавил, улыбаясь: "Я удивлялся, видя, как вы надеетесь на свою память и ничего не записываете". Действительно, пришлось вызвать все силы памяти, чтобы не ударить лицом в грязь. Спасибо и за такую учебу…

Не буду таить, что Михаил Петрович Боткин в свое время доставил мне немало забот и хлопот. Шестнадцать лет потребовалось, прежде чем мы вполне сжились в работе, но и его вспоминаю всегда очень сердечно. В нем оставались черты воспоминаний Иванова и Гоголя. Сам он напоминал нам чем-то Ивана Грозного, а его страсть к собирательству примиряла с другими чертами характера. Во всяком случае, в конце концов, мы расстались с ним большими друзьями. Если Куинджи учил одним сторонам жизненной борьбы, то и М.П. Боткин, со своей стороны, вольно и невольно закалял волю и осмотрительность".

Такого вероломного, двуличного администратора, каким был М.П. Боткин коллеги откровенно не любили. Соответствующие воспоминания оставил, например, художник Игорь Грабарь: "Боткину доставляло физическое наслаждение вливать ложку дегтя во все бочки с медом, стоявшие на его дороге и почему-либо ему мешавшие. Не было такого хорошего и большого художественного предприятия, которого он не стремился бы сорвать. Делал он это столь мастерски, что его участие в очередной "пакости" не легко было установить: о нем больше догадывались".

В 1899 году секретарь Общества поощрения художеств Николай Петрович Собко, историк русского искусства и библиограф, предложил руководству Общества назначить Н.К. Рериха своим помощником и тем самым оградить молодого сотрудника от непрерывных нападок М.П. Боткина.

Как и ранее, Николай Константинович работал сразу по нескольким направлениям одновременно. Кроме службы в Музее Общества поощрения художеств он продолжал принимать заметное участие во многих начинаниях Русского археологического общества. Испытывая интерес к Востоку, он посещал заседания славянского отделения и восточного отдела. Этот отдел возглавлял с 1885 года Виктор Романович Розен — известный русский востоковед-арабист, академик Петербургской Академии наук, почетный член Императорского Православного Палестинского общества.

На заседаниях востоковедов состоялось знакомство Н.К. Рериха с известным египтологом Б. А. Тураевым, о котором сохранились самые теплые воспоминания: "Как и многим ученым,

Тураеву жилось нелегко, но эти трудности тонули в океане научного энтузиазма. Именно энтузиазм познавания удержал Тураева на высокой бесспорной стезе исследователя".

Николай Константинович в летние месяцы проводил археологические изыскания. Многолетние наблюдения, накопленные за время археологических работ, легли в основу курса лекций "Художественная техника в применении к археологии", прочитанных им в качестве внештатного преподавателя в Археологическом институте. В самой первой лекции Н.К. Рерихом были затронуты вопросы об отношении искусства к археологии. Им приводились примеры из творчества Леонардо да Винчи, Микеланджело, мнения Л.Н. Толстого и Джона Рескина, подкрепляющие его заключения об органической связи науки и искусства. Среди основных выводов он указывал на ответственность художника перед обществом: "При современном реальном направлении искусства значение археологии для исторического изображения растет с каждой минутой. Для того чтобы историческая картина производила впечатление, необходимо, чтобы она переносила зрителя в минувшую эпоху; для этого же художнику нельзя выдумывать и фантазировать, надеясь на неподготовленность зрителей, а в самом деле надо изучать древнюю жизнь, как только возможно проникаться ею, пропитываться насквозь".

Летом 1899 года Николай Константинович в качестве преподавателя Императорского археологического института получил в Императорской археологической комиссии разрешение на проведение раскопок в Новгородской, Псковской и Тверской губерниях. Так он оказался в имении князя Павла Арсеньевича Путятина в городе Бологое Новгородской губернии. Князь Путятин, русский антрополог и этнограф, состоявший в браке с Е.В. Голенищевой-Кутузовой, в первом браке Митусовой, общественный деятель, коллекционер и археолог, автор более сорока трудов по антропологии, археологии, астрономии, востоковедению, искусству, неизменно содействовал проведению археологических раскопок на территории своих имений. Николай Константинович, командированный к Путятину, появился в его имении, когда князя не было в Бологом. Родственники Павла Арсеньевича, уже наслышанные об успехах молодого художника, пригласили Н.К. Рериха задержаться до возвращения хозяина. Трехдневная задержка в Бологом подарила Николаю Константиновичу неожиданную встречу с Еленой Ивановной Шапошниковой. Сохранились воспоминания Елены Ивановны о той памятной встрече с Н. Рерихом, изменившей судьбу их обоих, связав впоследствии узами счастливого брака:

"Сначала через окно прямо на балкон шагнула пыльная нога, или, вернее, пыльный сапог. Я подошла к окну, а Николай Константинович спрашивает:

— Здесь живет князь Путятин?

Я пошла в комнату своей тетки и говорю:

— Тетя, не то курьер, не то арендатор к тебе приехал.

Она велела мне обратиться к лакею, чтобы он провел его к ее мужу. Вечером за чаем выяснилось, что это археолог какой-то и его еще никто не видел. Узнав об этом, тетя сказала:

— Археолог, какое-то старье, положить его спать у князя в кабинет.

На другой день за завтраком гостя увидели, он оказался молоденьким, хорошеньким, и решили ему дать комнату для приезжих".

Имеется и эмоциональное дополнение к этим записям, воспоминания подруги Елены Ивановны той поры — Н.В. Шишкиной:

"Лето ее мать и она всегда проводили в имении князя Павла Арсеньевича Путятина, у ее тетки, станция Бологое Новгородской губернии, на берегу прекрасного озера двадцати двух километров в окружности. Сам князь П.А. Путятин был археолог, член "Общества археологов" в Петербурге. Новгородская губерния богата раскопками очень древних наслоений ископаемых. К нему часто наезжали другие археологи. Однажды вся семья Путятиных отправилась в свою деревенскую баньку, построенную тут же на краю парка, на берегу озера. Елена Ивановна первая вернулась и, проходя через переднюю, увидела в углу сидящего человека; она машинально взглянула на него и прошла мимо, приняв его за охотника или за одного из служащих князя Путятина. Сам П.А. Путятин был в это время в отъезде, тоже по делам раскопок, уехал на несколько дней. Она не очень большое внимание уделила сидящему ожидающему человеку, но этот скромно сидящий человек с огромным удивлением перед ее красотой поглядел на нее. Она шла с распущенными после мытья волосами, которые, как длинная пелерина, окутывали сверху донизу ее стан. Вернувшись из бани, вся семья села за стол в столовой ужинать, и тут только Елена Ивановна вспомнила о том, что в передней "сидит какой-то человек, приехавший, должно быть, по делу к дяде". Спохватились, пошли к нему, пригласили его к столу. Это был невзрачно одетый, в охотничьих высоких сапогах, куртке и фуражке, человек, очень скромно назвавший свою фамилию — Рерих. Из разговора выяснилось, что он и есть знаменитый уже в то время художник Рерих, чьи картины уже были в Третьяковской галерее в Москве и на выставках картин в

Петербурге, и что приехал он к ним к старому князю-археологу по делам археологических раскопок, производимых в этой местности. Старик-князь задержался в пути, и несколько дней прогостил Рерих в их усадьбе в ожидании приезда князя.

И вот за эти несколько дней решилась вся судьба Елены Ивановны. Вот тот человек, которого так долго ожидала ее душа! Вот оно то вдохновение, которое она так давно искала! Любовь взаимная решила все!"

Николай Константинович, пока жил у Путятиных в Бологом, подробно поведал хозяевам о своем роде, историю которого он хорошо знал. В свою очередь ему была рассказана родословная Путятиных и Шапошниковых. И оказалось, фамилии Рерихов и Шапошниковых имеют много общего, будучи оба скандинавских корней.

Так, Елена Ивановна рассказывала о своих предках по линии отца — Шапошниковых: "Прадед отца моего приехал в Россию при Петре Великом. Во время посещения Петром Прибалтийского края прадед состоял бургомистром города Риги и преподнес Петру великолепную шапку Мономаха, шитую драгоценными камнями и отороченную бобром. Император остался доволен оказанным ему приемом и пригласил прадеда приехать в Россию и принять русское подданство с новым именем Шапошникова, намек на полученный дар. И тогда же император подарил прадеду свой походный кубок, вернее, серебряную стопу с привинченной ко дну походной чернильницей. При стоне была и жалованная грамота".

Ко времени встречи с Н.К. Рерихом отца Елены Ивановны — Ивана Ивановича Шапошникова более года уже не было в живых, и Елена осталась вдвоем с матерью своей Екатериной Васильевной, урожденной Голенищевой-Кутузовой.

Екатерина Васильевна приходилась двоюродной внучкой великому русскому полководцу генерал-фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Кутузову, главнокомандующему во время Отечественной войны 1812 года. Одним из предков Михаила Илларионовича был князь Дмитрий Михайлович Пожарский, русский национальный герой, глава Второго народного ополчения, освободившего Москву от польско-литовских оккупантов в 1612 году.

Отец Е.И. Шапошниковой Иван Иванович был одним из самых уважаемых архитекторов Петербурга. В семье тяжело переживали его недавний уход; в семейных архивах сохранился некролог на смерть Иван Ивановича, помещенный в апреле 1898 года в приложении к журналу "Зодчий", органе Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов:

"На днях скончался один из старейших преподавателей Института Гражданских Инженеров, архитектор Иван Иванович Шапошников. Покойный родился в 1833 году и, окончив курс в Императорской академии художеств в 1864 году со званием классного художника 3-й степени, определился тогда же на службу в строительное училище преподавателем черчения. В 1882 году покойный перешел на службу в Главное Инженерное Управление исправляющим должность архитектора, не оставляя своих занятий в строительном училище, где в последнее время он преподавал акварельное рисование.

Из многочисленных построек, произведенных по проектам и под наблюдением покойного И.И. Шапошникова, следует упомянуть: синагогу на углу Офицерской и Б. Мастерской в С.-Петербурге, выполненную им совместно с арх. Бахманом; дом Осоргиной на Сергиевской ул. Им же произведена перестройка церкви Лейб-гвардии Ея Величества Уланского полка в Петергофе и отделка актового зала в Михайловском Артиллерийском училище и академии. Кроме того, будучи знатоком деревянной архитектуры, Иван Иванович построил много дач; в последние же годы жизни деятельность его сосредоточивалась главным образом на постройках Александровского сталелитейного завода.

Будучи человеком редкой доброты, Иван Иванович много помогал студентам Института в выполнении ими графических работ, не жалея на это ни времени, ни труда, и пользовался всеобщею любовью. Мир праху его!"

Начало творческого пути совпало для Н.К. Рериха с годами бурных изменений во всех сферах жизни России. Коснулись преобразования и общественного сознания, что выразилось в смене представлений, крушении многих надежд, появлению новых веяний в искусстве, в котором ярко проявлялись и требовали себе новых пространств различные мировоззрения. Стали складываться два активно противоборствующих лагеря — с одной стороны преданные идеям В.В. Стасова художники-передвижники, а с другой — сторонники Сергея Павловича Дягилева и Александра Бенуа. Николая Константиновича, молодого самобытного художника, в своем стане желали видеть оба художественных течения. Так Стасов, например, писал ему: ""Декадентский староста", то есть Дягилев, напечатал в "Петербургской газете" почти манифест, где рассказывал, что с сих пор начинается поворот в нашем искусстве, которое давно "неудачно", а теперь сделается удачным и хорошим, и известным всей Европе. Что худо?! Кажись, мне всю осень и зиму придется вести жестокую войну и производить жестокие сражения. Авось и Вы будете участвовать с нами в битвах?" Однако определиться раз

и навсегда казалось делом непростым, хотя согласие стать помощником редактора журнала "Искусство и художественная промышленность" уже предполагало нахождение в "лагере" Стасова, одним из инициаторов этого издания. Стасов ожидал, что журнал будет поддерживать передвижников и защищать национальное искусство от "западников", или "декадентов", как их тогда называли. Но и Дягилев, ориентировавшийся на

Запад, действовал весьма активно. В начале 1898 года он организовал выставку русских и финляндских художников. Дягилев провозглашал, что эта выставка должна служить объединением разрозненных сил и основанием для создания нового общества. Что, собственно, вскоре и произошло, когда целый ряд деятелей искусства, в том числе Дягилев, Бенуа, Сомов, Бакст, Философов, Нувель, Серов, Репин, Левитан, В. и А. Васнецовы, Поленов, Нестеров, Врубель, решили создать новое общество "Мир искусства" и учредить журнал с одноименным названием. К финансированию проекта были привлечены княгиня М.К. Тенишева и С.И. Мамонтов. Уже осенью того же года появился из печати первый номер журнала, а в начале следующего года мирискусниками была устроена Международная выставка картин. Число участников по сравнению с первой расширилось в основном за счет представителей московских художников — Малютина, Поленова, Малявина и других. О зарождении нового мощного течения в искусстве Александр Бенуа, его активный сторонник, писал: "Нами руководили не столько соображения "идейного" порядка, сколько что-то вроде практической необходимости. Целому ряду молодых художников некуда было деваться, их или вовсе не принимали на большие выставки — академическую, передвижную и акварельную, или принимали только частично, с браковкой всего того, в чем сами художники видели наиболее явственное выражение своих исканий… И вот почему Врубель у нас оказался рядом с Бакстом, а Сомов рядом с Малявиным. К "непризнанным" присоединились и те из "признанных", которым было не по себе в утвержденных группах. Таким образом, к нам подошли Левитан, Коровин и, к величайшей нашей радости, Серов. Опять-таки идейно — это были последние отпрыски реализма, не лишенные "передвижнической" окраски. Но с нами их связала ненависть ко всему затхлому, установившемуся, омертвевшему".

И во многом Бенуа оказался прав. Глубокую и точную оценку самому А. Бенуа дал критик С. Маковский, расположенный к "Миру искусства": "Русский духовным обликом своим, страстной привязанностью к России, всем проникновением в русские идеалы и в русскую красоту, Бенуа в то же время не то что далек от

исконной, древней, народной России, напротив, он доказал, что умеет ценить и своеобразие ее художественного склада, и размах чисто национальных порывов сердца и мысли, — не то что он, обрусевший чужак, отравленный своим европейским первородством, но все же смотрит-то он на Россию "оттуда", из прекрасного далека, и любит в ней "странной любовью" отражения чужеземные и бытовые курьезы послепетровских веков. Отсюда увлечение его Преобразователем, Пушкинским "Медным всадником", Санкт-Петербургом и его окрестными парадизами и монплезирами, всей этой до жути романтической иностранщиной нашего императорского периода. Европейство Бенуа не поза, не предвзятая идея, не только обычное российское западничество. Это своего рода страсть души. За всю нашу европейскую историю, пожалуй, не было у нас деятеля, более одержимого этим художественным латинством, этой эстетской чаадаевщиной".

В периодике развернулась бурная дискуссия о новом веянии в искусстве. Самым активным участником событий и обсуждений являлся Дягилев, имевший художественный вкус и мироощущение новатора, привлекавший к сотрудничеству деятелей культуры из самых разных сфер: музыкантов, литераторов, художников, театральных деятелей. Многие молодые и даровитые деятели получили у Дягилева поддержку и становились его сторонниками.

Н.К. Рерих воспринимался мирискусниками неоднозначно, преимущественно настороженно. Так. тот же С. Маковский заявлял: "Опасались и повествовательной тяжести, и доисторического его архаизма, и жухлости тона: а ну как этот символист из мастерской Куинджи — передвижник наизнанку? Что. если он притворяется новатором, а на самом деле всего лишь изобретательный эпигон?"

Критиковали Николая Константиновича и за некоторые изъяны в технике рисования. Особенно эта критика коснулась работы "Сходятся старцы", что вспоминал сам художник: "Первые картины написаны толсто-претолсто. Никто не надоумил, что можно отлично срезать острым ножом и получать эмалевую поверхность. Оттого "Сходятся старцы" вышли такие шершавые и даже острые. Кто-то в академии приклеил окурок на такое острие. Только впоследствии, увидев Сегантини, стало понятно, как срезать и получать эмалевую поверхность". Совсем резко высказался И.Е. Репин: "Рерих способен, даровит, у него есть краска, тон, чувство колорита и известная поэтичность, но что ему мешает и грозит — это то, что он недоучка и, кажется, не очень-то расположен из этого положения выйти. Он мало учился, он совсем плохо рисует, и ему надо бы не картины слишком

незрелые писать, а засесть на 3–4 года в класс, да рисовать, да рисовать. А то ему грозит так навеки и остаться очень несовершенным и недоученным. Учиться надо. Рисовать серьезно надо! И тогда можно надеяться, что из него выйдет настоящий и замечательный художник… Одною даровитостью ничего не возьмет еще…"

Как бы подвел черту под мнениями о живописи Н.К. Рериха той поры Архип Иванович Куинджи: "Пути искусства бесчисленны, лишь бы песнь шла от сердца".

Николай Константинович признавал свои проблемы с техникой. Их решение он видел в поездке за границу для продолжения обучения технике рисования. Но Стасов отговаривал: "И хотя я и не художник, и не техник, а думал всегда то же и Вам говорил. Человеческие фигуры всегда меня оскорбляли у Вас, особливо во 2-й (нынешней картине). Чего тут ехать за границу, когда надо не ехать и смотреть на иностранцев (Вы это уже достаточно проделали на своем веку), а засесть за натуру (человеческую) и рисовать с нее упорно, ненасытно!.. Прислушайтесь к моим резонам и не будете сердиться на меня".

Кроме желания усовершенствовать технику, у Николая Константиновича присутствовало как раз стремление "смотреть на иностранцев" — основательно познакомиться с лучшей европейской живописью, классической и современной, посетив музеи, выставки, салоны, мастерские. В те дни он писал: "Задавило меня Петербургское болото, и захотелось мне на свежую воду, чтобы не жить все старыми соками, а собрать в мою житницу что-либо из вековой культуры Запада, на фоне которой еще рельефнее выступает наша оригинальная самобытность и хочется разрабатывать именно ее".

Выбор пал на "бесконечный город работы" Париж и мастерскую выдающегося французского художника-реалиста Фернана Кормона, настоящего приверженца академизма, первоклассного педагога, кавалера ордена Почетного легиона. Всемирно известные Винсент Ван Гог и А.Тулуз-Лотрек были в числе его учеников, и русские художники также стремились пройти его школу рисования.

Летом 1900 года скончался отец Н.К. Рериха Константин Федорович Рерих, последние месяцы жизни тяжело болевший. В связи с этими обстоятельствами его нотариальная контора была закрыта, а столь любимое семейное поместье в Изваре продано. В сентябре того же года Николай Константинович уезжает в Париж учиться живописи. Трагические семейные события лета 1900 года отразились на душевном состоянии Н. Рериха в полной мере. Своей невесте Елене Ивановне он пишет из поезда, увозившего

его в Европу:

"Милая моя Лада, итак, я еду. Не многим пожелаю я такого состояния, каково мое теперь. Что-то сломалось, не я — наоборот, я после вчерашнего конца разговора нашего я стал даже цельнее, но сломалось что-то вокруг меня; я чувствую, что я что-то порвал, вырвался из какого-то заколдованного круга. И все же мое самое хорошее осталось невредимо, осталось, чтобы расти и крепнуть. Я верю в Тебя, моя хорошая, и, быть может, все к хорошему. Знаешь, у Тебя большая душа и глубокая. Когда ехал на вокзал, вдруг нестерпимо захотелось мне заехать к Тебе, и еще раз, хоть минутку, посмотреть и разок поцеловать Тебя, мою славную…

Как Ты себя чувствуешь? Пиши на Берлин, я там еще пробуду. Вчера я спать так и не ложился. Собирал письма, соображал и ощущал какое-то странное чувство — оно у меня впервые — странной решимости. Ведь если я когда-нибудь окажусь не простым пустомелей, ведь если Ты когда-нибудь будешь в состоянии бросить всем насмешку в том, что чувство Тебя не обмануло — ведь тогда Ты полюбишь меня еще сильней — и какая это будет награда!.."

Родные Елены Ивановны поначалу не приняли отношений, возникших между Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной, и приложили немало усилий, чтобы их жизненный союз не состоялся. Считали, что Рерих повел себя неправильно, уехав учиться в Париж, вместо того, чтобы продолжить начатую служебную карьеру. Письма Елены Ивановны Николаю Константиновичу в Европу писались под диктовку матери, которая мечтала выдать дочь замуж за сына владельца крупного волжского пароходства. Да и кажущаяся "незнатность" рода Рерихов не нравилась Голенищевым-Кутузовым, именитым российским дворянам.

Николай Константинович, хорошо чувствующий отношение к себе со стороны родных Елены Ивановны, взывал к ее чувствам: "Дорогая моя Ладушка, с болью прочел я письмо Твое — что-то неладное творится с Тобою. Зачем Тебе все эти выезды, все эти гулянья и прочее — разве в них Ты должна искать себя? Ты говоришь, что все это не отразится на музыке; неправда, оно должно, непременно должно отразиться; должно отразиться, может быть, даже невидимо для себя. Все эти выезды со всею их пошлостью, разве могут они способствовать обострению чувства в смысле понимания музыки? Насколько хороши для этого театры и концерты, настолько непригодны вечера и балы. Нового-то кругом много, но что Ты называешь новым и где его искать собираешься — мне не ясно. Если Ты временно думаешь заслонить недостижимую жизнь другою жизнью, то помни, что не

следует за неимением скамейки непременно садиться на помойную яму. Миленькая, не погуби способностей своих, ведь чутье развивается в нас только до известного времени, а потом оно грубеет; дорогая, не пропускай этого времени — оно так недолго, оно пролетит так быстро и если за это время в Тебе не вырастет чего-либо крепкого и здорового, то тогда останется один хмельной перегар и горечь, ничем не поправимая. Дальше от больших компаний! глубже в себя! — если хочешь сделать что-либо достойное. Быть художником, вести за собою публику, чувствовать, что каждой нотой своей можешь дать смех или слезы — это ли не удовлетворение?"

Около года продолжалось обучение Н.К. Рериха в парижской мастерской Кормона. Оно оказалось весьма полезным и оправдало ожидания самого Николая Константиновича. Рука художника заметно окрепла, что можно видеть на примере натурных эскизов, выполненных им в Париже: "Человек с рогом", "Натурщик", "Черепа", и ряде других. Будучи опытным преподавателем, Кормон помог Рериху исправить профессиональные пробелы, не отвергая оригинальных черт его творчества. Кормон часто повторял: "Оригинально! Характерно! Курьезно! Хорошо идет! Он чувствует характер своей страны! У него особая точка зрения!", оценивая рериховские работы. На прощание было сказано: "В вас много своеобразного… Вы должны сохранить это". В ту первую европейскую поездку Н.К. Рерих посетил также Германию, Голландию и Италию, знакомясь с классическим европейским художественным наследием. Вспоминая своих учителей живописи, Николай Константинович называл, как правило, три имени: Архипа Ивановича Куинджи, Пювиса де Шаванна и Фернана Кормона.

ДВОЕ

Летом 1901 года в Париж к Николаю Константиновичу приехала Елена Ивановна вместе с матерью. Последовали серьезные объяснения, Николай Константинович объявил матери, что он не откажется от своего намерения жениться на горячо любимой им Елене Ивановне ни при каких обстоятельствах. Обстоятельства того важного периода жизни обоих супругов можно понять из воспоминаний З.Г. Фосдик.

"Он был представлен Елене Ивановне как знаменитый художник, и ей сразу понравились его "чистые глаза". Затем приезд в Петроград и встречи на концертах, ибо мать Елены Ивановны его не приглашала к себе. Затем ее визит к нему два раза в его студию, во второй раз он ей сказал, что любит и хочет видеть ее своей женой. Но она просила держать это два года в секрете, ибо семья будет против ее брака с художником. Затем, как он пришел поздравить ее с днем рождения и увидел там гусара Аккермана, который ухаживал за Еленой Ивановной, желая жениться на ней. И он попросил разрешения поговорить с ее матерью и просил ее руки. Та изумилась и не дала ответа сразу. Но потом произошла сцена, мать была против, вся ее семья тоже, княгиня Путятина, которая ужасалась даже мысли о браке Ляли с Николаем Константиновичем. Затем Николай Константинович писал ей письма, которые читала вся ее семья. Ей же было все это ужасно тяжело, и она пустилась на хитрость, сказав, что она не прочь покончить со всем, но хочет получить свои письма, которые писала ему, обратно. А для этого они должны поехать в Париж, и она лично их получит. По приезде в Париж она и мать пригласили Николая Константиновича якобы требовать писем. Елена Ивановна отослала мать из комнаты и все ему рассказала.

Затем они уехали в Италию, и Николай Константинович ездил за ними в Лидо и другие места. Потом она и мать были срочно вызваны домой в Петербург, ибо умер ее дядя, оставивший нм наследство, а к Вознесению, как она видела во сне, Николай Константинович официально сделался ее женихом, ибо получил должность секретаря Великой Княгини и, будучи знаменитым художником, занимал уже настолько видное положение, что ее семья нс могла идти против него. А, кроме того, она с ним была уже обручена, хотя и тайно, но многие догадывались об этом, и это уже было бы для нее компрометирующим. Л сон ее был таков: пришел ее отец и сказал ей: "Все будет хорошо к Вознесению". Затем еще в двух снах отец приходил и говорил ей: "Ляля, выходи за Рериха"". И сама Елена Ивановна искренне верила, что не

ошиблась в выборе спутника жизни. Удивительно пророческим оказался рассказ "Детская сказка", или "Вера в себя", написанный Н.К. Рерихом в 1900 году, вскоре после знакомства с Еленой Ивановной Шапошниковой.

ДЕТСКАЯ СКАЗКА

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были и князья, воеводы, и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди.

Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других.

Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридевять поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем им молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую, красную книгу. Князь говорил:

— Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений. — И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: — И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

— Царевна, — говорил именитый воевода, — окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей, и поклонятся ей люди — им грозно имя мое.

— Царевна, — говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, — жемчугом засыплю жену мою; пойдет она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

— Что же ты принесешь жене своей? — спросил певца царь.

— Веру в себя, — ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

— Скажи, как понять твою веру в себя?

Певец отвечал:

— Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоем, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя свое и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату золотом, и куда иду я — там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и нс знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

— Обожди, — прервал певца царь, — но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песнь; и примолкла палата, и на глазах царевны были слезы.

Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, как шли в жизнь разные люди и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжко. И молчали все, и царь голову опустил.

— Я верю в себя, — сказал певец, и никто не смеялся над ним. — Я верю в себя, — продолжал он, — и эта вера ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у меня золото, впишут ли имя мое в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этой верой умру я, и смерть мне будет легка.

— Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдешь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас — тот против нас, — сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царевна, и сказал певец:

— Вижу я — не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире, и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви — к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметет он с пути?

И кивнула головой царевна, а царь сказал:

— Не в себя веришь ты, а в песню свою.

Певец же ответил:

— Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей — все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня — все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моей живлю всех, — так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верой этой дает счастье многим!

— Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. — сказала царевна.

И дивились все. И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дожденосные тучи — он верил в себя.

Сразу по возвращении Н.К. Рериха из Европы перед ним остро встал вопрос об устройстве семейной жизни, поскольку картины не давали особых надежд на обеспеченное существование. И снова везение: после ухода Николая Петровича Собко, долгое время работавшего секретарем Общества поощрения художеств и главным редактором журнала Общества "Искусство и художественная промышленность", открылась вакансия на солидную должность секретаря Императорского Общества поощрения художеств, в ведении которого на тот момент находились художественно-промышленная школа, художественно-ремесленные мастерские, художественно-промышленный музей, постоянная художественная выставка, аукционный зал. Общество располагало немалой собственностью, им велась издательская деятельность. Имелось также особое покровительство в лице принцессы Евгении Максимильяновны Ольденбургской, чьим непосредственным подчиненным и являлся секретарь, по существу, управляющий делами общества. Н.К. Рерих, выставил свою кандидатуру и, выдержав немалое соперничество со стороны не менее солидных претендентов, был в итоге назначен на эту уважаемую должность, хорошо до того зарекомендовав себя на посту заместителя директора музея Общества. После этого назначения родные Елены Ивановны уже не могли препятствовать их браку с Николаем Константиновичем, и вскоре было объявлено о предстоящей свадьбе Н.К. Рериха и Е.И. Шапошниковой, а гостям было разослано приглашение на бракосочетание:

"Екатерина Васильевна Шапошникова просит Вас пожаловать на бракосочетание дочери ея Елены Ивановны с Николаем Константиновичем Рерихом, Мария Васильевна Рерих просит Вас пожаловать на бракосочетание сына ея Николая Константиновича с Еленою Ивановною Шапошниковой,

Имеющее быть 28-го Октября в 6 часов вечера в церкви Императорской Академии Художеств. С.-Петербург 1901 г."

Много-много лет спустя, вспоминая долгую, счастливую и исключительно плодотворную совместную жизнь, Рерих занесет в дневник: "Сорок лет — не малый срок. В таком дальнем плавании могут быть извне встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы все препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои Елене, жене моей, другине, спутнице, вдохновительнице". Каждое из этих понятий было испытано в огне жизни. И в Питере, и в Скандинавии, и в Англии, и в Америке, и во всей Азин мы трудились, учились, расширяли сознание. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения должны бы носить два имени — женское и мужское".

В 1902 году в семье Рерихов появится на свет первенец — Юрий. Он получит блестящее образование, сначала в уже известной школе К.И. Мая, а затем па индоиранском отделении в Школе восточных языков при Лондонском университете, далее — в Гарвардском университете в США, окончив его со степенью бакалавра по отделению индийской филологии. Далее — в Парижском университете на среднеазиатском, индийском и монголо-тибетском отделениях, пройдя курсы китайского и персидского языков, получит ученую степень магистра индийской филологии. Он примет активное участие во всех начинаниях отца: в Центрально-Азиатской экспедиции 1925–1928 годов, затем возглавит Институт Гималайских исследований "Урусвати", ведя обширную научную деятельность как лингвист и историк, и вернется в 1957 году в СССР, осуществив целый ряд масштабных востоковедческих проектов, главными из которых станут создание многотомного тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями и истории Средней Азин.

В 1904 году в семье Рерихов появится сын Святослав. Он также будет учиться в гимназии К.И. Мая, затем изучать архитектуру в Колумбийском университете в Нью-Йорке, учиться в аспирантуре Гарвардского университета. Будет руководителем культурно-просветительских учреждений, созданных Н.К. Рерихом в США, организует многочисленные выставки, будет изучать историю и культуру народов Запада и Востока и станет со временем выдающимся художником, коллекционером, общественным деятелем, до самого конца своих дней будет жить

в Индии.

Сыновья Рерихов стали продолжателями дела всей жилиц своих выдающихся родителей, в разные годы возвратив на родину их философское и художественное наследие, знамение которого для будущей культуры России практически невозможно переоценить.

При всем новаторстве русских художников той поры работы Н.К. Рериха, возможно, были для публики самыми необычными, поскольку, во-первых, сочетали в себе элементы целого ряда относившихся к различным эпохам стилен: станковой живописи, театрально-декоративного, иконописного, фрескового, мозаичного; во-вторых, несли в себе глубокие познания историка, этнографа и археолога, и, в-третьих, были предельно эмоциональны, преимущественно возвышенно романтичны. Все вместе это поражало, и посетители выставок, не привыкшие к таким смелым творческим смешениям, просто не знали, как реагировать на такой синтетический подход. Понимавших масштаб мысли автора и искренне хваливших, как всегда это бывает, были лишь единицы. Завидующих таланту было значительно больше. Но Николай Константинович продолжал писать новые и новые работы.

Во время работы в Париже им были задуманы новые произведения на славянскую тематику и среди них "Облачные девы", "Ярило", "Скифы", "Татары пируют па телах русских при Калке". К 1901 году были закончены "Красные паруса", "Зловещие", "Заморские гости". В рассказе "По пути из варяг в греки" к последней картине автор создал красочное описание, объясняющее настроение, с которым работал над картиной. Незадолго до ее создания Н.К. Рерих совершил путешествие по "великому водному пути" до Новгорода. В стародавние времена этим же путем "плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала Новугородская рать на роковую Шелонскую битву".

"Плывут полунощные гости, — пишет Николай Константинович. — Светлой полосой тянется пологий берег Финского залива. Вода точно напиталась синевой ясного, весеннего неба; ветер рябит по ней, сгоняя матово-лиловатые полосы и круги. Стайка чаек спустилась на волны, беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями — всполошило их мирную жизнь что-то малознакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей воде, бежит она в вековую славянскую жизнь, пройдет через леса и болота, перекатится широким полем, подымет роды славянские — увидят они редких, незнакомых гостей, подивуются они на их

строй боевой, на их заморский обычай.

Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким, стройным носом-драконом. Полосы красные, зеленые, желтые и синие наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленые. На килевом бревне пустого места не видно — все резное: крестики, точки, кружки, переплетаясь, дают самый сложный узор. Другие части ладьи тоже резьбой изукрашены; с любовью отделаны все мелочи, изумляешься им теперь в музеях и, тщетно стараясь оторваться от теперешней практической жизни, робко пробуешь воспроизвести их — в большинстве случаев совершенно неудачно, потому что, полные кичливого, холодного изучения, мы не даем себе труда постичь дух современной этим предметам искусства эпохи, полюбить ее — славную, полную дикого простора и воли".

И в других работах того же периода художник старался передать свое ощущение древней жизни и сделать это сильно и ярко, не прибегая к драматизации или к умилению перед стариною; увидеть и воплотить "романтизм без идиллии". В "Идолах" ему удалось создать лаконичный образ, воплощавший торжественную суровость жизни и почитание нематериальных начал, по мнению автора, свойственных тем отдаленным временам. Откуда-то сверху, как бы в полете, изображено древнее славянское капище с изгородью из заостренных бревен, расположенных кольцом. На них черепа жертвенных животных. Внутри капища помещен большой деревянный идол и несколько меньших рядом, они — хранители этого места. К ним проститься пришел старый седой жрец. Он глядит в сторону реки, которая протекает тут же невдалеке. Река течет, как и текла много лет до него, она будет течь и тогда, когда старика не будет в живых и он выйдет из течения жизни. Грядущее не пугает его, ибо он познал закон жизни и принял его, хотя ему и придется оставить все, что он любил на земле. Закон будет совершаться неизменно, и внутри капища, и вне его, и везде.

Древняя старина интересовала художника и сама по себе, и в свете возможности выразить высокий духовный идеал, живший в его душе. Синтез получился убедительным и воспринимается ныне как реальный исторический образ, неизгладимый отпечаток давно минувшей эпохи. Размышляя над ее достоинствами, художник призывает: "Народ должен навсегда духовно оборониться от пошлости и дикости, должен из обломков и из самородков, с любовью найденных, слагать Кремль великой свободы, высокой красоты и глубокого знания".

Глубокие и трагические предчувствия были выражены в

картине "Зловещие", изображавшей крупным планом черных страшных воронов, ждущих своего часа. Первоначальный замысел состоял в написании работы "Вещие", но нагнетения в общественной жизни, студенческие волнения, политические убийства заставили художника изменить его, передав настроения устрашающей тревоги и напряжения. Еще одно провозвестие скорых грозных событий.

К тому же настроению отсылает и написанная годом ранее картина "Волки", созданная под впечатлением от одноименной баллады Алексея Константиновича Толстого, любимого поэта Николая Константиновича.

Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.

Семь волков идут смело.
Впереди их идет
Волк осьмой, шерсти белой,
А таинственный ход
Завершает девятый;
С окровавленной пятой
Он за ними идет и хромает.

Их ничто не пугает:
На село ли им путь,
Пес на них и не лает,
А мужик и дохнуть,
Видя их, не посмеет,
Он от страху бледнеет
И читает тихонько молитву.

Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом,
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом:
Не ведутся ль там грешные речи?
Их глаза словно свечи,

Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело!
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.

На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мертвых старух:
Впереди их седая,
Позади их хромая,
Все в крови… с памп сила господня!

Пророческой стала и следующая крупная работа "Город строят" (1902), приобретенная впоследствии Третьяковской галереей. В ней была выражена идея всеобщего строительства, строительства на всех планах бытия: ни суровости, ни трагизма, только общая работа ради единой цели — построить город. Да, будут "зловещие" где-то рядом, но и город, город труда и красоты, будет построен — достаточно одного взгляда на картину, чтобы понять это.

Интересно, как известный художник Илья Семенович Остроухов, один из руководителей галереи, объяснял достоинства этой работы и необходимость ее приобретения С.А. Муромцеву, председателю комиссии Московской думы, после смерти Павла Михайлович Третьякова курировавшему деятельность его галереи:

"Рерих — художник талантливый, выдающийся, уже давно, еще при покойном Павле Михайловиче, получивший свое почетное место в нашей галерее. С тех пор он продолжает безустанно работать, ища и развиваясь. Его прошлогодняя картина приобретена Музеем Александра III. Картину этого года приобрели мы. Она нова и оригинальна и, по нашему разумению, должна быть обязательно приобретена. В ней Рерих, страстный археолог, опять, как всегда, трактует мотив из доисторических, "антропологических" времен старой Руси. Сообразно с новизной мотива, сообразно с содержанием его, он смело применяет в картине своей и особую манеру, широкую, "эскизную".

Я затрудняюсь ответить прямо на Ваш вопрос: — Так ли строили города тогда? — Не знаю. Но талант художника меня лично заставляет верить, что так. Я скорее усомнился бы, так ли

произошла сцена убийства сына Грозным, потому что чувствую на полотне Репина театральный эффект, застывшую и скомпонованную позу "живой картины", как в "Помпее" Брюллова, в "Княжне Таракановой" Флавицкого, в "Тайной вечере" Ге, как в целом ряде признанных и достойных произведений предшествовавшей эпохи (нарочно беру ценнейшие и крупнейшие явления в русском художественном творчестве). Теперь стремление к простоте и обобщению интенсивнее. И мотив Рериха проще и потому правдивее, ну хотя бы невольно напрашивающегося на сравнение тоже "доисторического" мотива Виктора Васнецова "Каменный век" (опять одно из первоклассных созданий мастера и времени).

Я одинаково люблю и ценю и Рериха, и Васнецова, даже мои личные симпатии больше на стороне последнего (оно и понятно: заслуга его полнее и более выражена, чем молодого Рериха; в этой области у нас Васнецов — Bahnbrecher).

Но, сравнивая рериховский "Город" с васнецовским "Каменным веком", я не могу не отметить следующего. Задачи — одинаковы. Как тот, так и другой художник воскрешают седую, доисторическую старину… Научных данных очень мало, неоспоримых нет… Создают проникновением, провидением… Сюжет такой не может быть передан так осязательно реально, как "Чаепитие в Мытищах" или "Сватовство майора". Рерих очень тонко и разрешает задачу. Он как бы намечает сюжет, отвечая за общее и не показывая деталей, которых ни он, ни кто другой не знает. И дает большой картине трактовку эскиза. Главное — все налицо, мощно и крепко выраженное; деталей нет, они — не нужны, были бы ложны и спутывали бы правдивое впечатление общего, возбуждая лишь недоверие к нему. Они не нужны и по другой причине. Задача такова. Пещеры брошены, культура развилась до первичных форм общины — люди "строят город".

Тема еще "антропологическая". "Личность" еще не появлялась. Жили люди, как муравьи, что ли. И строили свою муравьиную кучу с той же суетней, с той же муравьиной энергией, расторопностью и безличностью, под тем же солнцем, которое и нам светит, среди той же природы, в которой, тысячелетие спустя, родились и мы с нашей цивилизацией. Какой интерес и художнику, и зрителю рассматривать каждого отдельного муравья? — все одинаковы, все в белых рубахах!.. И верится картине, и нет ничего, что бы нарушало иллюзию ненужными, сомнительными деталями… Картина Рериха, как почти все новое, смелое, талантливое, не имела при появлении своем успеха в публике. Ее понял, оценил и полюбил, как всегда, пока лишь небольшой кружок людей, действительно любящих и

чувствующих искусство, живущих им".

ПО РУСИ

Николай Константинович старался участвовать во всех крупных выставках начала 1900-х: и организуемых объединением "Мир искусства", пока оно по финансовым и творческим разногласиям не прекратило своего существования, и в московских выставках "Союза русских художников", и в петербургских под началом выставочного объединения "Современное искусство", и в рамках своей первой персональной экспозиции в 1903 году в Петербурге. Он продолжает углубленно работать над темой создания Руси, сохранения ее красот и сокровищ — национального культурного достояния.

В период 1903–1904 годов вместе с супругой Николай Константинович предпринял обширное художественное и исследовательское путешествие по России, посетив более сорока русских городов: Ярославль, Кострому, Казань, Нижний Новгород, Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Ростов Великий, Смоленск, Изборск, Псков. Интересовало его все ценное, что в веках сохранил народ: сказания, обычаи, ремесла, старинная одежда, архитектура. Художник подробно записывал и зарисовывал в этих памятных поездках все, что привлекало его внимание исследователя национальных сокровищ России, а Елена Ивановна вносила свою лепту в работу, создав галерею из более пятисот первоклассных фотографий.

Во время этих поездок Н.К. Рерихом было создано более 90 живописных произведений, среди них: "Ростов Великий", "Печерский монастырь", "Смоленские башни", "Городская стена в Изборске", "Воскресенский монастырь в Угличе", "Старый Псков", "Нижний Новгород. Башни кремля". Под впечатлением от поездок был написан ряд статей в защиту культурного достояния. В работе "Памятники" прозвучала боль за состояние памятников и призывы к обществу увидеть и сохранить красоту, дошедшую до нас из далеких эпох.

"Дайте памятнику живой вид, — писал Николай Константинович, — возвратите ему то общее, тот ансамбль, в котором он красовался в былое время, — хоть до некоторой степени возвратите! Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и сараями; не допускайте в них современные нам предметы — многие с несравненно большей охотой будут рваться к памятнику, нежели в музей. Дайте тогда молодежи возможность смотреть памятники, и она, наверное, будет стремиться из тисков современности к древнему, так много видевшему деду. После этого совсем другими покажутся

сокровища музеев и заговорят с посетителями совсем иным языком. Музейные вещи не будут страшной необходимостью, которую требуют знать, купно, со всеми ужасами сухих соображений и сведений во имя холодной древности, а наоборот, отдельные предметы будут частями живого целого, завлекательного и чудесного, близкого всей нашей жизни. Не опасаясь педантичной сути, пойдет молодежь к живому памятнику, заглянет в чело его, и мало в ком не шевельнется что-то старое, давно забытое, знакомое в детстве, а потом заваленное чем-то, будто бы нужным. Само собой захочется знать все относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно, как завлекательную сказку схватит всякий объяснения к старине.

Как это все старо и как все это еще ново. Как совестно говорить об этом и как все эти вопросы еще нуждаются в обсуждениях! В лихорадочной работе куется новый стиль, в поспешности мечемся за поисками нового. И родит эта гора — мышь. Я говорю это, конечно, не об отдельных личностях, исключениях, работы которых займут почетное место в истории искусства, а о массовом у нас движении. Не успели мы двинуться к обновлению, как уже сумели выжать из оригинальных вещей пошлый шаблон, едва ли не горший, нежели прежнее безразличие. В городах растут дома, художественностью заимствованные из сокровищницы модных магазинов и с претензией на новый пошиб: в обиход проникают вещи странных форм, часто весьма мало пригодные для употребления. А памятники, наряду с природой живые вдохновители и руководители стиля, заброшены и пути к ним засорены сушью и педантизмом. Кто отважится пойти этой дорогой, разрывая и отряхивая весь лишний мусор?

Верю: скоро к нашей старине придут многие настоящие люди. Кроме археологических учреждений будут задуманы общества друзей старины. Не скажем больше: "Все спокойно". Еще раз изгнать культуру мы, наконец, убоимся!"

Очевидно, столетняя история культуры России XX века подтвердила оценки и прогнозы художника.

Идея архитектурной серии заключалась в желании запечатлеть грандиозную каменную летопись страны, ее немеркнущее достояние. Художник отказался от изображения позднейших и, как правило, неудачных пристроек к храмам и крепостям, постарался выявить истоки древнерусского архитектурного стиля, его красоту и лаконичность.

Задача эта была им с успехом решена, в чем публика смогла в этом убедиться, посетив выставку 1904 года. Художественный критик Сергей Эрнст назвал коллекцию этюдов Н.К. Рериха:

"Пантеоном нашей былой славы". Она, помимо художественной, представляет еще и значительную историческую ценность, поскольку на полотнах запечатлены памятники культуры, погибшие в годы Второй мировой войны.

Тема сохранения достижений прошлого остро звучит у Николая Константиновича и в статье "Старина": "Пора нам полюбить старину, и гораздо нужнее теперь говорить о хорошем художественном отношении к памятникам. Пусть они стоят не величавыми покойниками, точно иссохшие останки, когда-то грозные, а теперь никому не страшные, ненужные, по углам соборных подземелий; пусть памятники не пугают нас, но живут и веют на нас чем-то далеким, может быть и лучшим.

Минувшим летом мне довелось увидать много нашей исконной старины и мало любви вокруг нее. Последовательно прошла передо мною Московщина, Смоленщина, вечевые города, Литва, Курляндия и Ливония, и везде любовь к старине встречалась малыми, неожиданными островками, и много где памятники стоят мертвыми.

Грозные башни и стены заросли, закрылись мирными березками и кустарником; величавые, полные романтического блеска соборы задавлены кольцом жидовских хибарок. Все потеряло свою жизненность; заботливо обставленный дедовский кабинет обратился в пыльную кладовую хлама. И стоят памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не дает спать на диво обожженный кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев; кому мешает стена проложить конку; кого беспокоят безобидные изразцы и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора.

Так редко можно увидать человека, который искал бы жизненное лицо памятника, приходил бы но душе побеседовать со стариною. Фарисейства, конечно, как везде, и тут не оберешься. А сколько может порассказать старина родного самым ближайшим нашим исканиям и стремлениям.

Вспомним нашу старую (не реставрированную) церковную роспись. Мы подробно исследовали ее композицию, ее малейшие черточки и детали, и как еще мало мы чувствуем общую красоту ее, т. е. самое главное. Как скудно мы сознаем, что перед нами не странная работа грубых богомазов, а превосходнейшая стенопись.

Осмотритесь в храмах ростовских и ярославских, особенно у Ивана Предтечи в Толчкове. Какие чудеснейшие сочетания. Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивейшею охрою. Как легка изумрудно-серая зелень, и как у места к ней красноватые и коричневые одежды. По тепловатому светлому фону летят грозные архангелы с густыми желтыми сияниями, а их

белые хитоны чуть холоднее фонов. Нигде не беспокоит глаз золото, венчики светятся одной охрою. Стены — это тончайший бархат, достойный одевать дом Божий. И ласкает и нежит вас внутренность храма, н лучше здесь молитва, нежели в золоте и серебре…

Привести в гармонию такие большие площади, справиться с такими сложнейшими сочинениями, как, например, Страшный суд у Спаса на Сенях в Ростове, могут только даровитейшис люди. Много надо иметь вкуса, чтобы связать картину таким прекрасным орнаментом. Все это так значительно, стоит так высоко! Недаром же лучшие реставраторы в сильнейших своих местах могут лишь приблизиться к цельности старой работы, и то редко: все больше остаются позади ее.

Мало мы еще ценим старинную живопись. Мне приходилось слышать от интеллигентных людей рассказы о странных формах старины, курьезы композиции и одежды. Расскажут о немцах и других иноземных человеках, отправленных суровым художником в ад на Страшном суде, скажут о трактовке перспективы, о происхождении форм орнамента, о многом будут говорить, но ничего о живописной красоте, о том, чем живо все остальное.

За последнее время к нам много проникает японского искусства, этого давнего достояния западных художников, и многим начинают нравиться гениальные творения японцев с их живейшим рисунком и движением, с их несравненными бархатными тонами.

Для дела все равно, как именно, лишь бы идти достойным путем; может быть, через искусство Востока взглянем мы иначе на многое наше. Посмотрим не скучным взором археолога, а теплым взглядом любви и восторга. Почти для всего у нас фатальная дорога "через заграницу"; может быть, и здесь не миновать общей судьбы.

Когда смотришь на древнюю роспись, па старые изразцы или орнаменты, думаешь: Какая красивая жизнь была! Какие сильные люди жили ею! Как жизненно и близко всем было искусство, не то, что теперь, — ненужная игрушка для огромного большинства. Насколько древний строитель не мог обойтись без художественных украшений, настолько теперь стали милы штукатурка и трафарет, и уже не только в частных домах, но и в музеях и во всех общественных учреждениях. Насколько ремесленник древности чувствовал инстинктивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходившую из его рук, настолько теперь процветают нелепый штамп и опошленная форма. Все вперед идет!"

Интересно сложилась судьба архитектурной серин Н.К.

Рериха. В составе восьмисот других работ русских художников она выставлялась в Америке в 1906 году. Вследствие финансовых просчетов организаторов выставки все работы русского отдела были конфискованы. Не помогло даже вмешательство первых лиц государства. А пока шла переписка и выяснение обстоятельств произошедшего, коллекция была распродана и разошлась по городам США и Южной Америки. В основном картины приобретались состоятельными коллекционерами. Таким образом в 1960-е годы картины попали в Музей Николая Рериха в Нью-Йорке, а в 1970-е почетный президент музея Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе передала их в дар Государственному музею искусства народов Востока в Москве, положив начало замечательной и обширной коллекции работ Н.К. Рериха этого музея.

Одним из первых Н.К. Рерих поднял вопрос об огромной художественной ценности древнерусской иконописи. В статье "Иконы" он писал:

"Спас — радостный; Спас — грозный; Спас — печальный Спас — милостивый; Спас — всемогущий. И все тот же Спас — все тот же лик, спокойный чертами, бездонный красками, великий впечатлением. Красива древняя икона. Высока и чиста атмосфера создания ее. Трогательны старинные слова об иконописи.

Копия с Иверской иконы писалась: "365 иноков сотворили есьма великое молебное пение, с вечера и до света, и святили есьма воду со св. мощами и св. водою обливали чудотворную икону Пресвятой Богородицы, старую Портаисскую, и в великую лохань ту св. воду собрали и, собрав, паки обливали новую цку, что сделали всю от кипарисова дерева, и опять, собрав ту св. воду в лохань, потом служили Святую и Божественною литургию с великим дерзновением. И после литургии дали ту св. воду и св. мощи иконописцу… Романову, чтобы ему, смешав св. воду и св. мощи с красками, написать Святую икону… Иконописец токмо в субботу и воскресенье употреблял пищу, а братия по дважды в неделю совершали всенощные и литургии. И та икона новописанная не разнится ни в чем от первой иконы… только слово в слово новая, аки старая".

Патриарха Иосифа слова: "Воображении святых икон писати самым искусным живописцем… и чтоб никто неискусен иконного воображения не писал, а для свидетельства на Москве и во градех выбрать искусных иконописцев, которым то дело гораздо в обычай".

Собор 1667 года указал: "Да иконы лепо, честно, с достойным украшением, искусным рассмотром художества пишемы будут, во еже бы всякого возроста верным, благоговейный очеса на тя возводящим к сокрушению сердца, ко слезам покаяния, к любви

Божий и Святых Его угодников, к подражанию житию их благоугодному возбуждатись и предстояще им мнети бы на небеси стояти себе пред лицы самих первообразных".

Это замечательно красиво; еще не менее торжественно (окружная грамота 1669 г.):

"Яко при благочестивейшем и равноапостольном царе Константине и по нем бывших царех правоверных церковнице. Изряднее же клирос велиею честью почитаеми бяху, со сигклитом царским и прочиими благородными равенство почитания повсюду приимаху, тако в нашей царстей православной державе икон святых писатели тщатливии и честнии, яко председание художником да восприимут и… пером писателем да предравеиетвуют: достойно бы есть от всех почитаемый хитрости художникам почитаемым бытн… Толнко убо от Бога, от церкви и от всех чинов и веков мира почтенного дела художницы в ресноту почитаеми да будут;…вся вышерещениая в сей грамоте нашей царстей не преступно хранима и блюдома будут выну…"

Как хорошо! Какое красивое и великое дело чувствуется за этими словами. Какой подъем, размах и проникновение! Но преступили царскую "неприступную" грамоту. Далеко отошли. Даже стыдимся иконы.

Наши иконы, наши церковные заказы полны беспросветными буднями.

Проникновенность закрылась шаблоном канона и то какого-то не настоящего канона — сурово торжественного, а гоже маленького и будничного, такого же ненужного, как не нужно нам сейчас и все искусство, и вся религия. Ни хорошего, пи худого. Серая вера, серое воображение и блеск риз и окладов не светит среди серой какой-то ненужности и неискренности.

Насколько предписано обязательными правилами, учимся мы знать церковное письмо. Мы твердим — сколько морщин должно быть на лбу Спаса, сколько волосков в бороде Николая, твердим много слов, мертвых для нас, и за ними теряется общее обаяние иконы, мельчает впечатление, забывается — в чем доступ живописи к лучшим нашим запросам. Как и во всей жизни, не обнимая общего, спасения ищем мы в мелочах.

Остаются только малые остатки чудесной старинной работы. Пусть они не погибнут; страшно им разрушение, но еще страшней поновление. Пусть эти остатки напомнят всем близким украшению икон и церквей о забытых славных задачах. Пусть эти близкие делу, даже если сами не чувствуют красивое, хоть на слово поверят в прелесть старой иконы, в красоту общей стенописи, и не потому, что она древняя, а потому, что в ней много истинного художества, много в ней истинных путей.

Трудно идти этой дорогой; множайшие не поймут и осудят и,

Бог весть, даже изгонят. Но все-таки будет время, и вернемся мы к настоящей красоте и святости храма и переделаем многое, с такими затратами устроенное теперь.

Таинственные слова христианства должны оттолкнуть язычество в иконописи. Сохраняя не букву и черту, а душу и красоту, еще можно засветить погасающий светильник. Страшно смотреть многие новые храмы, уставленные разнородными, случайными работами, наполняющими нас, в лучшем случае, рассеянностью вместо торжества. Кроме трех-четырех человек, чутких и дерзновенных, как Васнецов, Нестеров, Врубель, Харламов (уже трудно сказать — пяти) идеал нашей работы — сделать так прилично, чтобы ни одна комиссия не могла найти ни одной буквы не по правилам. Остальное не нужно; задача проникновения, задача истинно декоративного размещения, задача живописи самой по себе — все это не нужно, ибо это не спрашивают; наоборот, такие задачи, повторяю, причиняют только хлопоты и неприятности.

Бывало такое же отношение к делу и в старину, но осуждено оно было резким словом: "Не всякому дает Бог писати по образу и подобию и кому не дает — им в конец от такого дела престати. И аще учнут глаголати: "Мы тем живем и питаемся", — и таковому их речению не внимати. Не всем человекам живописцем бытн: много бо различнаго рукодействия подаровано от Бога, ими же человеком препитатись и живым быти и кроме иконнаго письма…"

Ясно и непреложно. Но все забыто. Опять отдано церковное искусство "на препитание". Где уж тут высокая задача украшения храма, первейшего дома в стране? И это в наши дни, в то время, когда так мучительно безответно растут запросы религии. Нам далеко искусство само по себе. Будем взывать хоть историей, хоть великолепными словами царских указов и грамот".

Н.К. Рерих с сыновьями Святославом и Юрием. Талашкино, Смоленская область

Художнику за долгую творческую жизнь посчастливилось и создавать оформление церквей, и самому писать иконы. Весьма многочисленны его работы, посвященные церковной архитектуре, как существовавшей при его жизни, так и задуманной им в проектах. Так, к числу известных работ Н.К. Рериха для Русской православной церкви относятся: проект оформления церкви

Покрова Богородицы в имении Голубевых в селе Пархомовка под Киевом (1906, архитектор В.А. Покровский), эскизы мозаик для церкви во имя Святых апостолов Петра и Павла на Шлиссербургских пороховых заводах (архитектор В.А. Покровский), оформление Троицкого собора Почаевской лавры (1910), эскизы для росписи часовни Св. Анастасии у Ольгинского моста в Пскове (1913), 12 панно для молельной виллы семьи Лившиц в Ницце (1914), оформление росписями и мозаикой церкви Св. Духа в смоленском селе Талашкино (1914). Для храма Казанской иконы Божией Матери — фамильной церкви Каменских в женском монастыре — Перми в 1907 году художник создает 13 икон одноярусного иконостаса в духе ранних храмов Византии и Древней Руси. Сергей Эрнст, оценивая эту масштабную работу, писал: "Иконное письмо это, выдержанное в коричневых, зеленых и красноватых тонах, построено по строгим и древним канонам; превосходное решение их показало, что мастером уже пройден искус великого и сложного художества древней иконописи и что перед ним уже открыты просторы собственного иконного строительства".

В 1929 году в Нью-Йорке в музее его имени Николай Константинович создает комнату-молельню Преподобного Сергия Радонежского, великого русского святого, которого художник почитал как своего небесного покровителя. В этой молельне, благодаря пожертвованиям сотрудников музея, среди прочих икон хранилась одна старинная икона — образ Радонежского Чудотворца конца XVII века. По проекту Н.К. Рериха и частично на его средства в 1930 году в русской деревне Чураевка в Америке, что неподалеку от Нью-Йорка, строится часовня во имя святого Сергия. На возведение часовни, которая существует и поныне, было получено благословение трех митрополитов: Всеамериканского — Платона, Западноевропейского — Евлогия и Дальневосточного — Мефодия. На ее освящение в апреле 1934 года Н.К. Рерих пишет слово "Святой Сергий — Строитель Русской Духовной Культуры". Затем, уже в китайском Харбине, в 1934 году создаются эскизы для неосуществленной постройки часовни и звонницы в Бариме, Маньчжурия. Был и еще целый ряд проектов Н.К. Рериха, посвященных Преподобному Сергию: "Случайно ли, что на всех путях сужденных вырастают священные знамена Преподобного? Дивно и чудно видеть, как даже в наше смятенное, отягощенное мраком время всюду возносятся светочи храмов и часовен во Имя Преподобного".

В 1913 году мозаика Н.К. Рериха украсила памятник А.И. Куинджи в некрополе Александро-Невской лавры: "Мозаика всегда была одним из любимых моих материалов. Нив чем не

выразить монументальность так твердо, как в мозаичных наборах… Мозаика стоит как осколок вечности. В конце концов и вся наша жизнь является своего рода мозаикой… Каждый живописец должен хотя бы немного приобщиться к мозаичному делу. Оно даст ему не поверхностную декоративность, но заставит подумать о сосредоточенном подборе целого хора тонов…. Обобщить и в то же время сохранить все огненные краски камня будет задачей мозаичиста. Но ведь и в жизни каждое обобщение состоит из сочетания отдельных ударов красок, теней и светов".

В 1903 году состоялась первая поездка Николая Константиновича вместе с Еленой Ивановной к княгине Марии Клавдиевне Тенишевой в ее живописное имение Талашкино под Смоленском. В те годы Талашкино было местом, непременно посещаемым русскими художниками, поскольку его хозяйка славилась своей любовью к искусству. Она училась живописи в училище технического рисования барона Штиглица у И.Е. Репина, а затем в Италии и в Париже; была музыкально одаренным человеком, обладала прекрасным сопрано. Всю жизнь она посвятила созданию центров просветительства, возрождению традиционной народной художественной культуры. Искренне стремилась к сохранению лучшего в национальной культуре: "Почему наша старая Русь стала далекой от нас, россиян? Почему не художники, а чиновники и купцы, не ведающие, что есть национальная душа, диктуют моду?…Мои талашкинскпе мастерские есть проба искусства русского. Если бы искусство это достигло совершенства, оно стало бы общемировым". В конце 1890-х годов вместе с подругой детства княгиней Святополк-Четвертинской она создала в Талашкине художественнопромышленные мастерские (столярные, резьбы и росписи по дереву, гончарные, вышивки, плетению кружев и ряд других). К сотрудничеству были приглашены видные русские художники: Е.Д. Поленова, С.В. Малютин, М.А. Врубель, И.И. Левитан, В.А. Серов, Александр и Альбер Бенуа, М.В. Нестеров, К.А. Коровин, И.Е. Репин, скульптор П.П. Трубецкой, композиторы А.А. Андреев, И.Ф. Стравинский и много других талантливых деятелей. В Москве был открыт и успешно работал магазин "Родник" для реализации изделий талашкинских мастерских, получивших широкое признание. Николай Константинович писал: "Присматриваюсь к Талашкину. Видно, душевною потребностью, сознанием твердой и прочной почвы двинулось дело талашкинских школ и музея". Он внес свой весомый вклад в оформление музея русского искусства в Талашкине, создав эскизы для мебели: дивана, стола, кресла, книжного шкафа; а

также выполнил три декоративных фриза на тему "Охота. Север". Задуманные предметы отличались большим художественным вкусом, изяществом и единством стиля.

Николай Константинович называл Марию Клавдиевну "созидательницей и собирательницей", неизменно принимая все приглашения Тенишевой к сотрудничеству на ниве искусства, а Мария Клавдиевна высоко ценила огромный талант Н.К. Рериха и считала его лучшим другом в творчестве: "Мне всегда не хватало общения с человеком, живущим одними со мной художественными интересами. Кроме того, Николай Константинович — страстный археолог, а я всю жизнь мечтала с кем-нибудь знающим покопаться в древних могильниках, открыть вместе страницу седого прошлого. Всякий раз, что я находила при раскопках какой-нибудь предмет, говорящий о жизни давно исчезнувших людей, неизъяснимое чувство охватывало меня. Воображение уносило меня туда, куда только один Николай Константинович умел смотреть и увлекать меня за собой, воплощая в форму и образы те давно прошедшие времена, о которых многие смутно подозревают, но не умеют передать во всей полноте. Я зову его Баяном, и это прозвище к нему подходит. Он один дает нам картины того, чего мы нс можем восстановить в своем воображении…

Из всех русских художников, которых я встречала в моей жизни… это единственный, с кем можно было говорить, понимая друг друга с полуслова, культурный, очень образованный, настоящий европеец, не узкий, не односторонний, благовоспитанный и приятный в обращении, незаменимый собеседник, широко понимающий искусство и глубоко им интересующийся. Наши отношения — это братство, сродство душ, которое я так ценю и в которое так верю. Если бы люди чаще подходили друг к другу так, как мы с ним, то много в жизни можно было бы сделать хорошего, прекрасного и честного".

М.К. Тенишева внесла огромный вклад в развитие русского искусства, и Николай Константинович писал на ее уход: "Оглядываюсь с чувством радости на деятельность Марин Клавдиевны. Как мы должны ценить тех людей, которые могут вызывать в нас именно это чувство радости. Пусть и за нею самою в те области, где находится она теперь, идет это чувство радости сознания, что она стремилась к будущему и была в числе тех, которые слагали ступени грядущей культуры. Большой человек — настоящая Марфа-Посадница!"

ШКОЛА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ

Постепенно к 1906 году художник отказывается от использования в своей живописи масла и обращается к темпере с ее богатыми "бархатными" тонами. Это знаменует новый этап его творчества. В том же году Николая Константиновича назначают на должность директора школы Общества поощрения художеств. Он радикально обновляет преподавательский состав, пригласив на работу в школу В. В. Матэ, Я.Ф. Ционглинского, А. Афанасьева, автора иллюстраций к сказке П. Ершова "Конек-Горбунок", И.Я. Билибина. Приглаены в школу и старые товарищи по мастерской Куинджи — К. К. Вроблевский, В.И. Зарубин, А.А. Рылов и Н.П. Химона, художественный критик С.К. Маковский, архитектор А.В. Щусев, скульптор И. Андреолетти.

Среди нововведений Н.К. Рериха стоит отметить реформирование (превращены в мастерские) классов керамики, резьбы, живописи по стеклу и рукоделий, вновь учреждены классы графики, медальерного искусства, съемки с натуры и изучения стилей, рисования с живых цветов и стилизации, обсуждения эскизов и рисования с животных, а также мастерские: иконописная, рукодельная, ткацкая и чеканки. Для расширения кругозора учащихся под руководством специалистов организуются экскурсии в Новгород, Псков, Ярославль, Кострому, Москву и посещения музеев; в школе устраиваются разнообразные лекции по вопросам искусства. Был основан музей русского искусства, имевший помимо педагогической цели представлять художественное творчество всех имевших отношение к школе и Обществу поощрения художеств, а также собирать произведения русских художников всех направлений и тем самым способствовать делу собирания и сохранения памятников отечественного искусства. Стараниями нового директора было выпущено несколько изданий школы: сборники, посвященные работам учащихся, книга Н. Макаренко "Школа Императорского Общества Поощрения Художеств. 1839–1914 гг.", "Русская геральдика" и недолгое время издававшийся "Ежегодник Школы И.О.П.Х.".

В 1909 году к Н.К. Рериху приходит признание: его избирают академиком — действительным членом Императорской академии художеств, в послужном списке которого в числе прочего значилось: "С 1904 по 1908 год были устроены отдельные и частичные выставки в следующих городах: Праге, Вене, Берлине,

Дюссельдорфе, Милане, Венеции, Париже, Лондоне, причем Миланская международная выставка удостоила почетным дипломом (вторая награда), а в Париже избран членом Осеннего салона, членом Национальной академии в Реймсе и членом Доисторического общества, а французское правительство приобрело картину "Человек со скребком" (Каменный век). Избран в члены правления Общества архитекторов-художников, избран товарищем председателя Общества изящных искусств при Лиге образования. С 1906–1909 гг. принимал участие в декорации храмов (мозаичные эскизы) на Пороховых заводах под Шлиссельбургом, в Почаевской Лавре, в женском монастыре в Перми и в церкви имения В.В. Голубева.

Им выполнены следующие театральные постановки: 1. В 1908 году, по предложению французской дирекции, сделаны эскизы для "Снегурочки". 2. В 1908 году сделана постановка для мистерии "Три волхва" (Старинный театр). 3. В 1909 году выполнены декорации и костюмы для "Князя Игоря" (в Париже).

В 1909 году имел счастье представить картины и этюды Е.И.В. Государю Императору и Государыне Императрице. Из картин поступили: "Бой" — в Московскую городскую галерею братьев Третьяковых, "Пещное действо" (XVII в.) — в Русский музей Императора Александра III. Из прочих выставленных произведений находятся: "Дочь змеи", "Эскиз стенописи" и "Псковский мотив" — в собрании княгини М.К. Тенишевой, "Соглядатаи" — в Нижегородском музее, Новгородские этюды — в собрании Е.И.В. Принцессы Ольденбургской, 6 рисунков — в собрании С.С. Боткина. По вопросам искусства и археологии сделан ряд рефератов и публичных лекций в Петербурге и Москве".

Театральная деятельность Н.К. Рериха насчитывала целый ряд прекрасных работ, как осуществленных, так и нет. В слове "Театр" он вспоминал:

"Когда барон Дризен в 1905 году заговорил о театре, то почва к этому была совершенно готова. Из первых постановок — "Три Мага" (эскиз к ним — в Бахрушинском музее, но, к сожалению, при наклейке уже в музее были стерты все пастельные верхние слои, в чем я убедился в 1926 году, будучи в Москве), "Валькирия" и "Кн[язь] Игорь". В предисловии к американскому каталогу Бринтон передал мои соображения о тональной задаче, выполненной в эскизах "Валькирии". В 1921 году в дармштатском журнале "Кунст унд Декорацией" Риттер назвал мои декорации к Вагнеру самыми лучшими из всего, что для Вагнера было до тех пор сделано. Такая похвала, исходившая из центра вагнеровского почитания, была весьма замечательной. Из русских опер, кроме

"Князя Игоря", были эскизы к "Садко", "Царю Салтану" (Ковент-Гарден), "Псковитянке" (Дягилев) и три постановки к "Снегурочке". Первая постановка была для "Опера Комик" в Париже, вторая — в Петербурге и третья — в 1922 году в Чикаго.

В 1913 году по предложению Станиславского и Немировича-Данченко был поставлен "Пер Гюнт" в Московском Художественном театре; тогда же для Московского Свободного Театра была приготовлена постановка "Принцессы Мален" Метерлинка в четырнадцати картинах, но из-за краха этого театра постановка не была закончена. В том же году в Париже — "Весна Священная" с Дягилевым и Нижинским, а вторая постановка "Весны" — в 1930 году в Нью-Йорке со Стоковским и Мясиным. В 1921 году "Тристан и Изольда" для Чикаго. Так же не забуду "Фуэнте Овехуну" для старинного театра барона Дризеиа. Оригинал эскиза был в собрании Голике и был в красках (в несколько пониженной гамме) в монографии 1916 года. Уже во время войны в 1915 году в Музыкальной Драме была поставлена "Сестра Беатриса", музыкальное вступление к ней было написано Штейнбергом и посвящено мне. К серии театральных работ относится и занавес панно "Сеча при Кержснце", заказанная мне Дягилевым. Не знаю, где остался этот занавес, так же, как и занавес панно Серова. Были еще эскизы к "Руслану", один акт к "Хованщине" (хоромы Голицына) и эскизы к предполагавшейся индусской постановке "Девассари Абунту". Один из этих эскизов был в собрании Милоша Мартена в Праге. Вы спрашиваете, где находятся все эти эскизы. Они чрезвычайно разбросаны. Корабль "Садко" — у Хагберг-Райта в Лондоне, "Половецкий стан" — в "Виктория Альберт Музее" и в Детройте. "Принцесса Мален" — в Стокгольме в Национальном Музее, в "Атенеуме" (Гельсингфорс), несколько эскизов в СССР. "Снегурочка" — в Америке, в СССР и где-то в Швейцарии. "Весна Священная" — в СССР, один эскиз был у Стравинского, эскиз для 1930 года — в Музее Буэнос-Айреса. Да, чуть не забыл, еще был эскиз для ремизовской пьесы, который воспроизведен в монографии 1916 года под названием "Дары", и для мистерии "Пещное действо", который воспроизведен в красках в монографии Ростиславова. Можно найти воспроизведения в "Золотом Руне", в "Аполлоне", в монографии 1916 года, в монографии Эрнста, в монографии Еременко и в последней монографии 1939 года. Хотя оригиналы и очень разбросаны, но из приведенных монографий можно собрать значительное число разных воспроизведений, и среди них — некоторые в красках.

Предполагались еще совместные работы с Фокиным, с Коммиссаржевским, с Марджановым, но за дальними

расстояниями и переездами все это было трудно осуществимо. Были беседы и с Прокофьевым, и я очень жалею, что не пришлось осуществить их, ибо мы все очень любим Прокофьева. В театральных работах так же, как и в монументальных стенописях, для меня было всегда нечто особо увлекательное".

В 1910 году распалось объединение "Союз русских художников". Из него вышли все художники, кроме А. Рылова, В. Серова и И. Грабаря. После этого в Петербурге возникло выставочное объединение, вновь названное "Миром искусства". Его основное ядро составляли бывшие мирискусники: Александр Бенуа, Л. Бакст, Е. Лансере, К. Сомов, М. Добужинский, В. Серов, И. Грабарь, к которым присоединились К. Петров-Водкин, Б. Кустодиев, А. Остроумова-Лебедева, З. Серебрякова и др. Отдавая дань организаторскому и художественному таланту, председателем нового движения художники избрали Н.К. Рериха. В работе Николай Константинович умело избегал ненужных конфликтов, внимательно прислушивался и к "новым", и к "старым" мирискусникам. Все это укрепляло второй "Мир искусства" и обеспечивало ему успех.

С 1909 года, экономя время для новых живописных исканий, Николай Константинович начинает понемногу отходить от общественной работы — так, в 1909 году он покидает правление Общества архитекторов-художников, в 1911 году слагает с себя звание председателя "Комиссии Музея допетровского искусства и быта", а в 1913-м — председательство "Мир искусства".

Стоит также отметить, что в 1909 году художник дает основание своему собранию старинной живописи, задуманному еще в 1905–1906 годах. Основой коллекции становятся работы нидерландской, голландской и фламандской школ, быстро превратившись в лидирующую среди аналогичных по теме частных русских галерей; в ее состав входят отличные картины мастеров XVI и XVII вв. — Блеса, Клеве, Остзанена, Сирангера, Ломбарда, П. Бриля, Винкбонса, Схореля, Ал слота, И. и А. Гримеров, Говартса, Орлей, Кенинга, Мандера, Д. Тенирса, Л. Удена, Валкенборха, И. Момпера, А. Броувера, Венне, Я. и П. Брейгелей, П. Неффса, Я. Вранкса, А. Виллартса, А. Блумарта, Дрохслота, Гоитгорста, Яна Ливенса, Брекеленкама, Вельде, Саверея, Босхарта, Мириса, Брамера, Неера, Бредаля, Аста, Хода, Бреенберга, Кранаха, П. Паламедеса, Кваста, И. Викторса и др.

Художник неизменно поднимает в прессе гему сохранения сокровищ народной культуры: "Учась у камней упорству, несмотря на всякие недоброжелательства, я твержу о красоте народного достояния. Твержу в самых различных изданиях, перед самою разнообразною публикой". Отметим среди основных

статей, воззваний, обращений, отличающихся образным стилем и свободной литературной формой "Радость искусству" (1908) и "Древнейшие финские храмы" (1908), звучащие порой вдохновенным призывов: "Спас Нередицкий" (1906), "Голгофа искусства" (1908) и "Слово напутственное" (1916).

Николай Константинович в различных обществах и собраниях выступает с лекциями о воскрешении старины ради настоящего и будущего. Он мечтает, чтобы оно было столь же богато и радостно красотой, как и прошлое России, а таковым оно станет только тогда, когда будет понято и принято наследие, оставленное предками, и построено новое здание на старой, освященной веками почве. "Познание самого себя — первая задача. На ней стоит все будущее".

Николай Константинович видит в России чудесный, единственный на земле край, куда по воле судьбы текут пути многих странников мира, где сталкиваются достояния народов далеких и даже незнаемых друг другу — из этих столкновений и родилось великое и прекрасное зрелище русской древней культуры:

"Мы привыкаем, — пишет он, — искать наше искусство где-то далеко. Понятие наших начал искусства становится почти равнозначащим с обращением к Индии, Монголии, Китаю или к Скандинавии, или к чудовищной фантазии финской. Но, кроме дороги позднейших заносов и отражений, у нас, как у всякого народа, есть еще один общечеловеческий путь к древнейшему иероглифу жизни и пониманию красоты. Путь через откровения каменного века…

Глубины северной культуры хватило, чтобы напитать всю Европу своим влиянием на весь X век… Памятники скандинавов особенно строги и благородны. Долго мы привыкали ждать все лучшее, все крепкое с севера. Долго только ладьи с пестрыми парусами, только резные драконы были вестниками всего особенного, небывалого. Культура северных побережий, богатые находки Гнездова, Чернигова, Волховские и Верхне-Поволжские — все говорит нам не о проходной культуре севера, а о полной ее оседлости. Весь народ принял ее, весь народ верил в нее…

Скандинавская стальная культура, унизанная сокровищами Византия, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался матерью городов. Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миниатюр; простор и спокойствие храмов; чудеса металлических изделий; обилие тканей; лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужи Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту; иначе все оставленное ими не было

бы так прекрасно…

О татарщине остались воспоминания только как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повила их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей Русь вновь слушала сказку о чудесах, которые когда-то знали хитрые арабские гости Великого Пути в Греки…

Бесконечно изумляешься благородству искусства и быта Новгорода и Пскова, выросших на "Великом пути", напитавшихся лучшими соками ганзейской культуры. Голова льва на монетах Новгорода, так схожая со львом св. Марка, не была ли мечтою о далекой царице морей — Венеции? Когда вы вспоминаете расписные фасады старых ганзейских городов, не кажется ли вам, что и белые строения Новгорода могли быть украшены забавною росписью?"

Через любовь к России художник мог чувствовать весь мир, так расширялось видение Рериха от славянофильства прошлого к светлой соборности будущей мировой жизни. Под этим знаком создаются картины 1906–1914 годов, как декоративные, так и станковые; притом "эта перемена затрагивает не только идейный строй композиций художника, но и сильно влияет на их мастерство, что вместе с уже отмеченной их усложненной и обогащенной живописью весьма отличает картины Рериха последних лет от работ предыдущих периодов" (Эрнст, 1918).

НАКАНУНЕ

В годы, предшествующие Первой мировой войне, в живописном творчестве Н.К. Рериха преобладают апокалиптические настроения. Они воплощаются в целый ряд значительных работ "Небесный бой", "Пречистый град — врагам озлобление", "Бой со змеем", "Дела человеческие", "Зарево". Пожалуй, самой предсказательно трагической из них стало произведение "Ангел Последний" (1912). Критик А.В. Бакушинский писал о нем: "Этим чутким титаническим видением открывается ряд творческих образов, озаренных отблеском грядущей катастрофы. Грозный ангел, ангел последнего гнева из потемневшего, черного сворачивающегося, как свиток, неба, ангел, подобный сверкающей молнии в обрамлении клубящихся облаков, нисходит на землю, объятый пламенем. Холодом совершившегося высшего приговора проникнуты его неподвижный лик и статуирный покой фигуры. Огненная стихия неба, соединяющегося с огненным обновлением земли. Все видение пропитано красным трепетанием от густо-пурпурового тона до желтовато-оранжевого. Пустынна земля и пустынно небо. Нет человека в построенных им пустынных городах, символически изображаемых в виде искристых палат. Полное господство сверхчеловеческого. Величие и простота византийского монументального искусства здесь достигаются художником с подлинно-древней силой через крайнее обобщение всех художественных средств. Это мистически пламенеющее небо, эта земная обреченность в применении с неизбежным, предстоящим кругом небывалых мук и испытаний, нужных для какого-то очищения и нового рождения в жизни новой, — ярко окрашиваемой собою последующее творчество художника".

Итогом довоенного периода Н.К. Рериха как писателя и просветителя стала первая книга собрания сочинений, выпущенная в 1914 году в издательстве И.Д. Сытина.

В нее были включены лучшие произведения; в главу "О старине моления" вошли работы "На кургане", "Иконный терем", "Из Варяг в Греки", "По старине", "К природе", "Спас Нередицкий", "Восстановления", "Странный музей", "Голгофа искусства", "Обеднели мы", "Радость искусству", "Древнейшие финские храмы", "Тихие погромы", "Земля обновленная", "Церковь Ильи Пророка в Ярославле", "Памятник Св. Ольге", "Всенародное", "Великий Новгород", "Подземная Русь", "Иконы"; в главу "Листки" — "Марес и Беклин", "Врубель", "Куинджи", "Серов", "Японцы", "Художественная промышленность", "Враги", "Отличия",

"Индийский путь", "Дедушка", "Глаз добрый"; в главу "Сказки" — "Детская сказка", "Гримр-Викинг", "Вождь", "Марфа Посадница", "Старинный совет", "Великий ключарь", "Лют Великан", "Девассари Абунту", "Лаухми Победительница", "Замки печали", "Царица Небесная", "Миф Атлантиды", "Страхи", "Клады", "Города пустынные". "Граница царства".

МИФ АТЛАНТИДЫ

Атлантида — зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи, в золототканых одеждах, сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты, и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые.

Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славили. Преклонялись перед владыкой страны.

Но случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привез великое вещее слово:

— Встанут волны горою. Море покроет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомстит.

С того дня не отвергали любовь в Атлантиде. С любовью и лаской встречали плывущих. Радостно улыбались друг другу атланты. И улыбка владыки отражалась в драгоценных, блестящих стенах дворцовых палат. И рука тянулась навстречу с приветом, и слезы в народе сменялись тихой улыбкой. И забывал народ власть ненавидеть. И власть забывала кованый меч и доспех.

Но мальчик, сын владыки, особенно всех удивлял. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вот он был добр! И приветлив! И заботлив о всех! Были братья ему великий и малый. Для каждого жило в нем доброе слово. Про каждого помнил он его лучший поступок. Ни одной ошибки он точно не помнил. Гнев и грубость увидеть он точно не мог. И перед ним укрывалось все злое, и недавним злодеям хотелось навсегда стать добрыми, так же, как он.

За ним шел толпою народ. Взгляд его всюду встречал лишь лица, полные радости, ждущие улыбку его и доброе, мудрое слово. Вот уж был мальчик! И когда почил в этой жизни владыка-отец, и отрок, туманный тихой грустью, вышел к народу; все, как безумцы, забыли про смерть и гимн хвалебный запели владыке желанному. И ярче цвела Атлантида. А египтяне назвали ее страною любви.

Долгие тихие годы правил светлый владыка. И лучи его счастья светили народу. Вместо храма народ стремился к владыке. Пел:

— Он нас любит. Без него мы — ничто. Он — наш луч, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебе, наш

любимый!

В трепете восторга народа дошел владыка до последнего дня. И начался день последний, и бессильный лежал владыка, и закрылись глаза его.

Как один человек, встали атланты, и морем сплошным налили толпы ступени палат. Отнесли врачей и постельничих. К смертному ложу приникли и, плача, вопили:

— Владыко, взгляни! Подари нам хоть взгляд твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантов, желанье тебя укрепит. Посмотри, — вся Атлантида собралась к дворцу твоему. Тесной стеной мы встали от дворца и до моря, от дворца до утесов. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадим тебя увести, всех нас покинуть. Мы все, вся страна, все мужи, и жены, и дети. Владыко, взгляни!

Рукой поманил владыка жреца и хотел сказать последнюю волю, и всех просил выйти, хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, в ступени постели вросли. Застыли, и немы и глухи. Нс ушли.

Тогда приподнялся на ложе владыка и, обратя к народу свой взгляд, просил оставить его одного и позволить ему сказать жрецу последнюю волю. Владыка просил. И еще раз напрасно владыка просил. И еще раз они были глухи. Они не ушли. И вот случилось тогда. Поднялся владыка на ложе и рукою хотел всех отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взгляд любимый владыки.

Тогда владыка сказал:

— Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здесь? Сейчас я узнал. Ну, я скажу. Скажу одно слово мое. Я вас ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли все от меня. Вы взяли смех детства. Вы ликовали, когда ради вас остался я одиноким. Тишину зрелых лет вы наполнили шумом и криком. Вы презрели смертное ложе… Ваше счастье и вашу боль только я знал. Лишь ваши речи ветер мне доносил. Вы отняли солнце мое! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы меня не пустили… Мне не вернуться к священной зелени леса… По травам душистым уже не ходить… На горный хребет мне уже не подняться… Излучины рек и зеленых лугов уже мне не видать… По волнам уже не носиться… Глазом уже не лететь за кречетом быстрым… В звезды уже не глядеться… Вы победили… Голоса ночные слышать я больше не мог… Веления Бога стали мне уже недоступны… А я ведь мог их узнать… Я мог почуять свет, солнце и волю… Вы победили… Вы все от меня заслонили… Вы отняли все от меня… Я вас ненавижу… Вашу любовь я отверг…

Упал владыка на ложе. И встало море высокой стеной, и скрыло страну Атлантиду.

Предсказанные события не заставили себя долго ждать. В августе 1914 года разразилась Первая мировая война, а еще через три года встала "стена революции", и царская Россия прекратила существование. Начало войны застало Николая Константиновича в Талашкине за росписями храма Святого Духа. Он создает образ "Царица Небесная на берегу жизни" и в храмовых фресках, и в поэзии. Фрески, к великому сожалению, не сохранились, но вот гимнографический стих, напоминающий православную стихиру, запечатлел то высокое настроение молитвы, с которым оформлялся храм:

"Высоко проходит небесный путь. Протекает река жизни опасная. Берегами каменистыми, гибнут путники неумелые: незнающие различить, где добро, где зло.

Милосердная Владычица небесная о путниках темных возмыслила. Всеблагая на трудных путях на помощь идет. Ясным покровом хочет покрыть людское все горе, греховное.

Из светлого града. Из красной всех ангельских сил обители Преблагая воздымается. К берегу реки жизни Всесвятая приближается. Собирает святых кормчих Владычица, за людской род возносить моления.

Трудами Царицы ангелы изумляются. И твердыни потрясенные сонмы подымаются. Красныя, прекрасныя силы в подвиге великом утверждаются. Трубным гласом Владычице славу поют.

Из-за твердых стен поднялись Архангелы. Херувимы, серафимы окружают Богородицу. Власти, Престолы, Господствия толпами устремляются.

Приблизились начала, тайну образующие.

Духу Святому, Господу Великому передаст Владычица моления. О малых путников вразумлении, о Божьих путей посещении, о спасении, заступлении, всепрощении. Подан господи, Великий Дух.

Подымается к Тебе мольбы великая. Богородицы моление пречистое. Вознесем Заступнице благодарение. Возвеличим и мы Матерь Господа: "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь"".

К 1916 году здоровье художника ухудшается, прогрессирует тяжелая болезнь легких — и врач советует покинуть столицу и уехать на какой-нибудь южный курорт. Однако большие обязанности директора школы Общества поощрения художеств не позволяют Николаю Константиновичу предпринять столь дальний отъезд, и он, решив, что "если пройдет, то и здесь пройдет", перебирается вместе со всей семьей в Финляндию, в местечко

Сердоболь на побережье Ладожского озера, расположенное относительно недалеко от Петербурга-Петрограда. Больной, продолжает работать, временами приезжая в столицу; составляет завещание:

"Все, чем владею, все, что имею получить, завещаю жене моей Елене Ивановне Рерих. Тогда, когда найдет она нужным, она оставит в равноценных частях нашим сыновьям Юрию и Святославу. Пусть живут дружно и согласно и трудятся на пользу Родины. Пусть Русский Народ и Всероссийское Общество Поощрения Художеств помочь семье моей; помочь, помня, что я отдал лучшие годы и мысли на служение русскому художественному просвещению. Предоставляю Музею Русского

Искусства при Школе, мною учрежденному, выбрать для Музея одно из моих произведений, как мой посмертный дар. Прошу друзей моих помянуть меня добрым словом, ибо для них я был другом добрым".

События в стране становятся все более и более сложными. Точное, исчерпывающее предсказание о существе грядущих революционных потрясений пророчески звучит в очерках "Единство" и "Неотпитая чаша":

"Мечта о единстве. Она еще так же далека, как всемирная мечта о "золотом веке". Но она так же жизнеспособна, ибо она повторяет лучшую мечту человечества.

Проповеди пророков, осмеянные "здравыми" людьми, всегда казались мечтами. Но не бытовые собрания, не выдуманные решения толпы, а вещания избранных всегда строили главные пути жизни. Велика житейская умудренность Пилата. Высоко измышлены слова фарисеев, но мечта их рассеяла и стерла.

Но далеки пути звезд и мечты. Мнящие себя уже готовыми носителями всемирного единства должны помнить, что вся грязь жизни, клевета и личные счеты безмерно далеки от светлой мечты о единстве. А между тем, глубокие философские учения, которые единственно могут приблизить торжество сознательной правды и единства, встречаются малознающими людьми без всякого внимания. И если сами проповедники крайнего социализма сами лично так нечутки, так далеки от основных начал единства, то, значит, человечество еще не организовано для восприятия великой идеи";

"Пройдет испытание. Всенародная, всетрудовая, крепкая делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные. Точно неотпитая чаша, стоит Русь. Неотпитая чаша — полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила. Русь верит и ждет".

В марте 1917 года после отречения императора Николая II от престола А.М. Горький инициирует создание Комиссии по делам искусств с целью сохранения российских памятников истории и культуры и развития искусства в стране. В нее приглашают и Н.К. Рериха, участвует также Александр Бенуа, Билибин, Добужинский, Петров-Водкин, Щуко, Шаляпин. Но в конце 1917 года вспыхивает Октябрьская революция большевиков под руководством В.И. Ленина, после которой Финляндия получает независимость, и граница с Россией закрывается. Рерихи поневоле оказываются отрезанными от России. Своеобразным итогом служения Н.К. Рериха родному искусству становится статья Леонида Андреева, написанная в 1919 году незадолго до смерти автора. В ней он выражает свою и общую благодарность, высокую признательность великому художнику, создавшему огромный прекрасный мир, идеальный в настоящем и реальный в будущем.

ДЕРЖАВА РЕРИХА

Рерихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает ее постольку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования; так сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда неожиданная, всегда радующая глаза и душу.

Видеть картину Рериха — это всегда видеть новое, то. чего вы не видали никогда и нигде, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что снятся лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так, даже не понимая Рериха, порою не любя его, как не любит профан все загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотою.

И оттого путь Рериха — путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надежным хранилищем его творческих откровений; вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику.

Колумб открыл Америку, еще один кусочек все той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию — и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который среди видимого открывает невидимое и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир! Целый новый мир!

Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Незанесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война — там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи… Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно по-смертному позавидовать тому

рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит — видит такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей. Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом Севера. Это мне кажется ошибкой — Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем: он весь в своем мире и не покидает его.

Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются "Покорением Казани" или декорациями к норвежскому "Пер Гюнту", — даже и там он, "владыка нездешний", продолжает оставаться творцом нездешнего мира: такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт — Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля — и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским "нездешним" берегам. Но для этого надо любить Север. Дело в том, что незанесенная на карты держава Рериха лежит также на Севере. И в этом смысле (не только в этом) Рерих — единственный поэт Севера, единственный певец и толкователь его мистически-таинственной души, глубокой и мудрой, как его черные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые и мерцающие ночи.

И еще одно важнейшее можно сказать о мире Рериха — это мир правды. Как имя этой правды, я не знаю, да и кто знает имя правды? — но ее присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым, странным светом. Словно снял здесь художник с человека все наносное, все лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви — и задумался глубоко. И задумался глубоко, что-то прозревая… Хочется тишины, чтобы ни единый звук, ни шорох не нарушил этой глубокой человеческой мысли.

Такова держава Рериха. Бесплодной будет всякая попытка передать словами и ее очарование, и красоту; то, что так выражено красками, не терпит соперничества слова и не нуждается в нем. Но если уместна шутка в таком серьезном

вопросе, то не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Летом 1918 года граница между Финляндией и Россией закрылась и вернуться в Петроград стало невозможно, да и небезопасно. Однако понемногу стало проходить долго мучившее воспаление легких, что позволило вернуться к любимому творчеству. Николай Константинович в начале того же года получил предложение приехать в Стокгольм, чтобы разобрать картины Русского художественного отдела, привезенные в Швецию на художественную выставку еще до начала войны. Получив от финских властей разрешение на провоз по территории страны своих картин, вместе с сыном Юрием в ноябре он приезжает в Швецию, в Мальме и затем в Стокгольм, где проводятся его персональные выставки. Привозит и новые работы, написанные в Карелии: "Вестник утра", "Еще не ушли", "Северные острова", "Экстаз" и ряд других. Там же в российском генеральном консульстве от имени Временного российского правительства Н.К. Рерих оформляет паспорта на всех членов семьи.

В Швеции художника ждал успех: его искусство тепло принималось, хорошо продавались картины. Публике нравились работы со скандинавскими мотивами. В газетах писали: "Он имеет собственное настроение. Фантазия много работала здесь. Он имеет замечательные противоположности. Нечто благородное, нечто давно умершее в Западной Европе, нечто исходящее из византийской культуры смешалось здесь с крайне новыми течениями. Первобытная сила и слабость, вырождения, грубость и тонкость ведут борьбу. Но замечательнее всего проблески великой, нетронутой души народа, которые проглядывают то здесь, то там. Эти проблески заметны в больших, ярко написанных картинах А.Е. Яковлева и его же портретах художников и ученых; еще более заметны они в чудесной картине Д.С. Стеллецкого "Марфа Посадница", но лучше всего они воплощены в произведениях Николая Рериха…

Он является здесь прежде всего талантливым театральным живописцем. Он обладает фантазией и удивительным умением схватывать эффектное. Он пишет смело, широко, законченно, он часто обходит тонкости, которые придают картине очарование, и его произведения надо смотреть на расстоянии нескольких метров. Его краски соответствуют его манере писать. Он опускает свои кисти в чистые, яркие краски и не боится сильных контрастов, но его искусство имеет блестящие возможности в области театральных эффектов".

Было решено продолжить выставлять работы в Дании и Норвегии, затем в Финляндии, где в 1919 году Н.К. Рерих избирается членом Художественного общества. Финский музей Атенеум приобретает две картины Н.К. Рериха. В местной газете в день открытия финской выставки публикуется упоминавшийся очерк Леонида Андреева "Держава Рериха", определивший в числе прочих благожелательных отзывов на многие годы отношение к художнику на Западе. В прессе пишут: "Больно думать, что часть собрания картин большого русского художника не останется на родине, и русское богатство распылится своими золотыми блестками по музеям целого мира. Русский народ ныне — странник. Его искусство и литература тоже великий странник, но они идут по миру не с сумой, а с богатствами, которыми щедро поделятся с другими народами и все же останутся богатыми".

Тогда же Николаю Константиновичу приходит более чем своевременное приглашение от С.П. Дягилева из Англии, совместно с Томасом Бичемом возобновившего свои знаменитые по Парижу "Русские сезоны". Своевременность предложения Дягилева была связана со скорыми планами финского правительства депортировать всех российских граждан, проживавших на территории Финляндии, обратно в Россию, ставшую теперь большевистской. Дягилев предлагал устроить выставки картин Н.К. Рериха в Англии и создать декорации для нескольких спектаклей. Николай Константинович принимает приглашение, решив не возвращаться в Россию — в эпицентр хаоса и террора, в "град обреченный". В очерке "Ко времени", опубликованном в финской прессе, он обращается к друзьям, оставшимся на родине:

"А теперь обращусь я к вам, которые остались во граде обреченном; к тем из вас, которые имеют международное значение! И к вам, друзьям, в рассеянии сущим!

Вы, что-то сохраняющие и затворяющие. Не затворите и совести вашей и не прикройте значением вашим убийц и предателей.

Поймите, что есть настолько злые вещи, что и приближаться к ним нельзя. Помните, что цель не освящает средства. Знание и искусство не живут на этих вредных корнях. Отличите же. наконец, признаки от сущности. Неужели же затворилась и совесть?

Пусть мой зов просочится к вам, и пусть сердце ваше подскажет вам, где истинный народ и где та ваша Родина, во имя которой вы должны принести все ваши силы и знания.

А вы, друзья в рассеянии сущие! Пусть и к вам через все наваждения просочится зов мой. Соединимся невидимыми

проводами духа. К вам обращаюсь, вас зову: во имя знания и красоты, для борьбы и труда соединимся".

Через Данию, где была устроена последняя скандинавская выставка Николая Константиновича, Рерихи выезжают в Лондон. Будущая жизнь за границей, уготованная ему, как оказалось впоследствии, была предсказана Николаем Константиновичем в предании, написанным еще в 1910 году.

ГРАНИЦА ЦАРСТВА

В Индии было. Родился у царя сын. Все сильные волшебницы, как знаете, принесли царевичу свои лучшие дары. Самая добрая волшебница сказала заклятие:

— Не увидит царевич границ своего царства.

Все думали, что предсказано царство, границами безмерное. Но вырос царевич славным и мудрым, а царство его не увеличилось. Стал царствовать царевич, но не водил войско отодвинуть соседей. Когда же хотел он осмотреть границу владений, всякий раз туман покрывал граничные горы. В волнах облачных устилались новые дали. Клубились облака высокими грядами. Всякий раз тогда возвращался царь силой полный, в земных делах мудрый решением.

Вот три ненавистника старые зашептали:

— Мы устрашаемся. Наш царь полон странной силой. У царя нечеловеческий разум. Может быть, течению земных сил этот разум противен. Не должен быть человек выше человеческого. Мы премудростью отличенные, мы знаем пределы. Мы знаем очарования. Прекратим волшебные чары. Пусть увидит царь границу свою. Пусть поникнет разум его. И ограничится мудрость его в хороших пределах. Пусть будет он с нами.

Три ненавистника, три старые повели царя на высокую гору. Только перед вечером достигли вершины, и так все трое сказали заклятие. Заклятие о том, как прекратить силу:

— Бог пределов человеческих! Ты измеряешь ум. Ты наполняешь реку разума земным течением. На черепахе, драконе, змее поплыву. Свое узнаю. На единороге, барсе, слоне поплыву. Свое узнаю. На листе дерева, на листе травы, на цветке лотоса поплыву. Свое узнаю. Ты откроешь мой берег! Ты укажешь ограничение! Каждый знает, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чары с ними.

Как сказали заклятие ненавистники, так сразу алой цепью загорелись вершины граничных гор. Отвратили лицо ненавистники. Поклонились.

— Вот, царь, граница твоя.

Но летела уже от богини доброго земного странствия лучшая из волшебниц. Не успел царь взглянуть, как над вершинами воздвигся нежданный пурпуровый град, за ним устлалась туманом еще невиданная земля. Полетело над градом огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

— Не вижу границы моей, — сказал царь. Возвратился царь духом возвеличенный. Он наполнил землю свою решениями

самыми мудрыми.

Летом 1919 года Рерихи прибывают в Лондон, где следующие месяцы Николай Константинович работает над эскизами декораций и костюмов к операм А.П. Бородина "Князь Игорь" для сцены Ковент-Гарден. Им было также подготовлено оформление для неосуществленных, к сожалению, опер "Снегурочка" и "Сказка о царе Салтане" Н.А. Римского-Корсакова и "Хованщина" М.П. Мусоргского. В следующем году он готовит декорации для оперы Н.А. Римского-Корсакова "Садко", также неосуществленной. В отличие от несостоявшихся опер выставки работ Н.К. Рериха с большим успехом проходят в галереях "Goupil" и "Worthing", а также в Музее Виктории и Альберта.

В конце марта 1920 года во время спиритических сеансов, в которых Рерихи принимали участие, начали появляться удивительные по красоте и силе тексты.

В день первого памятного сеанса в Гайд-парке произошла удивительная встреча Елены Ивановны Рерих с двумя индусами — огромного роста, намного выше всех окружающих. Пристально гладя на нее, они улыбались. В какое-то мгновение толпа, окружавшая Елену Ивановну, как бы рассеялась, остались только две пары лучезарных глаз, устремленных на нее. А вечером того же 24 марта было записано следующее:

Я — твое благо!
Я — твоя улыбка!
Я — твоя радость!
Я — твой покой!
Я — твоя крепость!
Я — твоя смелость!
Я — твое знание!

Дух, продиктовавший это послание, представился как Аллал-Минг Шри Ишвара. А следующее послание уже не оставляло сомнений, что в жизни всех членов семьи произошло нечто совершенно необычное — открылись двери в тот великий Храм Духоразумения, в самый его алтарь, дорога к которому заняла всю их предшествующую жизнь.

РЫЦАРИ ГРААЛЯ

Итак, они узнали Чашу Грааля. Сидели за круглым столом, сняв с него белое покрывало. Над ними висел ало-пурпуровый язык пламени. А вверху трепетало изображение Святого Голубя. В трепетных лучах переливались крылья. А со стен смотрели лики необъяснимой красоты. Воздевались руки несказанной прелести и из флаконов кропили священные составы. На груди у каждого покоился талисман, найденный по точному указу и предшествованный изображением, данным за день до его нахождения. Голубым светом сияли лица, и сияла белая одежда.

И непонятно было, чтобы пурпурное пламя озаряло бы столь голубым светом.

И воздевался престол, а в музыкальном инструменте гудели глубокие звуки Благовеста. И по лицам, и по рукам сидевших бродили дуновения вихря и касались их пожатия рук невидимых. Составлялись дивные слова и кипела вера. И шепот жизни уже не стеснял душу. И возносилась исповедь лучших помыслов. Они шли путями верхними.

Ах, я не прибавлю ни одного своего слова! Вызывались они звуком невидимой струны. Предупреждались стуками в стол. С закрытыми глазами рисовались прекрасные изображения. Веял прохладный вихрь и переливались белые, зеленые, фиолетовые и синие нимбы.

Вот были дни!!! И тяжко было хранить тайну, и не предупредить и не возвестить. Да и кто придет? Разве любопытствующие? Или вопрошающие о завтрашнем дне? И чем скажете вы ту гармонию, которая говорит: "Если они придут, ты скажешь — будет благословенно! Если они не придут, ты скажешь — будет благословенно! И вознесенный скажешь ты, и отягченный скажешь ты".

И в чистых помыслах возросла давняя мечта жизни: уйти, быть взятым для труда и для радости познания. Они придут. Так просто утром придут. Им откроют двери. Они войдут и очистят. Уничтожат благим огнем лишние земные предметы и, усыпив, перенесут в страну сказки, где сокровища блага, где хранилища мудрости, где должны возникнуть священные изображения.

Ах, мечта жизни! Неужели настало время исполнения? И стройными рядами выступают подтверждения. И каждое слово свыше находит объяснение в прежних делах, снах и чувствованиях. Мы ведь знали, мы ведь чувствовали. И сквозь ужас жизни подходило оно и крылом легким, горним дуновением обвевало и раньше. И если еще не звучали струны и если не

смотрели со стен Лики, то в снах они уже были близко, а "случайности жизни" и раньше сплетались в стройную повесть.

Ах, не разрушайте то дивное, что увидели мы. И где найти крепость, чтобы и в жизни сохранить бодрость горнего вихря? Проносятся мириады рыб. Открываются бездны всевидящих глаз. Кружатся таинственные вихри. Вихри знания! И чудесные руки подносят священные предметы и возжигают в руке свечу.

Сохраните нам этот свет. Допустите нас видеть и знать нашу сказку: "Я — твое благо, Я — твоя улыбка, Я — твоя радость, Я — твой покой, Я — твоя крепость, Я — твое устремление, Я — твое знание!"

Тексты шли еще и еще, почти каждый день, открывая потрясающие по глубине и красоте духовные пространства. Скоро у Рерихов не осталось сомнений в том, что высшие духовные сущности — Ангелы, Мудрецы и Святые, жившие когда-то на земле, а теперь пребывающие в тонких светоносных сферах нашего мира, — вошли с ними в контакт и желают сказать через них Огненное Слово, пришедшее из глубин веков. Тогда же Рерихами были услышаны и записаны многие Указы исторического значения: "Грядет новая вера", "Карма ваша — Россию прославлять" и "Поручаем вам сказать о Нас". Выполнение этих Заветов Высших на практике стало делом всей последующей жизни Рерихов: Николая Константиновича — в искусстве и культурно-просветительской деятельности, Елены Ивановны — в философии и наставничестве.

Поначалу сеансы, в которых участвовали Рерихи, были спиритическими и проходили в кругу знакомых, но постепенно фокусом Высоких Обращений стала Елена Ивановна Рерих, чей дух был одарен исключительной музыкальностью, чуткостью и особой прозорливостью. Позже спиритические сеансы были отставлены Рерихами и больше никогда не использовались: яснослышание Елены Ивановны позволяло воспринимать Слово мудрых без каких-либо приспособлений, напрямую, телепатически — участия круга более не требовалось. Так день за днем, месяц за месяцем, год за годом рождались свитки нового Послания людям. Их большая часть по мере получения издавалась отдельными книгами, ныне известными как книги Учения Агни Йоги или Живой Этики.

По мере общения Рерихов с Учителями Мудрости преобладающим становится одно Имя — Владыка Мория, Глава Гималайского Братства Махатм, легендарной Шамбалы. Он становится непосредственным Наставником Рерихов, как являлся Он когда-то Наставником Е.П. Блаватской. Николай

Константинович и Елена Ивановна всецело принимают Его руководство, следуя всем Его указаниям и наставлениям. Вне всякого сомнения — это самый важный, поворотный момент их жизни. Отныне все планы и действия Рерихи обязательно согласуют со своим Гуру — в полной готовности выполнить Его Волю. Все их дальнейшие деяния можно рассматривать только в связи с этим Высшим Руководством, и никак иначе.

За последние двадцать лет в России появилось несколько новых исследований жизни и творчества Н.К. Рериха, авторы которых по разным причинам игнорировали этот несомненный факт. Однако очевидность этого Руководства станет понятным любому, стоит только обратиться к источнику высочайшего духовного Откровения, отраженному Еленой Ивановной Рерих в 1920—1950-х годах в своих дневниковых записях. Тогда в Англии и в Америке об уникальных материалах Е.И. Рерих знали лишь единицы из близкого Рерихам круга лиц. Теперь же эти Записи, представляющие полный текст Учения Живой Этики., его теорию и практику, анализ и синтез, изданы в России.

Путь Рерихов в Индию — на Восток — начался в Лондоне. Но замышлялся Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной он очень давно, еще в начале 1900-х годов, когда они знакомились с историей и культурой этой великой страны. Вместе читали "Провозвестие Рамакришны" и труды Свами Вивекананды, двух огненных подвижников духа, изучали богатейшую индийскую философию. Николай Константинович написал до революции целый ряд прекрасных работ на индийскую тему и мечтал провести исследования и проверить свою теорию об азиатских влияниях на Древнюю Русь, ее искусство.

Народы Индии и России он считал братскими, развивавшимися от единого источника.

Летом 1920 года Н.К. Рерих знакомится с бенгальцем Рабиндранатом Тагором, выдающимся индийским писателем, поэтом, композитором, художником, общественным деятелем, в 1913 году первым среди неевропейцев удостоенным Нобелевской премии по литературе. Николай Константинович в своей мастерской демонстрирует Тагору работы индийской серии "Сны Востока", над которой работал в тот период. Впечатленный увиденным Тагор пишет Рериху проникновенное письмо: "Является… очевидным, но все же должно быть снова и снова открываемо нами в самих себе: что Истина беспредельна. Когда я пытался найти слова, чтобы описать самому себе идеи, заключенные в Ваших картинах, я не смог сделать этого. И не смог я потому, что язык слов может выразить лишь одну грань

Истины, а язык картины находит в Истине свою область, не доступную словесному выражению. Каждый вид искусства достигает своего совершенства лишь тогда, когда оно открывает в нашей душе те особые врата, ключ от которых находится в его исключительном владении. Когда картина является поистине великой, мы не должны иметь возможности высказать, в чем это величие, но все же мы должны видеть и знать его. То же самое относится и к музыке. Когда одно искусство может быть полностью выражено другим — это не настоящее искусство. Ваши картины ясны и все же невыразимы словами. Ваше искусство ограждает свою независимость, потому что оно великое искусство".

В Лондоне состоялось знакомство Николая Константиновича и с русским эмигрантом Владимиром Анатольевичем Шибаевым, впоследствии ставшим его личным секретарем. Тогда же в Лондоне Владимир Шибаев рекомендовал супругов Рерих к принятию в Теософское общество, членом которого состоял сам. Учение теософии, принесенное на Запад Еленой Петровной Блаватской во второй половине XIX века, очень интересовало Рерихов. Первые работы по теософии они имели возможность изучать еще на русском языке в дореволюционной России, также располагавшей своим Теософским обществом. Центральная штаб-квартира Общества находилась в индийском Адъяре близ Мадраса, перенесенная в Индию из США в 1879 году, еще при жизни Е.П. Блаватской. Там Рерихи обязательно предполагали побывать в ходе своего путешествия.

Летом 1920 года на имя Рерихов и Шибаева были получены индийские визы, на декабрь были приобретены билеты на пароход до Бомбея — они были готовы отплыть в Индию, однако внезапное банкротство антрепренера театральных постановок Томаса Бичема сделало такое путешествие невозможным из-за финансовых проблем. "Русские сезоны" в Англии были прекращены, и тогда почти без перерыва по времени последовало предложение о проведении серии выставок Н.К. Рериха в Америке. Одним из инициаторов этого проекта, предполагавшего трехлетние выставки в двадцати девяти городах страны, выступил член Теософского общества директор Чикагского института искусств Роберт Харше. Его предложение давало серьезную надежду на будущие финансовые возможности осуществить длительное путешествие в Индию и Тибет.

В АМЕРИКУ

Уже в октябре 1920 года Рерихи прибыли в США, а в декабре в Нью-Йорке состоялась первая из запланированных выставок Николая Константиновича. На ней экспонировались привезенные из Европы работы: "Сокровище ангелов" (1905), "Вечер" (1907), "Варяжское море" (1910), "Ангел последний" (1912), "Экстаз" (1917), "Дочь викинга"(1917), "Зов солнца" (1918), "Еще не ушли" (1917), "Дочери земли" (1919), эскизы из серий "Героика" и "Сны Востока", эскизы декораций к "Принцессе Малэн", к "Снегурочке" и многие другие — всего 115. Выставка прошла с большим успехом и привлекла к его творчеству как представителей прессы, так и целый ряд новых сотрудников, первым из которых стала русская эмигрантка, пианистка Зинаида Григорьевна Лихтман, во втором браке Фосдик, в будущем — директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, которая посвятит всю дальнейшую жизнь сохранению наследия своего учителя.

По воспоминаниям Зинаиды Григорьевны, впечатления от увиденного на той первой выставке: "Перед глазами вставала Древняя Русь, растущая в муках, трудах и устремлениях к будущему. Яркость красок, насыщенность и смелость линий и рисунка — все это оказывало влияние на посетителей, они долго стояли перед картинами, всматриваясь в них, в эту чужую, совершенно незнакомую жизнь славян, искания и устремления героического народа".

Состоялось знакомство с журналисткой Френсис Грант, освещавшей в прессе выставки Н.К. Рериха, а через нее и с Луисом Леви Хоршем, нью-йорским биржевым маклером, многие последующие годы участвовавшим в финансировании целого ряда культурно-просветительских проектов Рерихов.

Н.К. Рерих на фоне картины "Варяжское море" (1911). Сан-Франциско, США. 1921 г.

Постепенно вокруг Рерихов образуется сообщество единомышленников, в которое входят и американцы, и русские эмигранты. Они становятся руководителями вновь образованных учреждений.

В развитие своих идей художественного образования молодежи, вынашиваемых еще со времени руководства школой Общества поощрения художеств, в ноябре 1921 года Н.К Рерих создает в Нью-Йорке Мастер-институт объединенных искусств. Его основой становится фортепианная школа супругов Лихтман. Николай Константинович обозначает задачи института таким образом:

"Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех.

Каждый чувствует Истину Красоты. Для всех должны быть открыты врата священного источника. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое

сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем…"

Постепенно институт создает все новые и новые секции: изобразительного искусства, музыки, хореографии, архитектуры, театральную, литературную и лекторий с научным и философским отделениями. К образовательным программам удалось привлечь десятки видных американских деятелей культуры и науки, и институт с годами вырос в общепризнанное просветительское учреждение, через которое прошло несколько тысяч будущих л реподавателей, музыкантов, артистов, художников. Но начиналось все практически без каких-либо средств в одной-единственной комнате в доме греческой церкви. Николай Константинович смотрел на этот факт философски: "Каждое дерево должно расти. Так же и каждое дело. Если оно жизненно, то оно разрастется, если же ему суждено умереть, то для этого больше чем достаточно одной комнаты".

Вскоре после открытия Института объединенных искусств Николай Константинович создает в Чикаго объединение художников "Cor Ardens" ("Пылающие сердца"), имеющее задачу признавать "искусство универсальным средством выражения свидетельства жизни. Оно признает феномен одновременного возникновения идеалов в искусстве во всех частях света и тем самым подтверждает творческий импульс вне зависимости от доставшегося наследия. Искусство должно твориться чистым духом во всей своей непреложности. "Cor Ardens" являет реальное движение к объединению разделенных, но духовно близких людей…

Цели организации: 1. Создание международного братства художников; 2. Организация выставок без жюри, призов и распродаж; 3. Создание центров, в которых найдется место искусству и художникам всех стран; 4. Основание универсальных музеев, где будут храниться произведения искусства, подаренные мастерами.

"Cor Ardens" станет эмблемой и символом братства художников.

Разве в этих словах не звучит победа духа? Разве хаос не открыл врата единения? Разве разъединенные физически души не начинают понимать друг друга языком высшего благословения?"

Как и было запланировано, в 1920–1922 годах после Нью-Йорка выставки работ Н.К. Рериха прошли по 28 городам Америки, где сам автор многократно выступал с лекциями о

русском искусстве. Летом 1921 года художник путешествовал по Аризоне, Новой Мексике, исследуя пещерные жилища в Санта-Фе; жил с семьей на острове Монхеган. В этот период создавались картины новых серий "Новая Мексика" и "Сюита океана", а также серии "Sancta" ("Подвижники"), в которую вошли замечательные работы: "И открываем", "И продолжаем лов", "И трудимся", "И не убоимся", "И узрим", "Сам вышел" и "Святой Сергий". Своим подвижническим духом эти работы прославляли Россию, как и было указано Учителями и стали откровением для американской публики. Но самой сильной работой американского периода стала, пожалуй, картина "Чудо. Явление Мессии" из серии "Мессия": семь человеческих фигур замерли в благоговейном ожидании прихода Мессии, дивный свет которого уже показался из-за горного моста, наполняя собой все вокруг. В стихотворении Николая Константиновича "Свет", написанным в 1918 году, отразилось предчувствие Великого Прихода:

Как увидим Твой лик?
Всепрощающий лик, глубже чувств и ума.
Неощутимый, неслышный, незримый.
Приказываю: сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,
не имеет конца и начала?
В темноте, когда остановится
все, жажда пустыни и соль океана!
Буду ждать сиянье Твое.
Перед ликом Твоим не сияет солнце.
Не сияет луна. Ни звезды, ни пламя, ни молнии.
Не сияет радуга. Не играет сияние севера.
Там сияет Твой лик.
Все сияет светом Его.
В темноте сверкают
крупицы Твоего сиянья,
и в моих закрытых глазах брезжит
чудесный Твой свет.

В 1921 году в Берлине в авторском оформлении выходит книга стихов Н.К. Рериха "Цветы Мории", сборы от продажи которой направляются в пользу голодающих в России. Помимо работ самого Николая Константиновича, написанных в основном в Карелии и Финляндии в 1916–1918 годах, в книгу вошли также тексты, посланные ему Владыкой Морией, например известная поэма "Ловцу, входящему в лес". Она была записана Н.К. Рерихом

уже в Америке так называемым методом "автоматического письма" и начиналась словами: "Дал ли Рерих из России — примите. Дал ли Аллал-Минг-Шри-Ишвара из Тибета — примите. Я — с ним".

Прекрасными словами предварялся и сам сборник:

"Поверх всяких Россий есть одна незабываемая Россия.

Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь.

Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая к познанию Космоса".

В сборник вошли несколько разделов-сюит:

"Священные знаки" — с произведениями "Заклятие", "Священные знаки", "Увидим", "На последних вратах", "Нищий", "Тропинки", "Поверить?", "Завтра?", "Время", "В толпу", "Напрасно", "В танце", "Взойду" "Увидишь", "Привратник", "Ключи от ворот", "К Нему", "Наш путь", "Не открою";

"Благословенному" — с произведениями "Капли", "Пора", "Уводящий", "Утром", "Благодать", "Открой", "Оставил". "Свет", "Как устремлюсь?", "Улыбка твоя", "Не поняв", "Я сохраню", "И любовь", "Бездонно", "Любовь?", "Не удалялся", "Замечаю", "Жемчуг", "Нам?", "Веселися!", "Улыбкой?";

"Мальчику" — с произведениями "Вечность", "Свет", "Жезл", "Послан", "Украшай", "В землю", "Не можем", "Не убить?", "Не считай!", "Не закрой", "Под замлею", "Тогда", "Поможет", "Бог даст", "При всех", "О вечном", "Повторяешь", "Детские замки", "Не убьют", "Вижу я!", "Захочешь". "Подвиг", "Лакшми-Победительница"; и, наконец, упоминавшееся выше "Наставление ловцу, входящему в лес".

"…Из преследуемого, — призывает Учитель своего ученика, — сделайся ты нападающим. Как сильны нападающие и как бедны оправдывающиеся. Оставь защищаться другим. Ты нападай.

Ибо ты знаешь, для чего вышел ты. И почему ты не устрашился леса… И ты проходишь овраг только для всхода на холм.

И цветы оврага не твои цветы. И ручей ложбины не для тебя. Сверкающие водопады найдешь ты. И ключи родников освежат тебя. И перед тобой расцветет вереск счастья. Но он цветет на высотах.

И будет лучший загон не у подножия холма. Но твоя добыча пойдет через хребет".

НА ПОСЛЕДНИХ ВРАТАХ
Нам сказали: "Нельзя".
Но мы все же вошли.

Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово "нельзя".
Мы хотели знаки увидеть.
Нам сказали: "Нельзя".
Свет хотели зажечь.
Нам сказали: "Нельзя".
"Стражи седые, видавшие,
знавшие! Ошибаетесь, стражи!
Хозяин дозволил узнать.
Видеть хозяин дозволил.
Наверно, он хочет, чтобы
мы знали, чтобы мы видели.
За вратами посланец стоит.
Нам он что-то принес.
Допустите нас, стражи!"
"Нельзя", — нам сказали
и затворили врата.
Но все же много врат
мы прошли. Протеснились.
И "можно" оставалось за нами.
Стражи у врат берегли нас.
И просили. И угрожали.
Остерегали: "Нельзя".
Мы заполнили всюду "нельзя".
Нельзя все. Нельзя обо всем.
Нельзя ко всему
И позади только "можно".
Но на последних вратах
будет начертано "можно".
Будет за нами "нельзя".
Так велел начертать
Он на последних вратах.

К ноябрю 1922 года Николай Константинович заканчивает подготовку эскизов костюмов к опере Н.А.Римского-Корсакова "Снегурочка", премьера которой состоялась 16 ноября в Чикаго, а также для нереализованной постановки оперы Рихарда Вагнера "Тристан и Изольда". Были также планы новых постановок совместно с Сергеем Прокофьевым, одним из самых любимых композиторов Н.К. Рериха.

В сентябре 1922 года Н.К. Рерихом создается Международный культурный центр "Corona Mundi" ("Венец Мира"), призванный осуществлять сотрудничество деятелей науки и культуры разных

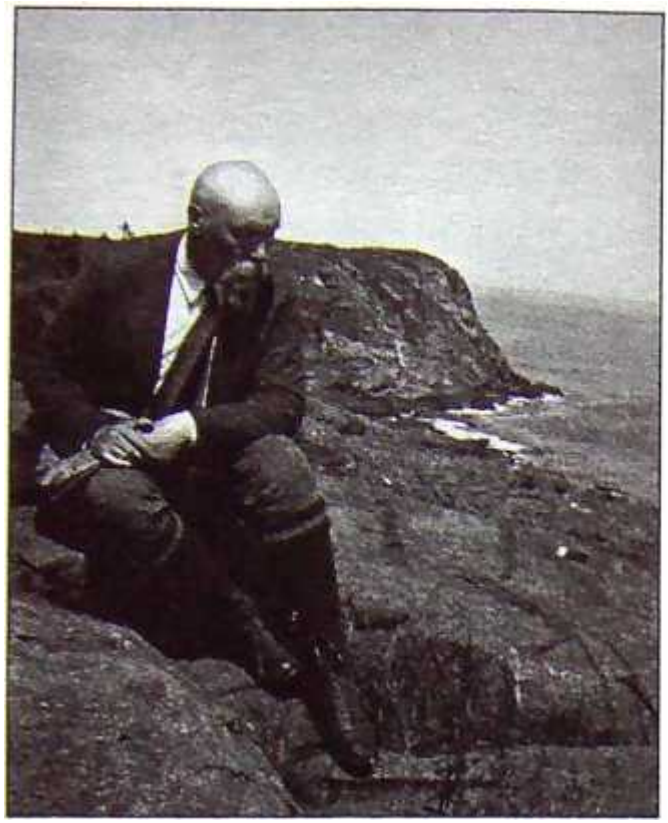
стран, ибо "предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже "земные" люди поняли действенное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие — мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все "священные врата". Под знаком красоты мы идем радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И теперь произносим эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее…

Без всякого преувеличения можно утверждать, что ни одно правительство не станет прочно, если оно не выразит действенное почитание всеобъемлющей красоте и высокому знанию. И если пути сообщения понесут для обмена не пушки и яды, но красоту и светлое знание, то можно представить, как ни одна рука в мире не поднимется уничтожить эти дары света. Есть одно положение, когда Красота всегда побеждает, когда даже скептики и невежды умолкают и начинают сознавать, что перед ними стоит мощный двигатель…

Лучшие люди уже понимают, что не твердить только они должны о путях красоты и мудрости, но действенно вносить их в свою и общественную повседневную жизнь. Они знают, что европейский костюм не является признаком культурного человека. Они знают, что в наши дни, во дни смертельной борьбы между механической цивилизацией и грядущею культурою духа, особенно трудны пути красоты и знания, особенно тягостны нападения черной пошлости… Много людей в конце недели вспоминает, сколько они должны заплатить по счетам. Но немного людей хотя бы один раз вспомнили, что за семь дней они внесли в область красоты и знания".

Американский период Н.К. Рериха стал насыщенным и плодотворным. В издательстве "Corona Mundi" выходит в свет альбом с репродукциями картин Николая Константиновича, а также книга "Adamant", издательство "Алатас" выпускает замечательный сборник "Пути благословения". В 1922 году выходит книга Нины Селивановой "The World of Roerich: A Biography" о жизни и творчестве Н.К. Рериха, а также очерк "Рерих" М. Кузьмина в 1923-м. В ноябре 1923 года уже после

отъезда Рерихов из США в Нью-Йорке открывается музеи его имени, в который автором было передано свыше трехсот своих лучших произведений. По форме музей представлял собой товарищество на паях, трудовых и денежных, и вклад Николая Константиновича состоял из коллекции переданных картин, впоследствии неоднократно пополняемой. К середине 1930-х в коллекции насчитывалось порядка тысячи произведений. Другие культурные учреждения функционировали на кооперативных началах. Возглавляли все созданные организации сотрудники Рерихов, а сами Николай Константинович и Елена Ивановна входили в состав директората, являлись при этом президентами, и их мнение по основным вопросам являлось решающим. Так, к 1924 году в Америке было создано семь культурно-просветительских и коммерческих организаций с международными задачами: "Cor Ardens", "Master School of United Arts", "Corona Mundi. International Art Center", Музей Николая Рериха в Нью-Йорке, корпорация "World Service (Pancosmos)", издательство "Alatas", корпорация "Белуха". Не следует, однако, считать, что их основная задача была коммерческой и сотрудники или основатели смогли разбогатеть, создав предприятия с такими звучными названиями. Совсем нет, поскольку все имевшиеся силы и средства направлялись на уставную деятельность, а она выражалась в распространении идей культуры. Так, например, корпорация "Белуха", получившая у советских властей в 1926 году концессии на разработку полезных ископаемых на Алтае, в окрестностях священной горы, так и не начала свою деятельность. Однако она могла бы, при определенных обстоятельствах, дать финансовую основу для создания на российском Алтае города будущего — Звенигорода, русского Града Божьего — одной из самых красивых и светлых идей, принесенных Рерихами своим соотечественникам и последователям. В созидательных планах Рерихов были заложены великие идеи, и выдвинуты они были Учителями Мудрости — для воплощения идей в жизнь силами многих будущих поколений.



Н.К. Рерих. Остров Монхеган, штат Мэн, США. Июль — август 1922 г.

Несмотря на большую загруженность работой, Николай Константинович не прекращает готовить большое индийское путешествие — Центрально-Азиатскую экспедицию. Кроме финансового обеспечения требовалось и дипломатическое, поскольку необходимо было получить разрешение у британских властей на проведение в их колонии научно-исследовательской экспедиции. Для лиц с российскими паспортами попасть в английские колонии во все годы было делом непростым. Потому так желательна была поддержка американских ученых, состоявшая главным образом в содействии рекомендательными письмами, с одной стороны, а с другой — хорошие связи в самой Индии. Первое приглашение посетить страну при участии В. А. Шибаева пришло от одного из руководителей теософского движения А. Вадьи в 1921-м, второе — в следующем году На этот раз Рерихов приглашал новый лидер теософов, философ и писатель Д. Кришнамурти. Третье приглашение пришло от Рабиндраната Тагора. В итоге отъезд в Индию состоялся 8 мая 1923 года. На этом пути Рерихи сначала посещают Европу, где

заканчивает учебу их старший сын Юрий, вскоре получивший звание магистра индийской словесности и столь необходимый в качестве знатока многих восточных языков в будущем путешествии.

Семья, таким образом, после долгой разлуки соединяется вместе. Соединяется, чтобы 6 октября в Париже получить на первый взгляд обычную посылку. Необычно было ее содержание. Учитель посылал Рерихам небольшой осколок метеорита, происходившего из созвездия Орион. На Востоке этот Камень известен как священный камень Чинтамани у индусов и Норбу Ринпоче у тибетцев и монголов. Именно он и считается "Святым Граалем", или Чашей Грааля европейского Средневековья.

Посылка представляла собой простой деревянный ящик, внутри которого находился обтянутый кожей кованый ларец с изображением четырех букв "М". Внутри ларца, завернутый в вышитую материю, покоился темно-серый продолговатый Камень — Начало Мира. "Камень подобен сердцу человеческому, — утверждал Учитель, — и в нем заключен кристалл сияющий". Этим Камнем от самых дальних глубин времен владели известнейшие исторические личности, выполнявшие Высшую Волю. Среди таковых известны ныне: царь древней Иудеи Соломон, первый император Китая династии Цинь, Александр Македонский, предводитель племени лонгобардов, живших в Италии, Тамерлан, Акбар Великий, Наполеон. Последний имел задачу объединить народы Европы в единое государство; но напав на Россию, он своими руками разрушил этот план и навсегда лишился Камня. Был Камень и на русской земле — в древнем Новгороде, из-за неверия в силу Камня несостоявшейся столице Руси.

Елена Ивановна записывает слова Учителя, обращенные ко всем четырем членам семьи:

"Четыре стража, кубок Архангела храните.
Наполнен вином Новым явленный вам ковчег.
Устам времен Я заповедал привести вас на путь Мой.
Под покровом земли сокрыл ваш лик.
Наполнил отраду восхождения,
Прояснил память ушедшего свитка.
…На каждом луче Востока уже ищут Камень.
Время настает, сроки исполнятся.
Рок сужденный записан, когда с Запада добровольно
Камень придет.
Утверждаем ждать и понять Камня путь.
Утверждаем понять сужденных носителей Камня,

идущих домой.
Корабль готов!
Новая Страна пойдет навстречу Семи Звездам
под знаком Трех Звезд, пославших Камень миру.
Сокровище готово, и враг не возьмет
золотом покрытый щит!
Ждите Камень!"

В Европе Рерихи совершили небольшое путешествие и побывали в Виши, Лионе, Риме, Флоренции, Болонье, Женеве. Были продолжены также усилия Николая Константиновича по получению британских виз, связанные с рекомендациями от европейских ученых-востоковедов. Парижские связи его сына Юрия Николаевича оказались для этого полезными. До отплытия нужные визы Британского министерства колонии были получены. Тогда же, правда, был и установлен негласный контроль за передвижениями и корреспонденцией всех членов семьи. Почувствовав это, Рерихам пришлось договориться об использовании в переписке с сотрудниками сокращений и замен. Так, например, слово "Россия" было вообще решено не использовать, заменив его на одну-единственную букву "А" и т. д. 17 ноября 1923 года вся семья в полном составе отплывает на пароходе в Бомбей.

ИНДИЯ

2 декабря 1923 года Рерихи прибыли в Бомбей. Там же и остановились и предприняли затем ряд посещений известных исторических достопримечательностей. Первым стал остров Элефанта с памятниками скульптуры эпохи Гупта IV–VI веков. Затем побывали в Джайпуре, Агре, Сарнатхе, где сохранились древнейшие буддийские памятники, Джайпуре, Дели, Агре, Фатехпуре Сикри, Бенаресе, Калькутте, и оттуда повернули на север, преодолев, таким образом, свыше трех тысяч километров менее чем за один месяц. На пути маршрута проходили встречи с индийскими учеными, художниками, писателями. Так познакомились с племянником поэта Тагора Абаниндранатом Тагором, секретарем Бенгальского общества художников, с Б. Сеном — последователем Свами Вивекананды, с известным ученым Дж. Чандра Боше. От встречи с крупным индийским философом Ауробиндо Гоше отказались и в конце декабря прибыли в небольшое княжество Сикким, на тот момент независимое, расположенное на южных склонах Восточных Гималаев неподалеку от Дарджилинга. Там же под Дарджилингом в небольшом храме, стоящем на пути из монастыря Гум, происходит великая встреча Николая Константиновича и Елены Ивановны со своим Учителем Махатмой Морией, явившемся ученикам в своем земном теле. Священные мгновения в священных землях…

Ю Н. Рерих и Н.К. Рерих. Дарджилинг, Индия. 1924 г.

Конечно, Николаю Константиновичу хотелось как можно скорее оказаться в самих Гималайских горах, чьи зовы он ощущал с самого раннего детства. О движении к Гималаям в его путевых заметках: "Сарнат и Гайя — места личных подвигов Будды — лежат в развалинах. Являются лишь местом паломничества. Так же, как и Иерусалим, остается лишь паломничеством ко Христу… Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти Учителя в Непале. По некоторым указаниям посвящение совершилось еще севернее — за Гималаями… Легендарная гора Меру по Махабхарате и такая же легендарная высота Шамбала в буддийских учениях — обе лежали на север".

Для выполнения своей исследовательской работы Николаю Константиновичу было необходимо ознакомиться с источниками зарождения древних культур. Основной интерес для него представляли письменные источники северного буддизма, махаяны, получившего широкое распространение в Китае. Корее, Японии, Монголии, Тибете и Забайкалье. Экспедиция собрала также ценнейшую коллекцию образцов тибетской живописи. Художник, обобщая полученные материалы, отметил, что "своим

спокойным выражением это искусство отвечает тайне колыбели человечества. Образует собой особый храм, к которому все время направлены вопросы и поиски". Отмечал аналогии с российскими архитектурными традициями: "Кому ведомы подходы к старым монастырям и городищам Руси, тот поймет, как чувствуются подходы к монастырям Сиккима. Всегда твержу: если хотите увидеть прекрасное место, спросите, какое здесь место самое древнее. Умели эти незапамятные люди выбирать самые лучшие места".

Именно такие красивые места оставались потом на его картинах. Сразу по прибытии в Сикким были задуманы сразу несколько серий — "Жемчуг исканий", "Сожжение тьмы", "Светочи прихода", а в следующие годы — "Сиккимский путь", "Его Страна", "Зарождение тайн", "Гималаи", "Майтрейя", "Знамена Востока". В работах этих серий в полной мере отразился тот душевный подъем, который сопровождал художника в Индии. Проникаясь и восхищаясь ее духом и неповторимой природой, Николай Константинович создавал в те годы, без всякого сомнения, одни из своих лучших произведений.

Горы стали для Николая Константиновича и неким итогом его давних устремлений, но они и вдохновляли его, и давали новые и новые темы: "Никто не скажет, что Гималаи — это теснины, никому не придет в голову указать, что это мрачные врата, никто не произнесет, вспоминая о Гималаях, слово — однообразие. Поистине целая часть людского словаря будет оставлена, когда вы войдете в царство снегов гималайских. И будет забыта именно мрачная и скучная часть словаря…

Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, всходит к этим вершинам. И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолением земных условностей. Все опасные бамбуковые переходы через гремящие горные потоки, все скользкие ступени вековых ледников над гибельными пропастями, все неизбежные спуски перед следующими подъемами, и вихрь, и голод, и холод, и жар преодолеваются там, где полна чаша нахождений".

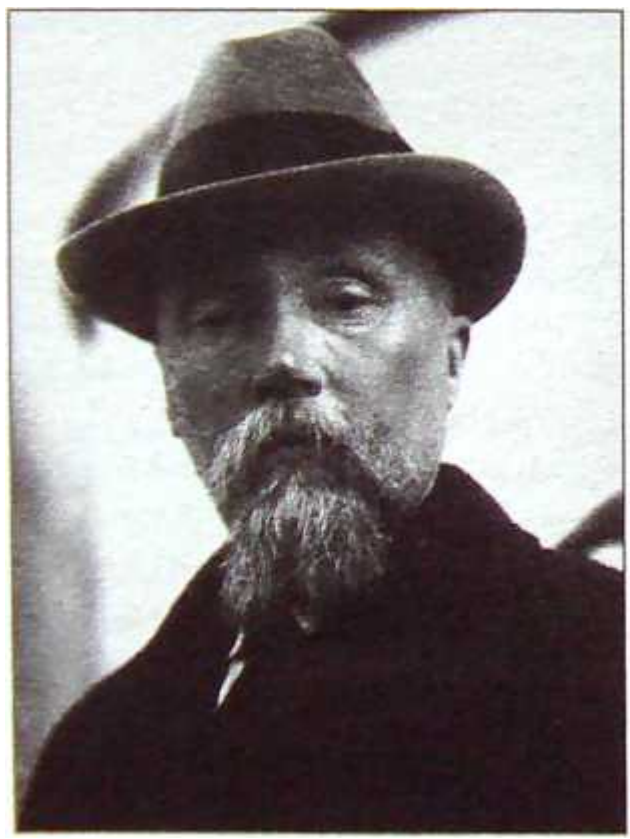
В 1924 году Николай Константинович вместе с семьей посещает древние монастыри Сиккима: Ташидинг, Пемаянцзе, Санга Челлинг, Далинг, Роблиг. Этот год считается началом Центрально-Азиатской экспедиции профессора Рериха, иногда называемой Первой Американской Центрально-Азиатской экспедицией. Постоянная база экспедиции находилась в доме Талай Пхо Бранг под Дарджилингом. Это место было тесным

образом связано с судьбою духовного правителя Тибета Таши-ламой, после переворота, организованного Далай-ламой, бежавшего из Лхасы и какое-то время жившего в Талай Пхо Бранге. В XVII веке в этом месте бывал почитаемый в буддийском мире Далай-лама V, строитель монастыря Потала в Лхасе. С давних пор место почиталось священным и привлекало с себе внимание многих паломников. Здесь Николай Константинович посетил приближенный к Таши-ламе — Геше Ринпоче, в продолжительных беседах с которым были затронуты вопросы о древнем учении Калачакры, исходящем от Учителей Шамбалы. Результатом бесед стало удивительное возвышенное эссе "Шамбала Сияющая". В дальнейшем Николай Константинович переписывался с самим Таши-ламой и желал его возвращения в Лхасу, столицу Тибета.

Предложенный Учителем грандиозный план экспедиции предполагал сложнейший маршрут, который прошел бы по территории нескольких государств, включая территорию СССР с посещением его столицы и Горного Алтая. Однако путешествовать было возможным только под американским флагом, поскольку советские экспедиционные документы сделали бы это невозможным из-за крайней враждебности Англии. Кроме Индии, британской колонии, исходного и конечного пункта экспедиции, необходимо было пройти через Тибет и северо-западные области Китая, в разной степени находившиеся в то время под английским протекторатом. Монголия, непременный этап экспедиции, была в большей степени просоветской. Все эти вместе обстоятельства делали необходимым возвращение Николая Константиновича в Америку и Европу. В Америку — для оформления экспедиционного паспорта, в Европу — информировать советское правительство о своем намерении посетить СССР и получить на это согласие.

22 сентября 1924 года Николай Константинович вместе с сыном Святославом выезжает из Индии во Францию и посещает Париж, а в конце октября прибывает в Нью-Йорк. Здесь к концу декабря при активном содействии сотрудников оформляет необходимые экспедиционные документы. Это, к счастью, не занимает много времени и сил, тем более что экспедиция финансируется рериховскими учреждениями и государственных средств не запрашивает. Теперь предстоит обратиться в советские дипломатические представительства. Для чего Николай Константинович на обратном пути в Индию, оставив сына Святослава в Нью-Йорке, выезжает в Европу и посещает Берлин, где проводит встречи с Николаем Николаевичем Крестинским, советским полпредом в Германии. По существу, переговоры

начались еще в Нью-Йорке с советским представителем Бородиным. В воспоминаниях Г.Г. Лихтман, помимо собственно визовых, обсуждались и другие весьма серьезные темы: "Бородин сказал Николаю Константиновичу, что главное для них — это объединение Азии, а дело, о котором они теперь говорят, второстепенно. Николай Константинович его спрашивает: а знает ли он, что объединение Азии может идти через религию? Он ответил, что знает. А знает ли он, что это можно осуществить именем Будды? Он согласился. А будут ли с этим согласны и в Париже? Бородин ответил, что там они не глупы. И так пришли к полному взаимопониманию, что сделало сегодняшний день очень важным".



Н.К. Рерих. На судне "Аквитания" перед прибытием в Нью-Йорк. 1924 г.

В Берлине переговоры были продолжены. Н.К. Рерихом было изложено видение ситуации об оккупации Тибета английскими войсками, о сложной, постоянно меняющейся ситуации на границах, о всей непростой обстановке в Центральной Азии, с разных точек зрения. Также шла речь о визовом содействии со

стороны СССР и приводился в пример Париж, где у китайского посланника Н.К. Рерихом были получены необходимые паспорта, дававшие право въезда в Синьцзян, и ходатайство о содействии экспедиции к китайскому правительству. Вся записанная со слов Николая Константиновича информация о положении в Азии и просьбы о визах были записаны и отосланы в Москву наркому Г.В. Чичерину. В марте 1925 года, почти три месяца спустя после получения прошений, они были удовлетворены.

Из Парижа в сопровождении В.А. Шибаева Николай Константинович отправился в Индию, по пути посетив Египет и Цейлон, средоточие южного буддизма — хинаяны.

Здесь состоялось важное знакомство с будущим послом Цейлона в СССР Г.П. Малаласекерой, вспоминавшим позднее: "Я имел честь быть представленным ему, когда он посетил мою страну — Цейлон. Жизнь Рериха была соткана из многих необычайных элементов, которые с трудом поддаются описанию. Некоторые зовут его пророком, другие мистиком. Быть может, сам он предпочел бы быть названным посланцем доброй воли от Запада на Востоке… Где бы он ни ходил по Азии — в Тибете, в Ладаке, в Сиккиме, в Бутане, в Центральной Азии и Монголии, лучшие люди Востока везде встречали его со знаками особого почитания, доверия и любви, редко оказываемой чужестранцам в этих странах".

Затем состоялся визит в Мадрас, в Адъяр, штаб-квартиру Теософского общества. Здесь Николаю Константиновичу была устроена встреча с его президентом Чуруппумулладжем Джинараджадасой, на которой художник подарил свою картину, посвященную памяти Е.П. Блаватской. На ней была изображена фигура человека, ранним утром входящего в храм, стоящий в самом центре Гималаев. В газете "New India" появился вполне доброжелательный отчет об этом событии: "18 января, в воскресенье утром, профессор Николай Рерих подарил музею в Адьяре свою картину "Вестник" как дань памяти о мадам Блаватской. Доктор Д.Г. Казинс представил профессора Рериха собравшимся на церемонию. Он сказал, что имя Рериха стало известно с тех пор, как художник открыл миру свое возвышенное видение Прекрасного.

Затем профессор Н.К. Рерих снял покрывало с картины и сказал: "В этом доме Света позвольте мне вручить картину, посвященную Елене Петровне Блаватской. Пусть она явится завязью будущего Музея имени Блаватской, который примет девиз: "Красота есть одеяние Истины".

Н.К. Рерих и В.Л. Шибаев. Порт-Саид, Египет. Январь 1925 г.

Принимая картину от лица президента Теософского общества, отсутствующего в настоящий момент в Адьяре, господин Ч. Джинараджадаса сказал, что профессор Рерих проделал значительную работу по синтезу искусств. Он основал в Америке институт, где все виды искусств смогли быть объединены вместе. Такой синтез ставил задачу дать то, чего не дали великие достижения религии, философии или науки. Люди недостаточно постигли в себе чудо воскрешения Господа, что всегда так прекрасно было проявлено в искусстве. Они имели склонность воспринимать искусство просто как эстетическое удовольствие".

Состоялась также и встреча с молодым индийским философом и оратором Джидду Кришнамурти. В том же году усилиями издательства "Алатас", возглавляемого сибирским писателем Г.Д. Гребенщиковым, в типографии Теософского общества "Vasanta Press" на английском языке был издан сборник "Вестник. Картины Рериха". В него вошли семь статей о жизни и творчестве Н.К. Рерихе и репродукция картины "Вестник". Тогда же руководителями Теософского общества было решено создать в Адъяре музей Е.П. Блаватской, выделив под него одно из имевшихся в штаб-квартире помещений. Картина "Вестник" стала его первым экспонатом. Индийские журналы тех лет, в том числе и адъярский "Теософист", публиковали статьи Н.К. Рериха об

искусстве.

После Адъяра и Мадраса была Калькутта, а затем Рерих и Шибаев добрались до Дарджилинга. Были еще переговоры с индийскими компаниями о поставках чая в Ригу для Советского Союза: имея исследовательские планы в Азии, Николай Константинович старался организовать и торговые контакты с Родиной.

Сразу после возвращения в Сикким было принято решение о переезде в Кашмир, на северо-запад Индии, и оттуда по согласованному ранее с властями маршруту двигаться через перевалы на север, в Китайский Туркестан.

Юрий Николаевич Рерих вел подробный дневник экспедиции, изданный после ее окончания под названием "По тропам Срединной Азии". Красочно описал ее первый день: "6 марта 1925 года наша экспедиция покинула Дарджилинг, а с ним и дружественное княжество Сикким. Спуск по склонам Восточных Гималаев, покрытых джунглями, оставляет неизгладимое впечатление. Внимание путешественников привлекают тропическая растительность и бесконечный поток горцев, бредущих по накатанным телегами дорогам. В Силигури мы прибыли ночью. Поезд шел по Бенгальской равнине, покрытой джунглями, обширными болотами — рассадниками тропической лихорадки и затопленными рисовыми полями. Сквозь густой покров тропической ночи можно было наблюдать за незнакомой жизнью около мерцающих костров, разбросанных среди джунглей, и у порогов деревенских хижин, ютящихся меж пальмовых деревьев. Люди в белых тюрбанах и дхоти переходили с места на место, а на железнодорожных станциях воздух звенел от пронзительно высоких голосов торговцев чаем, питьевой водой и сигаретами. Все вокруг казалось живым от непрестанного движения под сенью ночи.

Рано утром поезд прибыл на большую станцию Силдах. После уединения в Гималаях путешественник будет непременно поражен полуевропейским, полувосточным видом города. Улицы Калькутты с автомобилями, конными экипажами, рикшами и разноцветной толпой прохожих напоминают поток, в котором странным образом перемешались Восток и Запад. После суетливого и жаркого дня в большом городе и визита в штаб-квартиру Бенгальского азиатского общества, которое является плодом сотрудничества между западной и восточной школами, мы вновь сели в пенджабский почтовый поезд, чтобы за двое суток миновать пыльные равнины Северной Индии".

Через несколько дней прибыли в столицу Кашмира Шринагар, лежащий на пересечении многих путей, в том числе и

тех, которые соединяют Индию и Ближний Восток с Тибетом. Кашмирская долина — одна из жемчужин Азии во все времена. С давних пор она привлекала многочисленные народы, принесшие сюда самые разнообразные культуры и религии. Апокрифические сказания связывают Кашмир также с именем Христа. Так, Свами Вивекананда, огненный дух Индии, утверждал: "Часто вы забываете, что Иисус был плоть от плоти Востока, несмотря на то, что в своем воображении вы наделяете его облик голубыми глазами и темными волосами. Назаретянин остается все-таки восточным человеком. Все символы, все картины в Библии — сцены, пейзажи, притчи — это голос Востока".

Кашмир всегда был удивительным местом, и при этом чрезвычайно сложным. Николай Константинович, оценивая состояние его материальной культуры, писал: "С одной стороны, вы можете найти и замечательные памятники, и изысканный способ мышления, выраженный на основах древней мудрости, и дружественность человеческих отношений. Но в тех же самых местах ужаснетесь и извращенным формам религии, и невежественностью, и знаками падения и вырождения".

"В нескольких милях от Шринагара проходит одна из самых красивых дорог в мире, окаймленная рядами высоких тополей. Вокруг расстилается знаменитая Кашмирская долина, опоясанная белоснежными горами, — вспоминал Юрий Николаевич. — Устроив штаб-квартиру в гостинице "Недоу", мы сразу же занялись подготовкой к путешествию в Ладак и в пустыни Китайского Туркестана, лежащие по ту сторону высокогорных перевалов Каракорума и Санджу. Трудное и длительное путешествие в горы требует основательной подготовки; каждая деталь его должна быть продумана тщательнейшим образом, так как путешествие из Кашмира в Китайский Туркестан проходит по самому высокогорному пути в мире. Шринагар — последняя стоянка, где можно закончить все приготовления и запастись провизией".

В Кашмире возникли первые сложности с английскими властями, не пропускавшими путешественников в Тибет. Началась слежка и чинились препятствия в попытках найти обходной путь. Стоит отметить, что под знаком яростного противодействия британских спецслужб, до которых дошли сведения о посещении Н.К. Рерихом советского полпредства в Берлине, прошли все годы, проведенные Рерихами в Центрально-Азиатской экспедиции, да и после ее окончания.

15 апреля экспедиция направилась в Гульмарг, откуда в мае властями был разрешен проход в Малый Тибет. Официальные документы были получены, впрочем, только в августе. 8 августа

экспедиция вышла из Гульмарга на Лех, откуда направилась через перевал Каракорум в китайский Хотан. Несмотря не все препоны, чинимые англичанами, включая вооруженные нападения, удалось пройти и исследовать древний путь от Шринагара до Леха и памятники искусства в Маульбеке, Ламаюре, Базгу, Саспуле; проработать свыше двух месяцев в Ладаке. Покидая Ладак 18 сентября, Николай Константинович записывает в своем дневнике: "Наконец можно оставить всю кашмирскую ложь и грязь… Можно забыть, как победители играют в поло и гольф, когда народ гибнет в заразах и полном отупении. Можно отвернуться от подкупных чиновников Кашмира. Можно забыть нападение вооруженных провокаторов на наш караван с целью задержать нас. Пришлось шесть часов пробыть с поднятым револьвером. А в довершение всего полиция составила от нашего имени телеграмму, что мы ошиблись и нападения не было. Кто же тогда ранил семь наших слуг? Что сделали с Индией и Кашмиром? Только в горах чувствуете себя в безопасности. Только в пустынных переходах не достигает невежественность". Впрочем, вскоре выяснилось, что один из проводников, нанятых в Лехе из числа лам, не кто иной, как английский осведомитель, к тому же прекрасно понимавший русский язык и знавший о экспедиционных планах Рерихов.

Далее дорога на Хотан лежала через высокогорные перевалы Кхардонг, Караул-дабан, Сасэр, Дапсанг, Каракорум, Сугет и Санджу, которые пришлось преодолевать в условиях поздней осени. Попадались встречные караваны, встречались также и многочисленные, красноречивые следы происшествий с другими экспедициями и караванами, котором не повезло в этих суровых местах: могильные камни, скелеты замерзших лошадей, оставленные тюки товаров. Самым сложным оказался перевал Сасэр с гладким ледяным покровом сферической формы, на котором лошадь Юрия Николаевича поскользнулась и чуть было не упала в пропасть вместе с наездником. А на крутом спуске с перевала Сугет, когда его накрыла сильнейшая метель, пришлось прибегнуть к старинному способу и пустить лошадей вперед без проводников, полагаясь только на чутье опытных животных.

14 октября экспедиция Рерихов вошла в Хотан, пройдя никак не обозначенную ладако-китайскую границу и небольшой пост в Куруме, через Пиалму и Завакурган. По дороге перед перевалом Санджу были замечены буддийские скальные пещеры, ранее никем не описанные, но из-за обвалов недоступные.

Правители Хотана, официально подчиненные синьцзянскому генерал-губернатору Янь Дуту, а неофициально — все той же английской резидентуре, славились своими коварством и

жестокостью. В этом Рерихи смогли быстро убедиться лично после первой относительно дружелюбной встречи с амбанем и даотаем — административным и духовным руководителями Хотана. Юрий Николаевич записывает в дневник: "Трудно было поверить, что мы находимся в Хотане — древнем царстве нефрита и одном из самых цветущих оазисов китайской провинции Синьцзян. Современный город с крытыми базарами и пыльными улочками скрывал облик древнего Хотана, бывшего когда-то очагом буддийского учения и крупнейшим средоточием торговли Центральной Азии. В древних китайских анналах город известен под именем Юйтьена; местное название его Кустана, или в китайской транскрипции — Чьиу-са-тан-на (Чьиу-тан)".

Затем правители объявили паспорта Рерихов недействительными, дали распоряжение отобрать у членов экспедиции все оружие и запретили им в районе Хотана исследовательскую работу, а лично Николаю Константиновичу — писать этюды, с подачи англичан подозревая в этом съемку топографических планов "военно-разведывательной экспедицией США". Картины разрешалось писать только дома, вне дома нельзя было ни писать, ни фотографировать, ни проводить раскопки. В конце концов экспедиция была попросту арестована, а вся ее корреспонденция перехватывалась. Начальники требовали возвратиться обратно в Лех через перевал Санджу.

Однако Николай Константинович и в таких сложных условиях продолжал интенсивно работать, создав серию картин "Майтрейя", посвященных идее прихода нового Аватара, Владыки Шамбалы, известного в Азии под разными именами: Ригден Джапо Монголии, Мунтазар мусульманского мира Азии, Белый Бурхан Алтая. Материалы для серии собирались на пути экспедиции, пройденном до Хотана, начиная с Сиккима. Первое большое наскальное изображение грядущего Владыки Мира встретилось в Ладаке; древнее, VI века, изображение — в Саспуле; в Лехе обнаружился храм Майтрсйи, а уже в Хотапе из Монголии пришло сообщение, что в Урге, нынешнем Улан-Баторе, будет возведен храм Шамбалы. Это известие дало жизнь идее новой картины "Приказ Ригден Джапо".

В серию "Майтрейя" вошло семь произведений: "Шамбала идет", "Конь счастья", "Твердыня стен", "Знамя грядущего", "Мощь пещер", "Шепоты пустыни" и "Майтрейя-победитель". Идея серии о скором победном приходе Владыки Майтрейи, зародилась у художника под впечатлением от старинной тибетской танки "Красный всадник", приобретенной в Ладаке: "На красном коне, с красным знаменем неудержимо несется защищенный доспехами красный всадник и трубит в священную раковину, от него несутся

брызги алого пламени, и впереди летят красные птицы. За ним горы-белухи, снега, и Белая Тара шлет благословение. Над ним ликует собрание великих лам, под ним охранители и стада домашних животных как символ места".

Положение экспедиции в Хотане становилось все сложнее. Таотай старался выслать экспедицию через пески пустыни на восток, несколько раз поменяв свои же решения, а англичане распускали по округе слухи о "красном шпионе Рерихе", который готовит резню местных буддистов, а для другого случая развития событий — о "подозрительном белоэмигранте Рерихе", состоящем на службе у американцев для действий против большевиков.

Сочувствующий Николаю Константиновичу из числа местных жителей помог доставить письма до советского консула М.Ф. Думписа в Кашгаре, и таким образом между ними установилась переписка: "Уважаемый господин консул! Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана. Мы уверены, что во имя культурной цели экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии. Не найдете ли возможным сообщить соответственно власти Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы через Москву".

Консул информировал Народный комиссариат иностранных дел в Москве об угрожающем положении экспедиции и получил разрешение хлопотать перед синьцзянским генерал-губернатором об освобождении всего состава экспедиции. Благодаря дипломатическим усилиям М.Ф. Думписа экспедиции Рерихов удалось 28 января буквально вырваться из Хотана и 13 февраля дойти до Кашгара, где Николай Константинович смог лично выразить Максу Францевичу искреннюю благодарность за неоценимую помощь. Было рассказано о задачах и целях экспедиции, о положении в индийских провинциях и Тибете, высказано намерение о посещении Москвы.

В Кашгаре Рерихи познакомились с доктором советского консульства А.Ф. Яловенко, оказавшим экспедиции помощь лекарствами. Много позднее, уже в 1936 году, Антон Федорович приедет к Рерихам в Наггар в долину Кулу и станет домашним врачом для всей семьи, а затем в 1948 году, через год после смерти Николая Константиновича, управляющим поместьем.

28 февраля экспедиция оставила Кашгар и направилась в Урумчи, столицу Синьцзяна. На пути им стали встречаться русские люди из числа эмигрантов. Прошли Аксу, Кучу, 2 апреля Карашар, прибыв в Урумчи 11 апреля.

Снова всевозможные препятствия со стороны теперь уже самого генерал-губернатора Синьцзяна Яньдуту. Снова подоспела

столь необходимая помощь со стороны советского консула, на этот раз Александра Ефимовича Быстрова, немедленно по прибытии экспедиции пославшего все необходимые запросы в Москву. Он оказал Николая Константиновичу и особую услугу, послав по дипломатическим каналам в Москву наиболее ценные документы и материалы экспедиции, которые могли быть конфискованы китайцами. 3 мая А.Е. Быстров сообщил, что экспедиции разрешено пересечь советскую границу. Николаи Константинович оставил консулу перед самым отъездом завещание, чтобы в случае его гибели все имущество экспедиции, включая картины, было передано советскому правительству. Воспоминания от прибывания в Урумчи с А.Е. Быстровым и его сотрудниками остались самые положительные, а сам Александр Ефимович стал одним из наиболее преданных учеников и последователей Рерихов, до конца своих дней сохранив верность этой дружбе. Николай Константинович записал в своем дневнике: "Сердечные люди. Точно не месяц, а год прожили с ними. Посидели с ними на зеленой лужайке за городом. Еще раз побеседовали о том, что нас трогает и ведет. Почувствовали, что встретимся с ними еще раз, и расстались…"

14 мая 1926 года Рерихи наконец получили у генерал-губернатора Синьцзяна экспедиционный паспорт до Пекина, длиною в рост человека, с подробным описанием всего их снаряжения, и 28 мая в районе озера Зайсан пересекли советскую границу, 13 июня прибыв в Москву.

МОСКОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Для передачи московским коммунистам Рерихи привезли в Москву письма, продиктованные Махатмами Востока, а также ларец со священной землей из места, связанного с жизнью Гаутамы Будды, Вдохновителя Гималайской Общины Махатм. Передача писем и священной земли составляла видимую часть московской миссии Рерихов, выполняемой по воле Братства. По закону Архатов, один раз в столетие одной из стран мира Учителями посылается помощь. Они внимательно и постоянно наблюдают за мировыми процессами и протягивают руку помощи той или иной стране, которой в недалеком будущем предстоит важная миссия, связанная с претворением понятия Общее Благо. Ими ожидалось, что в XX веке после войн и революций Россия начнет строить общество нового типа, без насилия и угнетения, истинную общину, и этим строительством подаст пример другим народам. Москве предлагалась также идея объединения народов Востока в союзе коммунизма и буддизма. Несмотря на очевидную враждебность большевиков к религии, по мнению Махатм, все же существовала какая-то небольшая надежда, что идея будущего единство Азии, в тот момент большей часть находящейся под британским протекторатом, перевесит идеологические ограничения коммунизма и на долгое время обезопасит азиатские границы России. Главная буддийская община Азии — Шамбала — предлагала Советскому Союзу помощь в создании нового общества, предлагала признать буддизм своим союзником в Азии и стать во главе нового строительства.

Из Записей Е.И. Рерих известно, что предыдущая попытка подать руку помощи народу с мировым влиянием была предпринята самим Махатмой Морией в середине XIX века в Англии, когда Он лично встречался с королевой Викторией. В тот раз речь шла о смягчении британской колониальной политики и судьбе Индии, в которой Махатма всегда принимал самое деятельное и благотворное участие. Истинное доброжелательство было проявлено и графом Сен-Жерменом, в XVIII веке посланником Братства во Франции, когда незадолго до французской революции Он неоднократно встречался с Марией-Антуанеттой, желая донести до нее и короля всю пагубность курса, проводимого мнархами.

Каждое столетие средневековой Европы также отмечено явлением Послов из Братства Махатм. Германия, Испания, Италия, Швеция — в ключевые моменты истории этих держав во благо их народов неизменно посылались лучшие решения

Мудрых.

Из известных общемировых миссий Великих Учителей, навсегда запечатленных в истории, отметим с благоговейным почитанием два имени — Будды и Христа, приходивших во имя всеобщего блага для всех без исключения живущих, чтобы дать всем народам спасительное знание об основных законах жизни планеты и человека на планете.

Первое письмо Махатм было продиктовано 30 ноября 1925 года: "На Гималаях Мы знаем совершаемое вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверия. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь звуков Космоса Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага. — Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным. Также Мы признаем своевременность вашего движения и посылаем вам всю Нашу помощь, утверждая единение Азии. Знаем, многие построения совершатся в годах 28, 31 и 36. — Привет всем ищущим Общего Блага! — Дано в Бурхан Булате".

Второе было записано 5 апреля 1926 года: "Только глубокое осознание коммунизма даст полное благосостояние народам. Нам известно, что некоторые слои крестьянства не могут вместить идею коммунизма, необходимо новое обстоятельство, которое введет их в русло истинной общины. Таким всемирным обстоятельством будет принятие коммунизма буддийским сознанием. Если Союз Советов признает буддизм учением коммунизма, то Наши общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности. Доверяем посланному Нашему Акдордже передать подробности Нашего предложения. Можем утверждать, что неотложно нужны меры для введения мирового коммунизма как ступени неотложной эволюции. Посылаем землю на могилу брата Нашего Махатмы Ленина. Примите совет и привет Наш".

Имя Акдордже относилось к самому Николаю Константиновичу, возглавлявшему эту историческую миссию. Состоялись встречи с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным и наркомом просвещения А.В. Луначарским, на которых были

вручены письма и ларец, устно переданы все остальные подробности предлагаемого Махатмами плана, а также принесены в дар советскому правительству картины серии "Майтерйя". Николай Константинович подробно рассказал членам правительства о осуществляемой им научно-исследовательской экспедиции на Востоке, своих дальнейших планах. Достигли договоренности, что через десять лет, после завершения экспедиции, Н.К. Рерих продолжит свою работу в контакте с советскими учеными.

По результатам проведенных встреч с Н.К. Рерихом нарком Г.В. Чичерин направил руководству партии письмо, предполагавшее политическое решение в ответ на поступившие предложения о новом союзе с буддийским Востоком:

"Тов. Молотову Копии Членам Политбюро…

Уважаемый товарищ.

Приехавший в Москву художник Рерих, большой знаток-буддизма, только что объехал значительную часть Тибета и Китайского Туркестана. Он проник также в некоторые области северной Индии. Там имеются буддийские общины, отвергающие официальный ламаизм и стоящие на точке зрения первоначального учения Будды с его примитивным потребительским коммунизмом. Это способствует их симпатии к коммунистической программе и к СССР. Это обстоятельство связывается с их борьбой против поддерживающих ламаизм официальных верхов буддийских государств.

Эти буддийские общины поручили Рериху возложить на гробницу Владимира Ильича небольшой ящик с землей того места, откуда происходил Будда. Рерих привез этот ящик и спрашивает, что с ним делать. Он предполагает передать его в Институт Ленина. Кроме того, эти буддийские общины прислали письмо с приветствиями Советскому государству. В этих приветствиях они выдвигают мысль о всемирном союзе между буддизмом и коммунизмом. Рерих предлагает передать эти письма точно так же в Институт Ленина.

Прилагаю переводы этих двух писем. Если бы с Вашей точки зрения было признано допустимым опубликование этих писем, то нужно будет еще выяснить у Рериха, возможно ли это с конспиративной точки зрения, ввиду крайне деспотических методов английских властей в этих местах. С коммунистическим приветом, Г.В. Чичерин".

Однако никакого ответа на предложения Махатм не последовало, и Николай Константинович после месячного ожидания

22 июля 1926 года покинул Москву. Экспедиция была

продолжена на Алтае.

В августе Рерихи приехали в Уймонкую долину и остановились в селе Верхний Уймон. Николай Константинович записывает впечатления неповторимого Алтая: "Приветлива Катунь, звонки синие горы. Бела Белуха. Ярки цветы, и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоялось суровой мощи и красоты? Семнадцатого августа видели Белуху, и было так чисто и звонко. Прямо Звенигород.

А за Белухой покажется милый сердцу хребет Кэнь-Луня, а за ним — "Гора божественной владычицы", и "Пять сокровищ снегов", и сама "Владычица белых снегов", и все писанное и неписанное, все сказанное и несказанное".

В окрестностях Верхнего Уймона члены экспедиции ежедневно исследовали окружающую местность, побывав в радиальных конных выходах на Катунском и Теректинском хребтах, в долинах рек Катунь, Кучерла, Ак-Кем, изучали обычаи и наречия, записывали народные легенды о Чуди, о Беловодье, о Белом Бурхане и Ойроте. "Шамбатион-река, — указывал Николай Константинович, — стремительно катит по порогам и камням. Кто не пострашится, перейдет ее. А на той стороне живут люди М. М — самая священная буква алфавита, она скрывает имя грядущего. Каббала помнит Шамбатион. Катит камни — катунь настоящая. И не построен еще город на месте новом".

По материалам местных поверий и легенд Николай Константинович создал несколько работ: "Белуха", "Чудь подземная", "Ойрот. Алтай" и др. По всем полученным данным выходило — на это указывали и предсказания Братства, что Алтай и есть место будущей новой расы, созданной на совершенно отличных от современных принципах. Николай Константинович уже тогда пробовал разглядеть будущее этого великого места: "Предрассудок против всяких нововведений значительно испарился, а крепкая хозяйственность не умалилась и дала свои ростки. Эта строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, — все это придает Алтаю незабываемое значение!"

В конце августа экспедиция покинула Алтай и через Улан-Удэ направилась в Монголию, прибыв в Ургу 9 сентября. Монголия переживала революционный подъем, на улицах Урги были слышны новые вдохновенные песни:

Чанг Шамбалин Дайн…
Северной Шамбалы война.

Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями Владыки Шамбалы.

Н.К. Рерих преподносит в дар монгольскому правительству свою картину "Ригден-Джапо — Владыка Шамбалы" ("Великий Всадник"), выполненную в традициях монгольской живописи в чистых ярких красках. В слове при передачи картины Николай Константинович сказал: "Монгольский народ строит свое светлое будущее под знаменем нового века. Великий всадник освобождения несется над просторами Монголии. И Великий хуралдан в деятельном совещании слагает решения новой народной жизни. И громко звучит зов красного прекрасного Владычного Всадника. Во время расцвета Азии считалось лучшим подарком произведение искусства или книга. Пришли опять лучшие времена Азии".

В Урге была продолжена подготовка к путешествию через Центральный Тибет, его столицу Лхасу, через Трансгималаи обратно в Сикким. Пока шли сборы, Елена Ивановна закончила работу над новой книгу под названием "Основы буддизма", задача которой состояла в том, чтобы представить самую суть учения буддизма, очистить его от позднейших напластований. В предисловии говорилось: "Великий Готама дал миру законченное учение жизни. Всякая попытка сделать из великого эволюционера бога приводит к нелепости. Конечно, до Готамы был целый ряд подвижников общего блага, но учение их распылилось сотнями веков. Потому учение Готамы должно быть принято как первое учение знания законов великой материи и эволюции мира. Современное понимание общины дает прекрасный мост от Будды до наших дней. Произносим эту формулу не для возвеличивания, не для умаления, но как факт очевидный и непреложный.

Закон бесстрашия, закон отказа от собственности, закон ценности труда, закон достоинства человеческой личности вне классов и внешних отличий, закон реального знания, закон любви на основе самопознания делают заветы Учителей непрерывной радугой радости человечества. Построим основы буддизма в его явленных заветах. Учение простое, равное по красоте Космосу, удалит всякий намек на идола, недостойный великого Учителя народа.

Знание было ведущей тропой всех великих Учителей. Знание позволит подойти к великим учениям свободно, жизненно, как жизненно реальна сама великая материя. Не будем вводить позднейших сложностей, кратко скажем о тех основах, которые не

могут быть отрицаемы.

Радость всем народам! Радость всем трудящимся!"

Также Рерихами была подготовлена и выпущена следующая книга серии Агни Йога "Община", по существу, представляющая собой новое мировоззрение, на основе которого будет построено общество будущего, истинная община Общего Блага. Именно эти идеи частично были высказаны Н.К. Рерихом в Москве на встречах с членами советского правительства. В первом издании книги "Община" большое внимание было уделено самому Будде, а также личности В.И. Ленина, имя которого в те годы являлось символом созидания нового мира.

Находясь в Ургс, Рерихи до самого последнего момента отбытия экспедиции в Тибет безрезультатно, в итоге, ожидали положительного ответа на московское посольство. Говоря о последствиях отказа московских руководителей от идей, предложенных им Рерихами, стоит вспомнить судьбу большевиков и всего большевизма в целом в Советской России во второй половине 1930-х годов.

Учитель далее указывал Рерихам двигаться в Лхасу и выполнить там еще одно важное поручение, гоже трудное и ответственное, но все же несравнимое по опасности с московским. Собственно, и советскому, и монгольскому, и лхасскому правительствам предлагалась идея объединения пародов Азии, живших когда-то неразделенными границами па всем пространстве великого материка. Основополагающим мировоззрением выдвигался буддизм, мирная религия, одним из главных своих устоев хранящая идею общины. Теперь же, когда закапчивалась эра колоний и монархий, Азии предлагалась мировая община, Священный Союз Востока, и посольская миссия Н.К. Рериха предполагала донесение до глав правительств основных буддийских государств в Центральной Азии эту объединительную идею Махатм Востока.

Для прохода по Тибету у ургинского и пекинского представителей Далай-ламы Рерихами были получены необходимые паспорта вкупе с охранной грамотой монгольского правительства, а в саму Лхасу был послан с тибетским караваном специальный запрос. 13 апреля караван Центрально-Азиатской экспедиции на автомашинах покинул Ургу, прибыв через 12 дней в Юм-Бейсе, расположенном неподалеку от тибетской границы. Дальше караван двигался в глубь Тибета уже на лошадях и верблюдах. В Урге к экспедиции присоединился ряд новых сотрудников: приглашенный из Ленинграда доктор Рябинин, заведующий транспортом Портнягин, несколько бурятских лам, а также совсем юные сестры-казачки Людмила и Рая Богдановы,

помогавшие Е.И. Рерих как в экспедиции, так и после нее. Тринадцатилетняя Рая стала самым молодым участником экспедиции и прошла все трудности этого нелегкого пути. Сестры впоследствии остались с Рерихами в Индии и вернулись обратно в страну только в 1957 году вместе с Ю.Н. Рерихом.

Дорога из Юм-Бейсе шла на Аньси через несколько оазисов пустыни Гоби, интересных Николаю Константиновичу как места расселения кочевников в период последнего расселения народов Азии. Путь этот был коротким, но довольно опасным, поскольку проходил по землям могущественного разбойника калмыка Джаламы, шайки которого время от времени нападали на проходящие караваны. Район по этой причине был безлюдным, и экспедиции за двадцать один день встретился только один караван. Время от времени к экспедиции приближались одинокие всадники. Какое-то время они двигались вместе с караваном экспедиции и изучали серьезность ее вооружения. Поняв, что оружия у членов экспедиции достаточно, всадники исчезали из вида. Охраной экспедиции командовал Юрий Рерих.

После Аньси экспедиция направилась на высокогорные пастбища Шарагола, где простояла июнь и июль 1927 года. Участники экспедиции выезжали в различные районы Цайдама для сбора научного материала, приобретались новые животные для каравана, пополнялись продовольственные запасы. На Шараголе силами членов экспедиции была сооружена ступа, посвященная Шамбале.

Изучая местные предания и сказания, Николай Константинович стремился отыскать и приобрести также свитки древней грандиозной поэмы "Гессериада", называемой учеными на Западе центральноазиатской "Илиадой". Поэма была известна под множеством вариантов на заселенной монголами, тибетцами, алтайцами территории Азии. Она насчитывала 16 томов и описывала жизнь народного героя XI века Гессера, или Гессер-хана. Это имя в сознании народов ассоциируется с легендарным Владыкой Шамбалы — Майтрейей.

"Запомним названия, — пишет Николай Константинович, — "Гессер-победитель", "Гессер и клад великанов", "Мудрость Бругумы", "Отец и Мать всемогущие", "Возвращение Гессера и Бругумы", "Голоса неба", "Заклятие стрелы", "Четыре победы Гессера", "Молитва Гессера на вершине Шрар", "Гессер — владыка молнии", "Победная песня Гессера", "Хвала Гестеру". Одни названия являют путь народного сознания, народного достоинства и мечту о герое свободы". Гессериада занимает особое место в творчестве Н.К. Рериха, насчитывая десятки работ, а сама картина "Гессер-хаи" (1941) одна из лучших в его

богатейшем творчестве.

УКАЗ ГЕССЕР-ХАНА

Можно найти песок золотой, можно найти драгоценные камни, но истинное богатство придет лишь с людьми Северной Шамбалы, когда придет время послать их.

У меня много сокровищ, но могу дать их Моему народу лишь в назначенный срок.

Когда воинство Северной Шамбалы принесет копие спасения, тогда открою горные тайники и разделите с воинством Мои сокровища поровну и живите в справедливости. Тому моему указу скоро поспеть над всеми пустынями.

Когда золото Мое было развеяно ветрами, положил срок, когда люди Северной Шамбалы придут собирать Мое Имущество. Тогда заготовит Мой народ мешки для богатства, и каждому дам справедливую долю.

Затем экспедиция прошла опасные Цайдамские солончаки, где на протяжении более 100 км не было возможности останавливаться. Отразила нападение воинственного племени голоков, досаждавших и проходившему ранее по тому же пути известному русскому путешественнику П.К. Козлову 20 августа караван экспедиции прошел первый тибетский пост, а 6 октября недалеко от Нагчу он был задержан пограничным начальником области Западных Хор. Ожидалось, что стоянка и оформление разрешения на дальнейшее продвижение каравана не займет более трех дней. Однако три недолгих дня превратились в пятимесячную стоянку на высотах Тибета в условиях исключительно сурового зимнего времени на высоте около 5000 метров и шестидесятиградусных морозах. Единственным посредником в переговорах с губернатором Начгу, близким к Далай-ламе, стал тибетский майор, оставленный пограничным генералом для контроля за караваном экспедиции, по существу арестованной. Через этого майора Николай Константинович посылал письма и телеграммы по всем возможным направлениям: собственному Далай-ламе в Лхасу, до которой оставалось менее 200 километров, американскому консулу в Калькутту, британскому резиденту в Сиккиме полковнику Бейли, который, как выяснилось позже, и был главным организатором задержки экспедиции на высотах Чантанга. Вся отсылаемая корреспонденция возвращалась обратно.

"Запрещено говорить, — пишет Николай Константинович, — с проходящими караванами; запрещено покупать пищу у населения. Медленно погибает караван. Каждый день у палаток

— новые трупы, и стаи диких псов шумно делят свою новую трапезу Из 104 караванных животных погибает девяносто. Умерло пять человек: три монгольских ламы и два тибетца. Малонов отекает от сердечных припадков и, наконец, тоже умирает. Жена приставленного к нам майора заболевает воспалением легких и умирает. Грифы и орлы спорят со стаями собак о добыче…

Дни тянутся. Крепнут морозы и вихри. На белой равнине нет никого. Падают кони и верблюды. За ночь подходят дрожащие животные к самым палаткам, дергают веревки, точно стучатся, а на рассвете находим их мертвыми".

Н.К. Рерих со знаменем Шамбалы. Улан-Батор, Монголия. Март — апрель 1927 г.

Тибетские губернаторы Нагчу объявили Николаю Константиновичу, что лхасское правительство не признает выданный в Урге (Улан-Баторе) паспорт и не разрешает экспедиции идти на Лхасу. Причины не назывались.

"Все мертво кругом. — слова Николая Константиновича звучат как приговор. — За пять месяцев по главной дороге на Китай и Монголию прошло три каравана. Тибетцы-кочевники

шепчут о трудных временах для Лхасы. Конечно, в подобном состоянии страна существовать не может. Наконец губернаторы Нагчу удовлетворились подарками и после сообщения, что деньги у нас кончились, решили отправить нас кружным путем через Чантанг на Намру-дзонг, Шендза-дзонг, через не показанные на картах перевалы в 20 600 футов (=6300 м) высоты, на Сага-дзоиг, через Брамапутру, на Тингри-дзонг, на Шекар-дзонг, на Кампа-дзонг и через Сепо-ла на Сикким. Очевидно, решили показать нам все области Тибета, чтобы у нас не оставалось сомнения в этой стране. Хотя не легкий путь, но от Улан-Батор-Хото до Сиккима никто еще не проходил".

6 марта 1928 года караван экспедиции тронулся наконец со своей многомесячной стоянки и взял курс на Трансгималаи, практически неисследованную европейцами область к западу от Лхасы. Несмотря на тяжесть этого трудного маршрута, была продолжена научно-исследовательская работа, пополнялись многочисленные коллекции. Переход по этим областям занял более двух с половиной месяцев.

28 мая экспедиция вошла в Ганток, столицу Сиккима, откуда она стартовала в марте 1925 года. Предстояла большая работа по обработке материалов, полученных в ходе экспедиции. Н.К. Рерих писал: "Конечно, мое главное устремление как художника было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления, — так щедры эти дары Азии… Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы Великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне. Мы видим в последних находках экспедиции Козлова, в трудах профессора Ростовцева, Бровки, Макаренко, Толя и многих других огромный интерес к скифским, монгольским и готским памятникам. Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общеевропейского романеска и ранней готики".

Путь, пройденный Центрально-Азиатской экспедицией Н.К. Рериха, не имел исторических аналогий ни до, ни после ее завершения и стал подлинным триумфом российских исследователей Срединной Азии. Впервые были пройдены и отмечены на картах десятки горных вершин и перевалов, собраны уникальные манускрипты, этнографические и лингвистические коллекции, обнаружены неизвестные науке археологические памятники. Счет ботанических, геологических, археологических и

прочих находок шел на тысячи. Во время путешествия Н.К. Рерихом были сделаны многочисленные эскизы и зарисовки. Сбылась давнишняя мечта Николая Константиновича и Елены Ивановны о грандиозной исследовательской экспедиции по странам Азии.

Сразу после завершения экспедиции увидели свет ее описания: книги Н.К. Рериха "Сердце Азии", "Алтай — Гималаи", "Шамбала"; Ю.Н. Рериха — "Звериный стиль у кочевников северного Тибета" и "По тропам Срединной Азии", а также многочисленные научные статьи. Елена Ивановна смогла в тяжелейших экспедиционных условиях продолжить работу над книгой "Агни Йога" из одноименной серии. Собранных материалов оказалось столь много, что было решено создать специальный научно-исследовательский центр.

"УРУСВАТИ"

Решение о создании института гималайских исследований "Урусвати", что на санскрите означает "Свет Утренней звезды", было принято Н.К. Рерихом в Сиккиме 24 июля 1928 года. Разместился институт, однако, в другой части Гималаев — в долине Кулу, в индийском штате Пенджаб, что в северо-западных Гималаях. Эта долина на протяжении своей истории всегда занимала важное место в индийской и тибетской культуре. Прежде всего она связано с именем Гаутамы Будды, проходившим через нее из Индии в Тибет, на Кайлас, Ладак, Хотан, а оттуда через Гоби до самого Алтая. Здесь трудился собиратель индийского эпоса Махабхараты и многих пуран риши Вьяса, сюда доходил в своем индийском походе Александр Македонский. Был здесь также и Падма-Самбхава — основатель одного из ответвлений буддизма, распространенного в Сиккиме и Малом Тибете. В долине находились памятники культуры, старинные храмы, которым насчитывалось свыше двух тысяч лет, многие давно покинутые и заросшие густым лесом. Место базирования института было предложено Рерихам их Учителем: долина отличалась довольно благоприятным для европейцев климатом, в отличие от Сиккима. Район долины Кулу был практически не исследован, будучи исключительно богатым в археологическом, историческом, филологическом, а также ботаническом и геологическом отношениях.

К концу 1928 года опять же усилиями Учителя в Кулу для Рерихов был найден подходящий дом с прекрасным видом на долину, окруженную величественными горами, одна из которых имела очертания, сходные с латинской буквой М. Так в окрестностях Наггара, в Кулу, было приобретено поместье ражи Манди, ставшее для Николая Константиновича постоянным местожительством до самого его ухода из жизни.

Дом имел обособленное расположение на склоне горы, его окружал густой лес — сосны, липы, ели, клены, дубы, многие исполинских размеров. Весной цвели фруктовые деревья, в саду поместья было много цветов. В долине местные жители почитали многочисленных богов, их счет шел на сотни. Одним из почитаемых "хранителей места" был и Гуга-Чохан, каменное изваяние, находившееся в поместье в саду под кедром. Чистый горный воздух и ярчайшие восходы и закаты дополняли картину замечательного горного обиталища.

В то время, когда Рерихи находились на маршруте экспедиции, в рериховских организациях Нью-Йорка также кипела

работа. Родилась идея объединить все основанные культурно-просветительские учреждения под одной крышей. Во исполнение этой идеи был задуман 24-этажный дом, Мастер-Билдинг, или Дом Учителя, в котором планировалось разместить музей работ Н.К. Рериха, Институт объединенных искусств, художественную галерею, театр на 350 мест, рабочие помещения для секций. Верхние этажи предназначались для сотрудников организаций и для сдачи внаем за минимальную плату художникам, музыкантам, писателям и ученым. Проектом здания по эскизам Н.К. Рериха занимался архитектор Х. Корбет. Финансовыми делами небоскреба ведал Л. Хорш, которомуудалось получить необходимый кредит на строительство. Летом 1929 года Николай Константинович и Юрий Николаевич, назначенный директором института "Урусвати". после двухмесячного пребывания в Европе, прибыли в Нью-Йорк, почти к самому завершению строительства Дома Учителя.

Год открытия музея совпал по времени с началом Великой депрессии в США, когда деньги стремительно обесценивались, падал курс акций, росла безработица, промышленное производство сокращалось, уровень жизни был катастрофически низок. Николай Константинович много выступа! перед различными аудиториями. Так, обращая внимание на ценности культуры, он говорил американским студентам: "Все видели стремительное низвержение бумажных ценностей. Пусть каждый получает доказательство по мозгам своим. Даже окаменелые друзья вспомнят, как на их же глазах предмет, считавшийся ничтожным, вдруг получал громадную ценность, и наоборот: непоколебимые с точки зрения обыденности ценности оказались грудою бумажного сора. За время революций мы не однажды видели, как банкиры и финансовые деятели оказывались сметенными, тогда как выживали именно художники и собиратели искусства. Сама жизнь показывает, что все связанное с творчеством выживает. Живут научные открытия, и неистребимо живет мысль".

Торжественное открытие музея в Доме Учителя состоялось 18 октября 1929 года. Его коллекции были пополнены сотнями работ Н.К. Рериха, выполненными за годы путешествий по странам Азии. В здании разместились также и другие культурно-просветительные учреждения. Почетными членами организаций, связанных с деятельностью Н.К. Рериха, являлись видные мировые деятели науки и культуры: Милликен, Эйнштейн, Дж. Боше, Кумар Халдар, Рабиндранат Тагор, Стоковский, Игнасио Сулоага и многие другие.

Во время поездки в Америку в 1929 году Николай

Константинович, предчувствуя новую мировую катастрофу, поднимает вопрос об охране культурных ценностей в военное время. Это можно назвать второй попыткой, первая была предпринята им в воюющей России в 1915 году, когда художник изложил свои мысли о сбережении культурного наследия страны государю-императору Николаю II и великому князю Николаю Николаевичу. Ввиду сложности обстановки тогда это предложение не нашло действенного отклика. Многие в США в начале 1930-х считали создание охранительного пакта культуры также нереализуемой задачей. Но Николай Константинович думал по-другому, указывая на начальные сложности создания Красного Креста, идею которого также встретили в свое время с большим недоверием. Собственно, положительный пример деятельности Красного Креста в некоторых своих моментах лёг в основу идеи охраны памятников искусства и научных учреждений при военных столкновениях, предложенной Н.К. Рерихом на рассмотрение правительствам мира.

Н.К. Рерих в музее своего имени на фоне картин "Сокровище Ангелов" (1905) и "Соловецкий монастырь" (1923). Нью-Йорк, США. Июнь — июль 1929 г.

Сначала эта идея была изложена Н.К. Рерихом доктору международного права и политических наук в Парижском университете Г. Шкляверу и профессору Жоффр де ла Праделю. Они на основании набросков плана подготовили проект устава Пакта, согласовав его с международным правом, и в 1929 году в печати был опубликован текст проекта Пакта. Его сопровождало обращение самого Николая Константиновича к народам и

правительствам всех стран.

"Образовательные, художественные и научные учреждения, научные миссии, персонал, имущество и коллекции таких учреждений и миссий, — говорилось в проекте, — будут считаться нейтральными и как таковые будут подлежать покровительству и уважаемы воюющими. Покровительство и уважение в отношении названных учреждений и миссий во всех местах будет подчинено верховной власти договаривающихся стран без различия от государственной принадлежности какого-либо отдельного учреждения или миссии. Учреждения, коллекции и миссии, зарегистрированные на основании Пакта Рериха, выставляют отличительный флаг, который даст им право на особое покровительство и уважение со стороны воюющих государств и народов всех договорных стран".

Проект Пакта Мира включал в себя также использование отличительного флага, представляющего собой белое полотнище с красной окружностью и вписанными в нее тремя красными кругами. Символизм знака задуман глубоким, идущим из глубин веков. Он, по мысли Николая Константиновича, должен быть олицетворением вечности (замкнутая окружность), заключающей прошлое, настоящее и будущее (три соприкасающихся красных круга). Возможны и многие другие толкования этого глубокого символа, например религия, наука и искусство на едином поле культуры. Интересно, что знак этот можно видеть на протяжении многих веков у очень разных народов. Он присутствует на печати Тамерлана, на изображении Страсбургской Мадонны, на скандинавских фибулах, на древних русских иконах, в том числе имеющих отношение к преподобному Сергию Радонежскому.

Идея Пакта Рериха нашла многочисленных сторонников и была поддержана Ромэном Ролланом, Бернардом Шоу, Томасом Манном, Альбертом Эйнштейном, Гербертом Уэллсом и многими видными деятелями с мировыми именами. В Париже, Брюгге и Нью-Йорке были учреждены постоянные комитеты Пакта. Признан он был и Лигой Наций в 1930 году со стороны Комитета по делам музеев. В этой связи Рабиндранат Тагор писал Н.К. Рериху:

"Я зорко следил за Вашей великой гуманистической работой во благо всех народов, для которых Ваш Пакт Мира с его знаменем для защиты всех культурных сокровищ будет исключительно действенным символом. Я искренне радуюсь, что этот Пакт принят Комитетом Лиги Наций по делам музеев, и я глубоко чувствую, что он будет иметь огромные последствия для культурного взаимопонимания народов".

Преложенная идея мирового объединения под флагом

культуры вызвала широкий общественный резонанс. Парижский университет выдвигает в свою очередь самого Николая Константиновича на соискание Нобелевской премии мира: "Николай Рерих своими литературными произведениями, лекциями, исследованиями, картинами и многосторонней деятельностью действенно призывал принять доктрину всемирного братства. Его пропаганда мира охватила свыше двадцати стран и была широко признана. О ее воздействии свидетельствуют многочисленные послания к Рериху со стороны самых различных учреждений. Мы твердо верим, что окончательный международный мир придет лишь через поднятие культурного уровня народов и постоянную действенную пропаганду братства, рожденного культурой и возвышенной красотой во всех областях жизни. Тридцатилетняя трудовая деятельность Н. Рериха была мощным призывом к взаимному сближению народов".

Однако, как говорится, у идеи Пакта и Знамени Мира были и свои враги, несмотря на очевидную ее аполитичность. Нетрудно догадаться, что центром клеветы стала Англия, не желавшая никаких других мировых объединений, кроме как под своим собственным флагом, и Германия с ее надвигающимся фашизмом, противником культуры. Хорошо понимая источники и мотивы их враждебности, Николай Константинович писал: "Из Парижа пишут: "У нас был Раймонд Вейсс, директор юридического департамента Института кооперации, который полностью подтвердил сведения о германском давлении на второстепенные государства в целях заставить их отклонить Пакт…" Помним, что во время последней международной конференции Пакта среди тридцати шести стран, единогласно поддержавших Пакт, не прозвучали голоса представителей Германии и Англии… Правда, нам приходилось слышать, что главным препятствием для некоторых государств было, что идея Пакта исходила от русского. Мы достаточно знаем, как для некоторых людей, по какому-то непонятному атавизму, все русское является неприемлемым… Также мы слышали от некоего компетентного лица, что дуче [Муссолини] охотно занялся бы Пактом, если бы идея была предоставлена ему, чтобы исходить исключительно от него". Именно Пакт Мира вызвал наибольшую волну клеветы в адрес Н.К. Рериха, которая представляла художника и членом тайных обществ, и "красным шпионом", и колдуном, пленившим Далай-ламу, и пр. и пр. в таком же духе. "Определим клевету как факелы дикарей, — утверждал Учитель, — но для закалки духа всякий огонь может быть полезен. Если стоек ученик, клевета будет топливом костра его Подвига. Так, темные и здесь послужат

Свету".

Завершив первый этап объявления Пакта Мира и Знамени Мира, Николай Константинович и Юрий Николаевич собрались вернуться в долину Кулу и обратились за возобновлением индийских виз к британскому консулу в Нью-Йорке. Тот уклонился от выдачи виз и предложил нм самим непосредственно явиться в Лондон но этому вопросу. После посещения Парижа по делам Пакта Рерихи приехали в Лондон и услышали отказ в выдаче виз в британском министерстве иностранных дел. Ситуация, схожая с тибетским пленением зимой 1927–1928 годов, начала разворачиваться вновь, теперь в самой Англин в 1930 году. Однако и здесь защитники интересов Короны просчитались. Николай Константинович, имевший к тому моменту мировую известность, привлек к визовому делу десятки общественных деятелей, дипломатов, ученых, писателей, многочисленные культурно-просветительские организации и объединения. Так, министерство иностранных дел стало ежедневно получать письма, телеграммы, депеши, воззвания в поддержку Н.К. Рериха от кардинала Бруна, архиепископа Кентерберийского, директора Лондонской библиотеки Х. Райта, писателя Д. Голсуорси, послов многих аккредитованных в Англии государств. Когда Николай Константинович зашел в министерство перед отъездом во Францию, он увидел, что его дело разрослось до таких масштабов, что клерки перевозили его по кабинетам в специальной тачке. Визу тогда так и не выдали. Используя хорошие отношения во Франции, Николай Константинович получил разрешение на въезд во все французские колонии, расположенные на побережье Индии. Он въехал в Индию через одну из них, Пондишери, сообщив англичанам, что там он и собирается поселиться навечно. Даже начал раскопки в окрестностях Пондишери. В чем бы англичане не подозревали Н.К. Рериха, но визовое дело в какой-то момент стало вредить самой Англии, так и не объяснявшей никому из вопрошающих ее о причинах отказа выдать визы. Наконец, под давлением мировой общественности вице-король Индии выдал обоим Рерихам индийские визы. Упорство и мировая известность Н.К. Рериха взяли верх.

В 1930 году Н.К. Рериха избирают президентом общества "Maha Bodhi" в Америке, членом Югославской академии наук и искусства, вице-президентом археологического общества США. Он не перестает работать над новыми картинами, готовит оформление балета "Весна священная" для Metropolitan Opera. Вернувшись к концу года в Кулу, разворачивает прерванную активную деятельность института "Урусвати".

"Когда мы основывали институт, — писал Николай Константинович, — то прежде всего имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии… Ведь не для того собираются люди, чтобы непременно, сидя в одной комнате, питать себя присылаемыми сведениями. В этом была бы лишь половина работы. Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют "ашрам". Это — средоточие. Но умственное питание "ашрама" добывается в разных местах".

Работой института руководил Юрий Николаевич, сотрудничая с десятками научных учреждений Европы, Америки и Азии. Научные материалы отсылались в Мичиганский университет, Нью-Йоркский ботанический сад, Пенджабский университет, Парижский музей естественной истории, Гарвардский университет, Ботанический сад Академии наук СССР. Были установлены личные контакты с академиком Н.И. Вавиловым, крупнейшим советским генетиком и ботаником, Альбертом Эйнштейном, Луи де Бройлем, Робертом Миликеном, Свеном Гедином. Была развернута обширная деятельность в области лингвистики и филологии Востока, на европейские языки переводились редкие манускрипты, изучались полузабытые наречия.

На открытии Дома Учителя. Слева направо: Морис Лихтман,

Луис Хорш, Харви Корбет, Н.К. Рерих, Френсис Грант. Нью-Йорк, США. Октябрь 1929 г.

Святослав Николаевич Рерих занимался изучением тибетской и местной медицины, древнего искусства народов Азии, писал картины. К работе были привлечены тибетские ламы-лекари, при помощи которых удалось составить первый в мире атлас тибетских лекарственных трав. Также была организована биохимическая лаборатория для изучения методов лечения рака. Проводились исследования космических лучей в высокогорных условиях. Выпускался ежегодник института.

Институт проводил выездные исследования и в самой долине Кулу, и за ее пределами. Научные отряды института проводили полевые сезоны в Лахуле, Бешаре, Кангру, Лахоре, Ладаке, Зангскаре, Спити, Рупщу. Некоторые экспедиции возглавлял сам Николай Константинович.

В экспедициях исследователям приходилось наблюдать множество проявлений психофизической энергии, которыми Индия, собственно, и славилась за ее пределами во все времена. Николай Константинович считал, что это отдельная важная область научного исследования, в которой недопустимо огульное отрицание, осмеивание или умышленное замалчивание. Свои взгляды он выразил в статье "Парапсихология", в которой утверждал: "Во времена темного средневековья, наверное, всякие исследования в области парапсихологии кончались бы инквизицией, пытками и костром. Современные нам "инквизиторы" не прочь и сейчас обвинить ученых исследователей или в колдовстве, или в сумасшествии. Мы помним, как наш покойный друг профессор Бехтерев за свои исследования в области изучения мысли не только подвергался служебным преследованиям, но и в закоулках общественного мнения не раз раздавались шептания о нервной болезни самого исследователя.

Также мы знаем, что за исследования в области мысли серьезные ученые получали всякие служебные неприятности, а иногда даже лишались университетской кафедры. Так бывало и в Европе и в Америке. Но эволюция протекает поверх всяких человеческих затворов и наветов… Будет ли наука о мысли, будет ли психическая или всеначальная энергия открыта, но ясно одно, что эволюция повелительно устремляет человечество к нахождению тончайших энергий. Непредубежденная наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство, этот беспредельный источник всех сил и всего познания". Эти мысли отражали наставления Учителей: "Наш Завет человечеству — закон психической энергии", "Сила духа беспредельна".

Сам Н.К. Рерих искал новые идеи в мудрости Востока, не умалчивая о фактах, которые не укладываются в общепризнанные теории. Он любил повторять: "Наука, если она хочет быть обновленной, должна быть прежде всего неограниченной и тем самым бесстрашной". Он верил в неограниченные возможности человеческого разума и возможности познания глубочайших тайн бытия, а Космос воспринимал как пространство, в котором возможна и земная жизнь, и инопланетная: "Если простота выражения, ясность желания будет соответствовать неизмеримости величия Космоса, — говорил он в статьях и лекциях, — то этот путь истинный. И этот Космос не тот недосягаемый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры-звезды на всех неисчислимых планах".

Ему приходилось писать на самые разнообразные темы: и по истории народов Азии, например, в статьях "Риши", "Индийская точка зрения на этику и эстетику", "Меч Гессер-хана"; о наблюдаемом им пробуждении Индии — статьи "Слово Индии", "Служителям Индии", "Друзья Востока"; о выдающихся деятелях столь любимой им страны — Рамакришне, Вивекананде, Тагоре, Ганди и Неру.

В 1931 году Николаем Константиновичем было написано свыше восьмидесяти работ, среди которых знаменитые триптихи "Fiat Rex", что можно перевести как "Да восславится Владыка!", и "Жанна д'Арк", а также картины серии "Чингисхан". В США выходит книга "Держава Света".

Тот же год ознаменовался созданием Международного союза в поддержку Пакта Рериха, под руководством члена комиссии по охране памятников Бельгии К. Тюльпинка, и проведением в бельгийском Брюгге Первой международной конференции Пакта Рериха. В работе конференции приняли участие деятели общественных и культурных организаций и ряд официальных представителей некоторых государств. В обращении Н.К. Рериха к участникам конференции говорилось: "Понятие Культуры предполагает не отвлеченность, не холодную абстракцию, но действительность творчества, оно живет понятием неустанного подвига жизни, просвещенным трудом, творением… Поэтому для нас "Знамя Мира" является вовсе не только нужным во время войны, но, может быть, еще более нужным каждодневно, когда без грома пушек часто свершаются такие же непоправимые ошибки против Культуры".

В далеком 1917 году Николай Константинович предвидел наступление самого тяжелого периода и для культуры и для

жизни в целом.

"Устрашитесь, когда Бога назовут не нужным.

Бойтесь время, когда речь людей наполнится бессмысленными словами.

Бойтесь, страшитесь, когда кладами захоронят люди свои богатства.

Бойтесь то время, когда люди сочтут сохранными сокровища только на теле своем. Бойтесь, когда для зла соберутся толпы.

Когда забудут о знании. И с радостью разрушат созданное раньше. И легко исполнят угрозы и поношения.

Бойтесь время, когда не на чем будет записать знания ваши.

Когда листы писаний станут непрочными, а слова злыми.

Камень воздвигнется тогда.

И храм каменный сохранит скрижали и пророчество".

Чем же, по мнению Н.К. Рериха, можно победить зло и призвать на помощь спасительный Свет? Культурой, — отвечает он, — почитанием Света.

"Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце.

Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной красоты.

Осуждение, умаление, загрязнение, все порождения невежества не приличны Культуре. Ее великое древо питается неограниченным познаванием, просвещенным трудом, неустанным творчеством и подвигом благородным.

Камни великих цивилизаций укрепляют твердыню Культуры. Но на башне Культуры сияет алмаз-адамант любящего, познающего, бесстрашного Сердца.

Любовь открывает эти Врата прекрасные. Как всякий настоящий ключ, и любовь эта должна быть подлинная, самоотверженная, отважная, горячая. Там, где истоки Культуры, там источники горячи и бьют они из самых недр. Где зародилась Культура, там ее уже нельзя умертвить. Можно убить цивилизацию. Но Культура, как истинная духовная ценность, бессмертна.

Потому и радостна пашня Культуры. Радостна даже в самых крайних трудах. Радостна даже в напряженных битвах с самым темным невежеством. Зажженное сердце не ограничено в великой Беспредельности.

Праздник труда и созидания. Звать на праздник этот значит лишь напомнить о нескончаемом труде и о радости

ответственности, как о достоинстве человеческом.

Труд работника Культуры подобен работе врача. Не одну болезнь знает истинный врач. Не только врач спасает от уже случившегося, но он мудро предусматривает на будущее. Не только изгоняет болезнь врач, но он работает над оздоровлением всей жизни. Сходит врач во все подвалы темнейшие, чтобы помочь осветить и отеплить их.

Не забывает врач о всех улучшениях, украшениях жизни, чтобы порадовать дух поникающий. Знает врач не только старые эпидемии, но готов распознать и симптомы новых несчастий, вызванных гниением устоев.

Имеет здоровое слово врач и к ребенку и к старцу, для каждого готов его совет одобряющий. Не прекратит врач познавания свои, иначе он не ответит действительности. Не утеряет врач терпение и терпимость, ибо ограниченность чувств оттолкнет от него болящих.

Не устрашится врач видом язв человеческих, ибо он мыслит лишь об исцелении. Собирает врач всяческие травы и камни целебные, знает он об изыскании их благого применения. Не утомится врач поспешить на помощь к больному во все часы дня и ночи.

Работнику Культуры присущи те же качества. Так же точно готов он на помощь во благо в любой час дня и ночи. Подобно Сокольскому зову, работник Культуры доброжелательно отвечает: "Всегда готов". Он открыт сердцем ко всему, где опыт и знание его могут быть полезны. Помогая, и сам он вечно учится, ибо "в даянии получаем". Он не устрашается, ибо знает, что страх открывает врата тьмы.

Работник Культуры всегда молод, ибо не дряхлеет сердце его. Он подвижен, ибо в движении сила. Он зорок на постоянном дозоре во Благо, в Познание, в Красоту. Знает он, что есть сотрудничество.

Нитями сердечными объединены работники Культуры. Горы и океаны не препятствия для этих сердец возжженных. И не мечтатели они, но строители и пахари улыбающиеся.

Посылая привет о Культуре, нельзя послать его без улыбки, без зова дружбы. Так и сойдемся, так и соберемся и потрудимся во Благо, во Знание, в Красоту. И сделаем это неотложно, не упустив ни дня, ни часа для строительства доброго".

Конференция выдвинула предложения по пропаганде идей Пакта в учебных заведениях и установила контакты с Международным комитетом по делам искусства. В том же Брюгге годом позже состоялась Вторая конференция Пакта Рериха, принявшая обращение ко всем странам с призывом признать за

Пактом силу международного документа. К конференции была приурочена фотовыставка, представляющая свыше шести тысяч архитектурных памятников, подлежащих специальной охране мировым культурным сообществом.

Н.К. Рерих в музее своего имени. Нью-Йорк, США.Июнь — июль 1929 г.

В 1932 году Н.К. Рерих создает свыше ста живописных произведений, среди которых можно особо выделить работы "Святой Сергий Радонежский" и "Мадонна Орифламма", или, как ее называл сам художник, "Владычица Червонно-Пламенная". Эта работа была посвящена идее Пакта, на картине изображена Богородица, держащая в руках развернутое полотнище Знамени Мира.

Работа "Святой Сергий Радонежский" представляла Преподобного спасителем России. На картине он изображен в полный рост, держащим в руках своих русский храм. На заднем плане — его многочисленное воинство в полной готовности с развернутыми знаменами. В нижней части работы художник поместил надпись, сделанную славянской вязью: "Тебе трижды

суждено спасти Россию. Первый раз при Дмитрии Донском, второй раз в Смутное время, третий раз…" Многоточие красноречиво говорило о грядущем тяжелейшем испытании для России, из которого она должна была выйти с помощью Сергия Радонежского победительницей. Спасение страны в Смутное время, но преданию, напоминало о троекратном явлении Сергия никому тогда неизвестному нижегородцу Козьме Минину с призывом "Помоги земле Русской". Близка по духу к "Сергию" и работа того же периода "Звенигород" с русскими святыми, исполняющими соборную службу подле русского храма, помещенного художником на фоне горного пейзажа.

В семье Рерихов учение и личность Христа имели неизменное глубокое почитание. Так, Елена Ивановна утверждала: "Нельзя закрывать глаза, большой сдвиг произошел в сознании масс… Новая церковь должна явиться на смену старой в полном сиянии Красоты Подвига Иисусова, должна будет собрать Великий Вселенский Собор, просмотреть при свете нового сознания все постановления бывших Соборов, должна будет изучить сочинения первых христианских философов и Отцов Церкви, ближайших ко времени Иисусова; тогда вся красота подвига Иисуса Христа, вся ширь Его Учения будет понята ими в духе, но не в мертвой букве часто искаженных писаний…"

В книге "Братство" Учителем провозглашалось: "Каждое десятилетие открывается новый подход к Сокровенному Учению. Читавшие его пол века назад читали его совершенно иначе. Они подчеркнули совершенно иные мысли, нежели читающие сейчас. Нельзя говорить о новых Учениях, если Истина едина. Новые данные и новое восприятие их будут лишь продолжением познавания".

В 1932 году в Нью-Йорке выходит в свет книга Н.К. Рериха "Твердыня Пламенная". А в следующем году Николай Константинович, работая в Кулу, создает свыше ста двадцати работ. В США прошла Третья конференция Пакта. В ней приняли участие представители тридцати шести государств, обратившихся к правительствам всех стран с предложением о принятии Пакта.

К началу Второй мировой войны более чем в тридцати странах возникли и действовали свыше восьмидесяти обществ, музеев и кружков имени Рериха. Среди самых крупных можно назвать Нью-Йоркский музей, Парижское общество, Центр в Брюгге, общество и музей в Риге. Однако существовало множество совсем небольших групп, проводивших культурнопросветительскую работу в форме занятий по изобразительному искусству, музыке, хореографии, литературы, изучению книг Н.К. Рериха и Живой Этики, культурному

наследию Востока. Эти группы проводили работу по привлечению местных государственных и общественных организаций к охране памятников истории и культуры. Несколько сообществ развивали издательское дело.

Возникли и секции женского движения за равноправие и, как указывал Учитель, полноправие. Именно женские организации проявляли наибольшую активность в поддержку культурных начинаний Николая Константиновича и особенно Пакта и Знамени Мира. Обращаясь к Обществу единения женщин, он писал: "Женщины, ведь вы соткете и развернете Знамя Мира. Вы безбоязненно станете на страже улучшения жизни. Вы зажжете у каждого очага огонь прекрасный, творящий и ободряющий. Вы скажете детям первое слово о красоте… Вы произнесете священное слово Культура".

Именно в Живой Этике Учителем было провозглашено о грядущей эпохи Матери Мира, когда будет восстановлено утраченное равновесие двух Начал этого мира — мужского и женского. Николай Константинович в своем творчестве также многократно обращался к спасительному образу Богородицы — Матери Мира: "Образ Матери Мира, Мадонны, Матери Кали.

Преблагой Дуккар, Иштар, Куанин, Мириам, Белой Тары, Радж-Раджесвари, Ниука — все эти благие образы, все эти жертвовательницы собрались в беседе, как добрые знаки единения. И каждая из них сказала на своем языке, но понятном для всех, что не делить, но строить нужно. Сказала, что пришло время Матери Мира, когда приблизятся к земле Высокие Энергии, но в гневе и в разрушительстве эти энергии вместо сужденного созидания дадут губительные взрывы…

На всем Востоке и на всем Западе живет образ Матери Мира и глубокозначительные обращения посвящены этому высокому Облику.

Великий Лик часто бывает закрытым и под этими складками покрывала, сияющего квадратами совершенства, не кажется ли тот же Единый Лик общей всем Матери Сущего! Мир миру!"

МАНЬЧЖУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И ПАКТ РЕРИХА

На исходе пятого года жизни в Кулу Николаю Константиновичу приходит приглашение приехать в США для обсуждения с департаментом земледелия возможности возглавить специальную экспедицию по сбору семян растений, предотвращающих разрушение плодоносных слоев почвы. Министерство сельского хозяйства возглавлял в те годы Генри Уоллас (Уоллес), высоко оценивающий как научную деятельность Н.К. Рериха по результатам работы его экспедиций и института "Урусвати", так и усилия на ниве культуры и искусства. Гербарии засухоустойчивых растений, собранные Рерихами в Центральной Азии, а затем присланные в департамент, давали американским специалистам надежду на нахождение в пустынных районах Азии сортов растений, предотвращающих разрушение плодоносных слоев почвы. Эрозия почв представляла тогда для Америки колоссальную проблему. Что касается выбора района поисков, то Н.К. Рериху было понятно, что снова попасть в пустыни Центральной Азии через Хотан или Лхасу не представляется возможным. Организационные и финансовые вопросы экспедиции требовалось обсудить на месте, и Николай Константинович вместе с Юрием Николаевичем приезжают в США в марте 1934 года.

Музей Рериха в Нью-Йорке переживал в те годы трудные времена. Причиной были и общая кризисная ситуация в стране, и поведение некоторых членов правления музея, особенно Луиса Хорша, сосредоточившего в своих руках всю финансовую сторону дела. В первые годы сотрудничества с Рерихом Хорш вкладывал в проекты крупные суммы, как свои собственные средства, будучи бизнесменом, так и займы, имея связи в деловых кругах Нью-Йорка. Собственно, он занимался строительством Дома Учителя, 24-этажного небоскреба. Когда Николай Константинович находился в Центрально-Азиатской экспедиции, Луис Хорш самовольно изменил проект небоскреба, добавив к нему еще пять этажей. Но в кризисной ситуации это не принесло и не могло принести дополнительного дохода, а только увеличило сумму задолженности банкам по кредитам. Хорш, его супруга Нетти и Эстер Лихтман, все входившие в состав совета директоров музея, планировали повысить плату за аренду квартир, открыть в небоскребе ресторан и бар, сократив при этом помещения для работы культурно-просветительских учреждений. Остальные

члены совета директоров воспротивились этому плану и были поддержаны Николаем Константиновичем. В музее складывалась напряженная обстановка. Когда Николай Константинович прибыл в Нью-Йорк, то Хоршу пришлось на время приостановить исполнение своих планов по коммерциализации музея. Он употребил свои силы на скорейшую организацию экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию, будучи хорошо знакомым с Генри Уолласом. Также Хорш и Уоллас обязались Н.К. Рериху употребить свое влияние и в продвижении Пакта по охране культурных ценностей. Кризис, казалось, на время миновал, но только на время. Ситуация с Хоршем усугублялась еще тем, что он, имея от Николая Константиновича и Елены Ивановны доверенности на ведение их финансовых дел в США, всеми правдами и неправдами завладел контрольным пакетом акций Дома Учителя и тщательно это скрывал.

Николай Константинович оставлял свое детище, музей, в состоянии, которое точно и емко было представлено Рихардом Рудзитисом в монографии 1935 года "Рерих": "В Музее Рериха, главный центр которого находится в Нью-Йорке, истинно осуществляется синтетический пожизненный труд Н.К. Рериха и его возвышенные творческие, врастающие в горизонты будущего помыслы… Уже давно Н.К. Рерих мечтал о Музее Пифагора и Платона — Доме Муз, где, как сестры в дружеском сожительстве, обитали бы все девять муз — рядом с богинями изящных искусств также богини наук. Так и Музей Рериха со своими многочисленными отделами и учреждениями во всех странах мира хочет дать человечеству не только высшие проявления творческой красоты, но и показать самые совершенные достижения в области знания… В 1923 году основался сам музей с коллекцией из 315 картин Рериха, и, наконец, в 1929 году, с помощью друзей и благодаря организаторским способностям самого водителя, воздвигнулось монументальное, чудесное строение, наиболее великолепный в нашем столетии Храм Искусства и Культуры — 24-этажный "Дом Мастера" — "Master Building", по своей величине и гармоническим пропорциям являющийся поистине благородным символом будущей архитектуры.

Собрание картин Н.К. Рериха в музее значительно увеличилось после его Среднеазиатской экспедиции — это 500 картин его так называемой Гималайской серии, где выявляются просторные высоты его симфонического творчества. Уже после постройки здания музея было собрано около 1000 художественных творений Рериха. Это число с каждым годом все еше увеличивается новыми чудесными знамениями творческого

духа… В музее были основаны отделы искусств свыше десяти стран. Большого внимания заслуживает также Тибетская библиотека музея, заключающая в себе, между прочим. 330 священных книг религии Бен-По, которые приобретены во время Азиатской экспедиции. Библиотека помещается в особом Восточном зале, отделанном в восточном стиле тибетским художником Дон-Друпом. Кроме того, отдельные залы музея созданы в честь Николая и Елены Рерих. Существуют комнаты, посвященные Св. Сергию, Св. Франциску, Спинозе и т. д., где, таким образом, положено основание будущему Музею религий. Часть помещений музея отведена для многообразных научных коллекций Гималайского научного института… В 1926 году при музее было основано Общество друзей Музея Рериха — международная организация, посвященная тем идеалам братства и культуры, которые должны быть достигнуты путем искусства и науки и которые запечатлены Рерихом в его картинах и книгах. С другой стороны, цель этого общества — осуществить мечту Рериха, явить синтетический мост между культурами Запада и Востока, способствовать во благо человеческого будущего братскому сотрудничеству между духовными откровениями Азии и научными достижениями Европы.

Среди почетных советников и покровителей музея и "Общества" значатся такие славные имена, как Свен Гедин, Рабиндранат Тагор, Массарик, Эйнштейн, Бозе, Раман, Милликан, Келлог и другие.

Общество начало свою деятельность в многочисленных секциях. Основаны секции, посвященные национальным группам, желающим познакомить Америку с культурными достижениями своих стран. Русско-сибирским отделом заведует известный русский писатель Г. Гребенщиков… Далее, существуют секции, посвященные философам и подвижникам: Оригену, Св. Франциску и Спинозе. Кроме того, есть отделы и Общества с общекультурными идеалами, таковы Лига Нового Человечества, Клуб юных идеалистов, Ассоциация ценителей мысли, Академия творческого искусства, Центр юных музыкантов, Центр Шекспира, Биософический институт и т. д. При Обществе Рериха состоят и следующие весьма важные организации: Всемирная лига культуры, Единение женщин, Пан-Американская ассоциация женщин и, наконец, комитет "Пакта Мира". Во всех этих секциях и обществах происходит поистине весьма интенсивная, одухотворенная и наиболее позитивнокультурная деятельность!.. Основались отделы Общества имени Рериха во всех частях света, и в настоящее время их уже свыше восьмидесяти в тридцати странах. Всех их объединяет одна общая цель и общее

устремление: способствовать взаимному сотрудничеству и содружеству народов и отдельных личностей во имя искусства и знания. Нужно отметить, что при некоторых Обществах (в Париже, Брюгге, Белграде, Загребе, Риге, Бенаресе, Буэнос-Айресе и т. д.) открыты также музеи картин Рериха… Многосторонняя деятельность Нью-Йоркского центра выражается, прежде всего, в устройстве лекций, концертов, драматических спектаклей, в способствовании и укреплении международных сношений в области искусства и знания и т. д. В одном только 1931 году Общество, в сотрудничестве с музеем, устроило около 100 вечеров, где выступали многие замечательные деятели культуры. Многие вечера посвящались также искусству отдельных наций, например, французской, финской, японской, латышской и др… Общество поддерживает целый ряд важных культурных учреждений, находящихся в прямом ведении музея…

Институт Объединенных Искусств — синтетическая школа, поставившая своим девизом объединение искусств и объединение людей в искусстве… Институт разделяется на отделы по всем многообразным отраслям искусства. Некоторые отделы с течением времени еще более расширились и дифференцировались. Основывались, например, также и Общества, посвященные специальным отраслям музыки: камерной, церковной и т. д. В школе немалое внимание уделено и курсам прикладных искусств, цель которых — дать просвещенных и творческих ремесленников… Далее следует упомянуть отделы для слепых (с обширной библиотекой) и для дефективных детей. При институте учреждены также 42 стипендии… Свои педагогические линии, кроме своих школ, Рерих хочет провести также в "Институте Продвижного Воспитания", далее в "Латино-Американском Институте", цель которого способствовать взаимопониманию между американскими нациями…

Другое обширное практическое начинание музея — "Corona Mundi": Международный художественный центр "Венец Мира"…

В залах музея "Corona Mundi" устраивает многочисленные выставки, посвященные искусству отдельных эпох, наций и личностей. Так, бывают выставки современных американских мастеров, французских, испанских, немецких, индийских, японских, бразильских, австралийских и других художников, показываются коллекции русских икон, тибетские священные знамена, проекты домов и т. д. Передвижные выставки "Corona Mundi" несут искусство в самые отдаленные углы Америки, в самое сердце народа. Эти выставки посещают бесчисленные американские школы, институты, университеты, музеи, библиотеки и различные общества, а также и такие учреждения,

которых красота до сих пор миновала, но где благословение прекрасного наиболее нужно: детские приюты, больницы и тюрьмы!..

Третье учреждение — Пресса Музея Рериха — своим девизом поставило его слова: "Основы Новой Эпохи зиждутся на Красоте и Знании". В план прессы входит выявление героических творческих достижений человечества в печатном слове. В ведении этого учреждения, кроме периодических изданий, имеющих связь с музеем, находится также издательство "Новая эпоха" (New Era Library), своими духовно-возвышенными изданиями представляющее истинный образец прессы будущего…

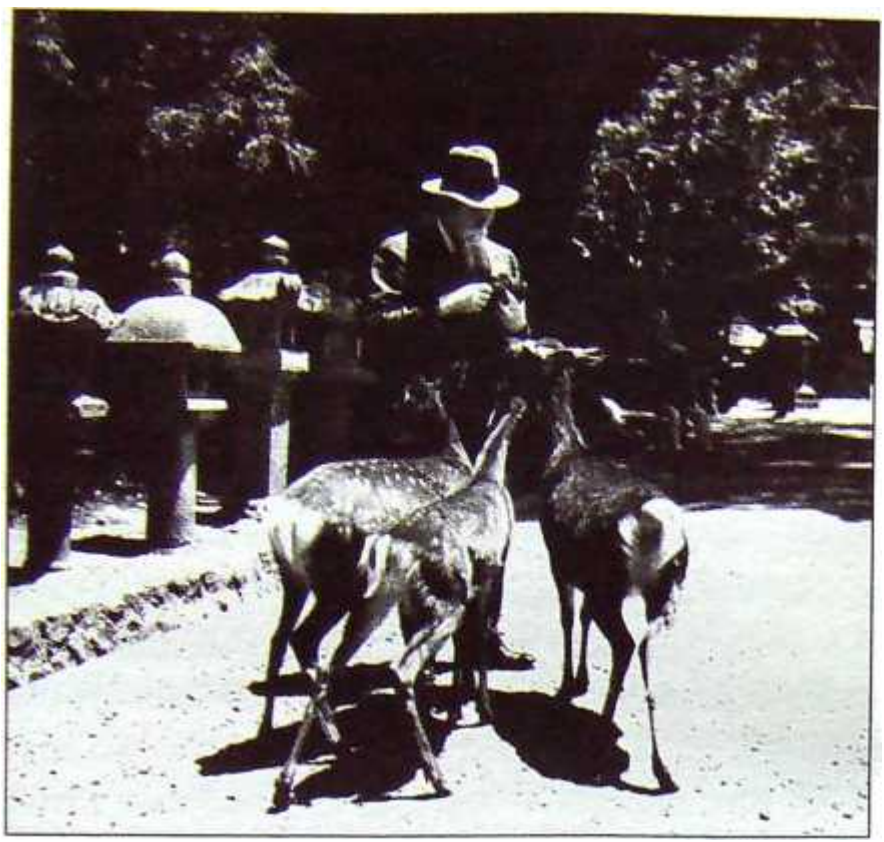
Объединяя в себе все отрасли прекрасного, являясь истинным центром культуры, музей — "Дом Мастера", кроме вышеупомянутых учреждений, заключает в себе также так называемые Apartaments — небольшие, но гармонически устроенные квартиры, являющиеся превосходным общежитием как для учеников Института Объединенных Искусств, так и для членов Общества имени Рериха. Эти члены, среди которых много художников, писателей, учителей и которые связаны между собою общим культурно-художественным вдохновением и стремлениями воплотить прекрасное в жизнь, живут, таким образом, как в постоянном взаимном творческом вдохновении, так и в воспитательном влиянии духовной атмосферы музея".

В конце апреля, после недолгого пребывания в Америке, Н.К. Рерих, прощаясь с сотрудниками, говорил: "Обратите внимание на ежедневные газеты. Что мы видим на первых страницах? Мы видим огромные заголовки о новостях войны, преступлений, разрушений, ненависти!.. Не значит ли это, что лишь новости об убийстве, о разрушении, об ужасах представляют общественный интерес современности? При гаком порядке не только народ, но и молодое поколение от младенчества воспитывается на том, что война, человеконенавистничество, убийство, отравление и всякая преступность заслуживают громкие названия и занимают первые страницы, а все позитивное как бы не имеет общественного значения".

Н.К. Рерих прибыл в Японию, являясь главой американской экспедиции по сбору засухоустойчивых трав. В Японии, контролировавшей тогда Маньчжурию, было необходимо оформить необходимые документы для проведения работ в Северной Маньчжурии. В состав экспедиции входило несколько американских ботаников, а также Юрий Николаевич Рерих.

Первая часть экспедиции проходила в западной части Хинганского хребта и Баргинского плато. Там проводились поиски лекарственных растений и засухоустойчивых трав. В

древнем монастыре Ганджур Рерихам посчастливилось обнаружить и скопировать редчайший тибетский лекарственный манускрипт. "Само название, — пишет Николай Константинович в статье "Да процветут пустыни", — укрепилось за этим монастырем с XVIII века, когда китайский император пожертвовал туда полное собрание тибетских священных книг Танжур". Мы видели эти тома и любовались прекрасным пекинским изданием, доски которого по несчастью были уничтожены во время одного из очередных потрясений…. В монастыре много изображений. Ламы говорят о шамбалинской войне, но добавляют: "Для этого нужен человек с большим сердцем"…



Н.К. Рерих. Нара, Япония. Май 1934 г.

Еще и еще раз думалось, как нужно уметь хранить неповторимое сокровище и как часто до сих пор, при всей условной цивилизации, происходят ужасные варварства. Да, нужно уметь беречь не только рукотворные ценности человечества, но и продолжать ту же заботливость и ко всем истинным источникам жизни. Потому оживление пустынь, как в

своем буквальном значении, так и в переносном духовном понимании, является благородной задачей человечества. Да цветут все пустыни".

Маршрут экспедиции приблизился к границам Советской России. Японские власти, следившие за работой экспедиции, делали все возможное, чтобы ограничить нормальное снабжение и передвижение экспедиции. Н.К. Рерих в июне 1935 года приезжает в Харбин с целью выяснить причину непрекращающихся проблем экспедиции. Он пробыл в этом городе несколько месяцев, но ясности все же от этого нс прибавилось. Тогда в декабре того же года, согласовав с американскими властями, Николай Константинович прибывает в Пекин, чтобы организовать вторую часть экспедиции, на этот раз только на китайской территории.

Находясь в Харбине, городе средоточия русской дальневосточной эмиграции, Николай Константинович выступал с патриотическими лекциями и много писал на эту тему. Но когда он попытался издать свою книгу "Священный дозор", то японская цензура, видевшая в Рерихе угрозу японским планам в Азии, арестовала весь тираж. Также взгляды Н.К. Рериха не приняла та часть эмиграции, которая стояла на так называемых пораженческих позициях. Сам же Н.К. Рерих неоднократно говорил своим ближайшим сотрудникам, что непременным условием для его личной поддержки является патриотическое отношение к своей Родине, независимо от существующей там в данный момент власти.

В марте 1935 года экспедиция была продолжена в пустынных районах Гоби, в северной и северо-восточной территориях современного Китая, или так называемой Внутренней Монголии. В эти местах было собрано свыше трехсот видов растений, потенциально полезных для борьбы с эрозией почв, а также целебные травы. В Америку было отправлено свыше двух тысяч посылок с образцами семян. Традиционно проводились археологические исследования, собирались материалы по лингвистике и фольклору, были написаны многочисленные очерки для "Листов дневника".

Летом 1936 года Николай Константинович писал:

"Вчера читаем в "Норд Чайна Стар" знаменательную статью под заглавием "Песчаные бури приканчивают эру пионеров в Соединенных Штатах". В статье приводятся слова заведующего оросительным отделом департамента внутренних дел. Он указывает на умножающиеся песчаные бури и засухи, препятствующие делу земледелия. При этом замечается, что если в ближайшем же будущем не будут приняты меры для

закрепления почвы растительностью, надвигающееся бедствие приблизится с необычайной быстротой.

Поистине, меры, принимаемые президентом Рузвельтом и министром земледелия Уоллесом, неотложны и своевременны. За время одного поколения уже можно убеждаться, как меняются климатические и прочие условия местности. Даже немногие годы жестокого небрежения уже отзовутся трудно поправимо. Потому-то всякие насаждения так неотложно нужны.

Также еще вчера, когда брались образцы почв, думалось: конечно, почвы должны быть исследованы и сопоставлены. Не только почва, но даже виды насекомых могут способствовать и своеобразному размножению и питанию растительности. Но поверх всего все-таки будут полезны семена тех злаков, которые в течение столетий противостояли суровым условиям.

Несомненно, что условия Монголии на границе степи и барханной пустыни могут давать множество поучительных примеров. Когда из Гоби, из далекого Такла-Макана, приносятся вихрями клубы песка и пыли, иногда можно опасаться, что местная, вообще поздно появляющаяся растительность, не выдержит; но любопытно наблюдать, как, несмотря на всякие затруднения, трава все же начинает пробиваться.

Можно наблюдать, что кажущиеся бедными травы очень питательны и жадно поедаются скотом. И скот на глазах оправляется.

Не так много разновидностей этих сухостойких трав и кустарников. Очевидно, в веках произошел отбор. В то время как в соседней Маньчжурии, где условия немногим сравнительно отличаются, имеется более восьмисот видов растений, тогда как в барханной Монголии, по-видимому, их не более трехсот. Но не в том дело. Важно иметь перед собою хотя бы и немногочисленные, но устойчивые и питательные злаки. Они вполне выполняют обе необходимые задачи — и закрепляют почву, и пригодны для питания скота.

Неожиданная разнородность растительности в Маньчжурии вызвала старую легенду.

При сотворении мира все страны получили свою растительность и животный мир, но Маньчжурия почему-то была забыта. Тогда ангел воззвал к Богу об этой забытой стране. А Господь ответил: — Посмотри, что у тебя осталось в мешке, и вытряхни все остатки.

Оттого-то так в Маньчжурии неожиданно разнообразны растительность и животный мир. Странно сочетались образцы и жаркого и северного климата".

Пока экспедиция проводила свои работы на окраинах

пустыни Гоби, в Ордосе и Алашане, 15 апреля 1935 года в Вашингтоне состоялось подписание Пакта Рериха президентом США Франклином Рузвельтом, а также представителями большинства латиноамериканских государств. В выступлении Рузвельта говорилось: "Предлагая этот Пакт для подписания всеми странами мира, мы стремимся к тому, чтобы его всемирное признание сделалось насущным принципом для сохранения современной цивилизации. Этот договор имеет более глубокое значение, чем текст самого документа".

В тот де день Маньчжурская экспедиция подняла Знамя Мира среди пустынных песков Гоби. Николай Константинович заносит в свой путевой дневник:

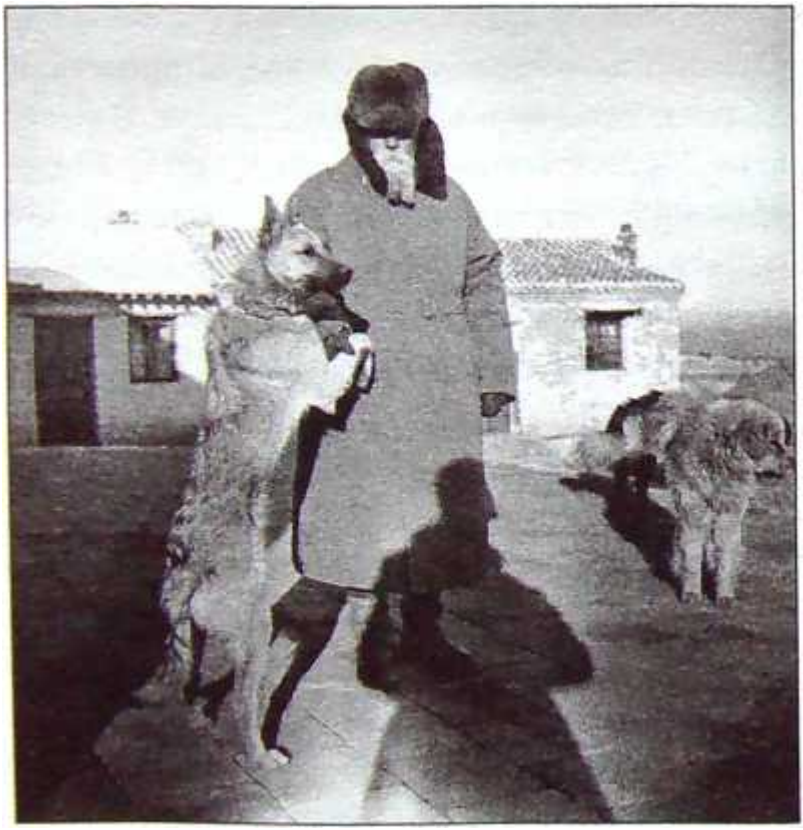
"Не устанем твердить, что, кроме государственного признания, нужно деятельное участие общественности. Культурные ценности украшают и возвышают всю жизнь от мала до велика. И потому деятельная забота о них должна быть проявлена всеми".

В статье "Итоги" художник с благодарностью вспомнит добрым словом всех помогавших этой великой идее — сохранения Культуры:

"15 апреля в присутствии Президента Рузвельта представители двадцати одного государства Америк подписали Пакт. Помним закрепляющие слова и самого Президента и вдохновленное слово представителя Панамы Альфаро и других ораторов. Затем в течение лета бельгийский Король Леопольд удостоил Учреждение в Брюгге — Р. Фаундейшен почетным и знаменательным титулом: в память Короля Альберта. Тогда же мы все порадовались этому обстоятельству, ибо храним глубокие чувства к покойному Королю-рыцарю.

Теперь слышим, что уже собираются новые предметы для Брюггского Музея.

Ведь и само здание, данное городом, уже является само по себе Музеем, как и большинство домов славного города Брюгге. И стоит этот дом на знаменитой площади Ван-Эйка; имя, которое одним своим произнесением уже напоминает о сокровищах человеческого гения.



Н.К. Рерих. Цаган-Куре, Внутренняя Монголия. Апрель 1935 г.

За год опять подошли многие дотоле неизвестные друзья и даже образовывали свои группы для утверждения знака сохранения истинных сокровищ. Интересно отметить, что возникали эти новые очаги не только самостоятельно, но даже неожиданно в таких местах, в которых текущие сведения не могли, казалось бы, доходить так легко. Семя брошено, а как и где оно будет расти — не нам судить. Литература о Пакте и Знамени Мира за год была очень обильна. Кроме ежедневных газет широко отозвались и журналы. При этом ценно отметить, что выявились и новые, очень серьезные защитники Культуры.

От настоящего хочется заглянуть в далекое прошлое. Хочется вспомнить хоть некоторых из множества друзей и пособников при самом зарождении этой идеи. Было бы несправедливо не вспомнить знатока искусства Д.В. Григоровича, который в 1898 году, избрав меня своим помощником при Музее Императорского Общества Поощрения Художеств, говорил: "Так мысленно и напишите над Музеем: "Храпите священные предметы" — ведь должны люди помнить о самом ценном". Запомнилось слово о том, чтобы надписать над музеем. О том же и в тех же годах и

другой знаток искусства, В.В. Стасов, поддерживая мои стремления, постоянно ободрял меня в том же почитании плодов творчества человеческого. Когда после первых продолжительных путешествий по России уже оформилось сознание о том, что чем-то нужно повелительно ясно запечатлеть охрану старины, тогда и Председатель Общества Архитекторов-Художников гр. Сюзор и очень чуткий архитектор Мариан Перетяткович сердечно сочувствовали и посильно способствовали.

Много хороших людей мыслило в тех же направлениях; были душевные беседы и с А. Блоком и с Леонидом Семеновым-Тяншанским. Прошли годы, и вдруг приезжают ко мне Леонид Андреев и Голоушев (Сергей Глаголь), настойчиво просят с ними вместе вступить в газету. Одним из наиболее действительных доводов было: "Ведь вам же нужна трибуна для проведения охранительных и знаменных идей во славу искусства и старины; вот мы и зовем вас и предлагаем свободно и неограниченно проводить вашу заветную идею во всероссийском и всемирном масштабе".

Затем возгорается великая война, пишу о необходимости нового Красного Креста Культуры. Сочувствуют, но события нагромождаются. Печатается знаменитый плакат мой и широко рассылается и по армиям, и по военным зонам. Таким порядком пикториальное изображение впервые входит в жизнь и своим видом требует осмотрительности и бережности к сокровищам Культуры. Тогда же обмениваемся письмами с нашим давним приятелем, главным инспектором Министерства Искусств в Париже Арманом Дайо. И у него такие же идеи, он посвящает номера своего журнала осквернённым сокровищам искусства и мыслит в тех же наших линиях.

Хочется не забыть всех добрых друзей, помогавших, а главное, мысливших в том же направлении. Кто-то в шутку сказал, что и Александр Великий, вероятно, уже думал о сохранении ценнейших храмов. Припоминается знаменательное предание о том, как один император остановился в каком-то замечательном строении, чтобы своим присутствием защитить его. Кто знает, может быть, и Орифламма стояла перед этим зданием? Вспоминаю участие мое в Комиссии по реставрации Василия Блаженного, по Музею Старого Петербурга и по Музею Допетровского Искусства.

Страницы "Старых Годов" хранят многие такие воспоминания.

Вспоминаю многие встречи уже в течение послевоенных годов. В Швеции проф. Освальд Сирен, в Лондоне Гордон Боттомлей, в Америке Стоке, Сутро, Кунц, Мигель, Хьювитт, Дабо,

Джемс Браун Скотт, члены Совета Музея и все многие друзья

и сотрудники. Вспомним таких преданных друзей Пакта, как проф. Ла Прадель и Ле Фюр в Париже, покойный председатель Гаагского Трибунала Адачи, в Индии Рабиндранат Тагор, сэр Д. Боше, сэр Раман, проф. Кашьяп, д-р Халдар, Сэн и многие, многие, давшие твердую опору культурному делу. Все они мыслили по тем же линиям. Как председатель французского Креста маркиз де Лилльер сразу почувствовал, что и Красный Крест, и мы идем по тому же направлению.

Не забудем же, как Камилл Тюльпинк в Брюгге возымел прекрасную идею первой международной Конференции Знамени Мира. Он же провел и вторую Конференцию и выставку старинных городов, а затем эта же идея зазвучала и в третий раз в словах профессора Комбелля. Конвенция в Вашингтоне. Отозвались 36 государств. Вспоминаю вдохновенную речь поэта Марка Шено, а также сердечный призыв барона М. Таубе — "удвоим наши усилия". Лемариес едет по Франции и Бельгии с целым рядом лекций о Пакте и Знамени. В нескольких высших учебных заведениях о том же берутся тезисы диссертаций.

В официальных отчетах трех Конференций, посвященных лишь заседаниям, речам и приветствиям и постановлениям, не могли быть упомянуты такие искренние труды на пользу нового Красного Креста Культуры, как лекции Лемариеса, или диссертации, или курс барона де Тюн в Военной Школе. Не могли быть упомянуты и лекции д-ра Г. Шклявера (юридически оформлявшего Пакт) в старейшем Университете Испании в Саламанке.

Много где звучало сочувственное слово. Еще не собраны все эти ценные памятники. Но ведь они так же точно ценны, как и речи на официальных Конференциях. Нужно собрать все материалы, чтобы все дружеские лики выявились и запечатлелись.

В полной справедливости нужно отмечать каждое благородное устремление.

Не забудем всю благородную поддержку Пакта со стороны южноамериканских государств и их представителей. В истории утверждения Пакта всегда останется сердечное содействие со стороны г. Коэна, представителя Чили. Ведь он был докладчиком Пакта на Конференции в Монтевидео.

Его труды способствовали единогласному постановлению Конференции в Монтевидео. И на третьей Международной Конференции в Вашингтоне в 1933 году, в которой приняли участие представители 36 стран, мы должны помнить целый ряд блестящих имен, запечатленных во второй книге Пакта. Не забуду и встречи моей со всегда отзывчивыми д-ром Ровэ и Гиль

Боргесом.

Кончим приветом тем, кто так открыто и мужественно встал на защиту Культурных сокровищ… Могу послать самое сердечное приветствие и пожелание всем тем, кто рукою своею скрепил Договор о Ценностях всего человечества. Духовные ценности человечества, выраженные в многообразном творчестве, не могут быть обсуждаемы холодно и формально. В таком огненном предмете выразится все сердечное накопление, все благородство, все понимание чести и достоинства человечества. Не хладною рукою подписывали этот Договор представители Великих Республик. Я был рад лично встретиться с некоторыми из них и почувствовал в сердце моем, насколько звучало в них понимание благородства, сердечности и красоты. Когда представители государств звучат на эти высокие понятия, тогда и дела их являются залогом истинного преуспевания. Хочется мне опять встретиться и с д-ром Ровэ, и с Гиль Боргесом, и с Альфаро, и со всеми, с которыми я уже ощущаю духовную близость. Сердечный поклон всем потрудившимся на Общечеловеческое Благо".

К итогам можно отнести и удивительно точные и поэтичные слова писателя Всеволода Иванова, сказанные о самом Николае Константиновиче в работе "Рерих — художник-мыслитель": "Шествие Рериха по странам мира колышет тихие воды человечества, но колышет их не так, как война, как нажива. Человечество самым трогательным образом готово слушать и, кажется даже, — слушаться! Не могло, в сущности, и быть по-другому. Ведь Рерих в изысканной, несравненно художественной форме, в чудесных образах, в поющих красках, во всем обаянии современной культурности, избранной, утонченной и высокой, принес миру, во множестве своих картин, такое напряженное чувство безусловной Красоты, такую свежесть впечатлений, такую сияющую святость настроений, которых давно, очень давно не чувствовал западный мир в своем обиходе: европейский, пожалуй, — со времен Возрождения, а мир американский — еще никогда за все время своего существования".

ДАРЫ АМЕРИКЕ И "ДАРЫ" АМЕРИКИ

В конце сентября 1935 года в Шанхае Маньчжурская экспедиция Н.К. Рериха завершилась. Произошло ее окончание по телеграмме, посланной в Китай министром сельского хозяйства США Генри Уолласом. Ситуация, как выяснил Николай Константинович, сложившаяся в рериховском центре в Америке за время его отсутствия, больше всего походила на рейдерский захват, поддержанный высшими должностными лицами страны.

Музей Рериха в США должен был быть передан в дар американскому народу, а доверенному лицу Н.К. Рериха — Луису Хоршу было поручено подготовить все необходимое оформление. Передача планировалась после возвращения Николая Константиновича из Маньчжурской экспедиции. После подписания Пакта Рериха это было бы более чем уместно. Однако у Хорша давно уже были другие планы относительно "даров" своему народу. Пока Н.К. Рерих был в отдаленных районах Китая, Хорш с сообщниками исключил из состава совета директоров Музея Николая Константиновича, Елену Ивановну и других солидарных с ними в вопросах дара директоров. Такое решение было проведено Хоршем на основании полученных от Рерихов доверенностей на его имя. За одну ночь Хорш вывез из музея все картины Н.К. Рериха, а их было свыше тысячи, сменил все замки, уничтожил все архивные документы, в том числе и решение основателей музея о передаче его американскому государству. В дополнение ко всему Хорш, будучи доверенным лицом Н.К. Рериха на ведение его финансовых дел в США, заявил властям страны о якобы неуплаченных художником налогах с экспедиционных сумм. Последнее обстоятельство формально говорило о налоговом преступлении и делало невозможным для Николая Константиновича законный въезд в США. Отстраненные директора музея подали в суд, который вполне бы мог встать на их сторону, но не сделал этого, а поддался нажиму все того же министра Уолласа, чьи интересы в какой-то момент совпали с гангстерскими интересами Луиса Хорша. Дело состояло в том, что Уоллас мечтал о собственной президентской карьере, и в этой связи решил разорвать все свои отношения с русским художником. Эта дружба, если бы она была предана широкой огласке в русофобской Америке, могла бы самым серьезным образом скомпрометировать его на предстоящих выборах.

Шестой номер журнала "Оккультизм и йога", издававшийся в Югославии, позднее в Парагвае, сподвижником Н.К. Рериха Александром Михайловичем Асеевым, поместил открытое письмо

"Под знаком предательства":

"Письма и газеты принесли известия о поразительном предательстве, совершившемся в самом сердце Рериховского строительства. Ближайшие и ответственные американские сотрудники Рериховы г. Хорш с супругой и г-жа Эстер Лихтман (сестра Мориса Лихтмана, одна из руководителей рериховских учреждений в Америке) задались целью уничтожить культурное строительство Рерихов и верных им сотрудников. Одержимые злобой, корыстолюбием и честолюбием предатели не останавливаются ни перед чем, чтобы опорочить ставшее им ненавистным имя. Они рассылают циркулярные письма, пишут доносы, распространяют гнуснейшую клевету…

Главные предатели г. Хорш с супругой являлись содиректорами-пайщиками Треста всемирно известного Института Объединенных Искусств, основанного Н.К. Рерихом в Нью-Йорке. В 1923 году, уезжая в Индию, Н.К. Рерих назначил президентом Института г. Хорша, сам оставаясь как основатель, почетный президент и пайщик этого и других основанных им учреждений. Кроме того, г. Хоршу, как казначею и заведующему всей финансовой частью учреждений, были переданы на хранение паи остальных сотрудников-пайщиков Треста: Н.К. Рериха, Е.И. Рерих, М. Лихтмана, З. Лихтман, Фрэнсис Грант.

И вот г. Хорш, без малейшего повода со стороны Н.К. Рериха и Треста, самовольно объявил об исключении из состава Треста всей основной группы начинателей дела; иначе говоря, г. Хорш и его супруга своими двумя голосами исключили пять остальных членов совета Треста! Объявив себя единственным владельцем всех семи паев Треста, г. Хорш с супругой явился узурпатором, захватчиком чужой собственности.

Для зашиты справедливости и коллегиального начала г. М. Лихтман, как вице-президент, подал в суд на действия г. Хорша. В настоящее время происходит судебное разбирательство.

Н.К. Рерих на фоне триптиха "Fiat Rex" и "Знамени Мира". Кулу, Наггар, Индия. 1936 г.

Но друзья Рерихов не дремали; они основали комитет Зашиты, называемый "Комитетом друзей Музея Рериха", и повели крестовый поход за культурные начинания, основанные Н.К. Рерихом. Такова в общих чертах история этого предательства.

Глубоко возмущенные работой предателей мы, — друзья-почитатели Е.И. и Н.К. Рерихов в Югославии, изъявляем нашу полную солидарность со всеми постановлениями и действиями комитета и заочно присоединяемся к таковым.

В заключение нам хочется выявить внутренний эзотерический смысл действий Хорша и его со-предателей, ибо внешний ток событий являет лишь манифестацию формирующегося на Тонких Планах бытия. Так явственно на наших глазах завязывается схватка сил Света и тьмы.

Черная ложа не дремлет. Иерофанты зла знали, куда нанести удар, и он направлен в сердце Рериховского Строительства. Их цель — лишив главный Ашрам культуры имени Николая Константиновича, размагнитить этим ту высокую насыщенность духовности, которая неразрывно, магнетически, связана с именем

Николая Константиновича, как с живым терафимом Иерархии Света. Мы знаем, что с именем Рериха как Легата Сокровенной Общины сопряжены сильнейшие магниты Грядущего.

Так должны быть поняты сила и направление стрелы зла; так, в ином, углубленном понимании осознается смысл предстоящего судоговоренья. Но знаем: "Свет побеждает тьму", — мы уверены, что эта космическая формула выразится и в вердикте земного суда.

Предательство, провокация, вероломство — обычная, излюбленная тактика Черной Ложи, недаром на тысячу ладов твердится в Учении: "особенно остерегайтесь предательства! " И чем мощнее потенциал света, тем неприметнее свивает предательство свои черные гнезда. 13 лет носили лже-сотрудники маску почитанья и преданности, — поистине изысканное предательство!

1936 год наступил, и поле Армагеддона клубится и огнедышит в ярой, великой битве. Предательство в Рериховском Строительстве — отображение и завязь этой Битвы на Земном плане.

Грозна и напряженна битва Света со тьмою, но да послужит нам мантрамом слово Ученья: "Из Начала боролись темные, из Начала Мы побеждаем! "

Друзья-почитатели Е.И. и Н.К. Рерихов в Югославии".

Судебные слушания и разбирательства длились много лет, но так и не дали положительных результатов: покровители предательства занимали наивысшие посты в государстве. Николай Константинович записывает в дневник:

"Не слишком ли много об американских "действах"? Но были письма, и хочется кратко сказать о сущности грабительства редчайшего. Хорш задумывает над Музеем тонко построенное мошенничество. Он вводит правительство в заблуждение и своей клеветой устраивает иск за какие-то налоги с сумм экспедиции, хотя всем ведомо, что экспедиционные суммы налогу не подлежат. В своей темной душе Хорш отлично знает, что он лжет и подделывает, но он настоящий американский гангстер. Он отлично знает, насколько низко грабить целую группу деятелей и выживать их из дела, ими же созданного, но кодекс гангстеризма торжествует. Находятся среди министров такие, которые по таинственным причинам надоедают судьям по телефону и требуют неправильного решения. Мало ли сказано о судьях неправедных! Но особенно любопытно, что люди отлично знают, что Хорш жулик, понимают все его махинации и фабрикации и все-таки молчат… Что же получается? Одни криводушничают. Другие промолчат. Третьи изобретут компромисс! Точно бы зло и

добро могут в компромиссе ужиться".

Несмотря на трагические события в Америке, Николай Константинович не прекращает упорно трудиться: в 1935–1936 гг. им было создано свыше двухсот сорока работ, среди них "Труды Мадонны", "Армагеддон". В Риге выходят в свет его книги "Врата в будущее" и "Нерушимое". Словно предвосхищая американские предательства, Николай Константинович утверждает в очерке "Напутствие" из книги "Врата в будущее": ""Все вижу и слышу: страдания твои велики. С такою нежною душою терпеть такие грубые обвинения; с такими возвышенными чувствами жить посреди таких грубых, неуклюжих людей, каковы жители пошлого городка, в котором ты поселился, которых уже одно бесчувственное, топорное прикосновение в силах разбить, даже без их ведома, лучшую драгоценность сердечную, медвежьею лапою ударить по тончайшим струнам душевным, — данным на то, чтобы выпеть небесные звуки, — расстроить и разорвать их, видеть, в прибавление ко всему этому, ежедневно происходящие мерзости и терпеть презрение от презренных — все это тяжело, знаю. Твои страдания телесные тяжелы не меньше. Твои нервические недуги, твоя тоска, которою ты одержим теперь, — все это тяжело, тяжело, и ничего больше не могу сказать тебе, как только: тяжело! Но вот тебе утешение. Это еще начало; оскорблений тебе будет еще больше: предстанут тебе еще сильнейшие борьбы с подлецами всех сортов и бесстыднейшими людьми, для которых ничего нет святого, которые не только в силах произвести то гнусное дело, о котором ты пишешь, — дерзнуть взвести такое ужасное преступление на невинную душу, видеть своими глазами кару, постигшую оклеветанного, и не содрогнуться, — не только подобное гнусное дело, но еще в несколько раз гнуснейшие, о которых один рассказ может лишить навеки сна человека сердобольного. (О, лучше бы вовсе не родиться этим людям! Весь сонм небесных сил содрогнется от ужаса загробного наказания, их ждущего, от которого никто уж их не избавит.) Встретятся тебе бесчисленные новые поражения, неожиданные вовсе. На твоем почти беззащитном поприще все может случиться. Твои нервические припадки и недуги будут также еще сильнее, тоска будет убийственнее и печали будут сокрушительнее. Но вспомни: признаны в мир мы вовсе не для праздников и пирований — на битву мы сюда призваны; праздновать же победу будем ТАМ. А потому мы ни на миг не должны позабыть, что вышли на битву, и нечего тут выбирать, где поменьше опасностей: как добрый воин, должен бросаться из нас всяк туда, где пожарче битва. Всех нас озирает свыше небесный Полководец, и ни малейшее его дело не ускользает от Его взора.

Не уклоняйся же от поля сражения, а выступивши на сражение, не ищи неприятеля бессильного, но сильного. За сражение с небольшим горем и мелкими бедами немного получишь славы. Вперед же, прекрасный мой воин! С Богом, добрый товарищ! С Богом, прекрасный друг мой! " (1846)

Ведь это сказало не действующее лицо пьесы Гоголя, а сам писатель, сам мыслитель. Сам, который имел право сказать: "Все вижу".

Не потому выписываем Напутствие Гоголя, что его книга под руками. Не потому, что будто бы случайно купился этот том, где также знаменательно сказано о Ломоносове и Державине. Не случайно пошел с нами по китайским и монгольским землям сердцем русский. "Все вижу и слышу". С давних пор этот спутник близок: "потому идем и видим и слышим".

"Все вижу и все слышу" и тогда иду вперед. Бодрое напутствие. Ведь не слепому же идти. Не глухому же знать голоса. Не запугивание. Только трус природный молит: "Не говорите об опасностях"; "увольте от правды". Но ведь это значило бы идти во лжи. Недостойно хождение во лжи и во мраке.

Именно во мраке может содрогнуться сердце, но в свете не ужасно чудище. Самое из них размалеванное будет не чудищем, а чучелом.

"Все вижу и слышу". Если кто-то хоть отчасти забоится, он уже не все услышит. Можно уметь не слышать. Если кто развил в себе эту способность во благо в мужестве и твердости, тогда он отлично установит степени слышания, но можно и все слышать, и всему найти место. Гоголь, который так замечательно описывал битву, который через все тяготы жизни шел к великому и светлому, он-то знал, что знание опасностей есть предохранение от страха. Готовность к наихудшему всегда даст возможность напрячь особые силы. Много сил в человеке, только нужно, чтобы вовремя их вынули из хранилища. Глубоки бывают такие хранилища, и сложны к ним входы. Изучать к ним затворы можно в сообществе с великими ведунами. Нужно быть уверенными в этих великих спутниках.

Нужно чуять, что они не будут напутствовать ни в чем дурном, и тогда идти легко, тогда все призрачные препятствия уложатся в особом узоре.

Между спутниками не будет дурных мыслей, совершенно исключится бранное слово как остатки звериного рева. Очень важно, чтобы спутники, хотя бы даже случайно, не употребляли друг про друга скверных наименований. Не будем требовать непременно уже любовь, которая не так-то легко приходит, но взаимное уважение в пути необходимо.

В караванах можно замечать, как иногда, следуя людским мыслям и чувствованиям, сами животные подражают своими поступками. Приходилось видеть, как при людском раздражении до тех пор дружные собаки бросались друг на друга. Кони и верблюды пугались, — такие наглядные показания, о которых отлично знают опытные караванщики, должны бы остаться в памяти у всяких спутников.

Спутник это уже сотрудник, а сотрудник это уже не случайный встречный. Совместное делание остается неизбывным. Пребудет где-то навсегда.

Думают неопытные: разбежимся и все будет кончено. На деле же совсем не так. Даже в чисто материальном плане вы видите, как возвращаются бумеранги. Тот, кто действует в сознании ответственности, уже понимает, что каждым действием куется день завтрашний.

Враг рода человеческого изобрел всякое опьянение. В нем заключено лишение ответственности. Какие же безобразные нагромождения получаются от всякого опьянения. Потому трезвы спутники.

Народ помнит, что "идешь на день, а хлеба бери на неделю". Это сказано в большой опытности, истинно всякого хлеба нужно взять в семь раз больше. Также мудрость заповедует, что расставание радостнее встречи. Ведь встреча предполагает расставание, а расставание уже предчувствует встречу. А на каких путях будет встреча, о том не будем озабочиваться, надо предпослать, что на путях добрых.

Гоголь при всех своих выспренных устремлениях все же говорит о битве. Другое наименование и не подойдет. На Курукшетра тоже битва. Все народы знают такие битвы, ибо никак иначе вы не назовете это продвижение. Когда же сердце будет соблюдено вне всяких опьянений, оно очень тонко подаст знак, где слагается строй добрый и крепкий.

"Вперед же, прекрасный мой воин! ""

ИНДИЯ И РОССИЯ

После возвращения из Маньчжурской экспедиции в свой дом в долине Кулу Николай Константинович уже не покидал Индию. Он неустанно работал, продолжая, насколько было возможно в новой ситуации, художественную и международную культурно-просветительскую деятельность. Долгое время живя и работая в Индии, Николай Константинович снискал огромное уважение и почитание. Его проникновение в культуру Индии и понимание ее настоящего было столь глубоко, что художника начали воспринимать за своего соплеменника как простые жители долины Кулу, так и видные деятели Индии.

В различных городах страны регулярно и с большим успехом проходили выставки живописных работ Н.К. Рериха. Пресса неизменно уделяла ему свое благосклонное внимание, публиковались статьи и очерки самого Николая Константиновича. Его приглашали и приветствовали от имени художественных и научных съездов и конференций. К имени художника приглашающие его обычно прибавляли столь много значащее в Индии обращение "Гуру" или даже "Гурудев", что означает "Великий Учитель".

"Приходится иногда получать послания, — писал Николай Константинович, — с любопытными обращениями вроде "Благословенное Божество", а последний санскритский конгресс в Бенаресе адресовал мне свое обращение "Святому Индии". Так что постоянно приходится улыбаться на такие метафоры".

Искреннее уважение индусов вызывала и живопись Н.К. Рериха, вдохновенно воспевающая Гималаи, от века почитавшиеся в Индии, и его научно-исследовательская и культурнопросветительская деятельность, хорошо известная во всех уголках большой страны.

Н.К. Рерих состоял в переписе и был лично знаком с большинством известных индийских философов, писателей, ученых, художников, общественных деятелей. Среди таковых назовем Джавахарлала Неру, С. Радхакришнана, С.С. Сарасвати, Свами Рамдаса, Р Тагора, Шри Васви, О. Ганголи, Свами Омкара, Свами Джаганисверананду, Ш. Варму, С.К. Чаттерджи, Рамананду Чаттерджи, Н. Мехту, Н.Н. Басу, Р. Тандана, Х.И. Баттачарию, Ч.Б. Сингха, Р.М. Равала, А.Б. Говинду, К.П. Тампи, Дас Гупта, Асит Кумар Халдара, Дж. Боше и многих других.

Рабиндранат Тагор писал Николаю Константиновичу, приглашая в свой известный ашрам: "Счастлив, что Вы благополучно возвратились в свой Ашрам после труднейшей

экспедиции в Центральную Азию. Не могу не завидовать Вам. В тех отдаленных уголках земного шара, где Вы время от времени проводите свои научные исследования, впечатления и ощущения ни с чем не сравнимы. Мой преклонный возраст и работа в институте вынуждают меня удовлетворять свою любознательность чтением сообщений о торжестве сильного духом человека над природой. Я надеюсь, что Ваши пленительные рассказы об этой экспедиции я скоро услышу лично от Вас. Вы стали жителем северной зоны, и меня пугает немного то, что я приглашаю Вас в долину. Но сейчас у нас зима, и Вы, вероятно, сможете перенести жару в этих местах. Я буду бесконечно счастлив, если Вы приедете и проведете несколько дней со мной в моем Ашраме. Вам будет приятна атмосфера интернационализма, который царит здесь, а работа в области образования, я уверен, может представить для Вас несомненный интерес. И, поверьте, мне доставит истинное наслаждение показать Вам все, что сделано мною за мою жизнь".

Николай Константинович очень любил Индию, так много давшую его творчеству, ставшую его второй Родиной. Его многолетними стараниями была заложена прочная основа добрых российско-индийских отношений и разнопланового сотрудничества.

"Индия, — пишет он в очерке "Лик Индии", — всегда была, есть и будет страной сказочной и чудесной. Неисчерпаемость возможностей индийских сказывается в ее нерешимых противоположностях, тех крайностях, которые высекают вечный созидательный огонь борений, искании н достижении. Много сходства с российскими равнинами и возможностями. Путешественники замечают это. Сами индусы чувствуют себя на Руси, как дома, и русские в Индии тоже. Недаром, подобно Тверитянину пятнадцатого века, говорилось: "От всех бед уйдем в Индию". Замечателен исторический факт появления Долгорукого при дворе Акбара и его особое значение.

От верхов, подобных Тагору, Джагадис Боше, Даянанду Сарасвати, Рамахун Рою, и до самых незаметных бродячих садху всюду найдется глубокое мышление древней Веды; прекрасная Бхагавад-Гита, Упанишады и всевозможные Пурапы дают огромную конденсацию мысли. Древность этих памятников гораздо глубже, нежели принято считать на Западе. Нс забудем, что в письменную форму все эти памятники облеклись после многих веков устного пересказа.

Один лик Индии, доступный спешащим путешественникам, явит базары, караваны и насыщенную уличную жизнь, в которых, как справедливо заметил еще недавно один русский проезжий,

можно видеть подлинный античный мир Сирии и Месопотамии. Но за этим пестрым ликом выдвигается и другой — лик великий, выросший на пещерах Элефанты, Аджанты, Эллоры. О нем же скажут и буддийские реликвии, и Сарнат, и Бодхигая, и цейлонская Анурадхапура, и Канди, и множество других памятников, которые удостоверяют, какая мощная энергия была заложена около них.

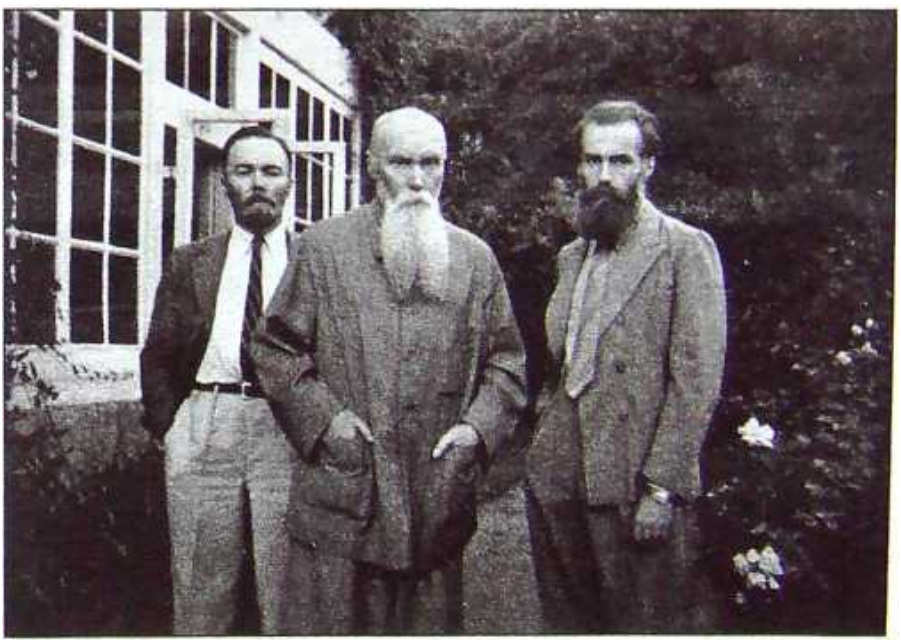
В Индии так же, как и на российских равнинах, вы никогда не знаете, когда встретите наиболее значительного путника. Много странников — сразу не рассмотрите, кто из них несет в себе большую думу и прекрасную весть. Мы сами встречали поразительных в своем разнообразии путников. Нередко богатые караваны тибетских гешэ не давали новой пищи, которая нежданно проявлялась и была приносима самым невзрачным по виду оборванным ламою. Западная пословица — "по одежде встречают, по уму провожают" — в Азии трудно приложима. Нельзя встречать по одежде, но по огню глаз, пламенеющих мыслью. Прекрасна Индия".

К середине 1930-х годов в Риге сложилось большое крепкое Общество Рериха. Там был создан музей его имени и издательство, работали культурно-просветительские секции, открыт отдел произведений художников Прибалтики. К концу десятилетия музей располагал уже около сорока работами Николая Константиновича, среди которых можно назвать "Брамапутру" (1932), "Твердыню Тибета" (1932), "Кулуту" (1937), "Часовню св. Сергия" (1936), гималайские и монгольские пейзажи. По масштабу деятельности рижское издательство превосходило издательство нью-йоркского музея. Многочисленные тома Живой Этики, труды Н.К. Рериха и работы о его искусстве издавались именно в Риге и уже оттуда расходились по всему миру. Какое-то время Н.К. Рерихом рассматривалась возможность переправки всех своих архивов в фонды рижского музея. Латвия находилась в непосредственной близости от границ Советского Союза. Именно через нее Николай Константинович пытался установить контакты с советскими деятелями культуры. Хотя понятно, что "железный занавес", прочно закрывал пути к России в те годы. К великому сожалению, в 1940 году после вступления советской армии в Латвию, деятельность Рижского общества прекратилась, многие его участники подверглись репрессиям, были сосланы в ссылки. Возобновить работу стало возможным лишь в конце 1980-х годов. Сейчас трудно переоценить значение работы сотрудников Общества, в довоенное время столь много сделавших для дела культуры.

Предвоенные годы проходят для Николая Константиновича

на волне творческого подъема. В 1937 году им было создано свыше двухсот картин и этюдов, среди них "Песнь водопада", "Чудо дивное" и мн. др. 1938 год принес свыше двухсот двадцати этюдов и картин, среди них "Святогор", "Настасья Микулична" — воплощения русской силы и мужества, также "Пророк" и др. В 1939 году в связи с началом Второй мировой войны была приостановлена и законсервирована деятельность Института гималайских исследований "Урусвати". Тем не менее в тот год было создано свыше шестидесяти картин и этюдов, среди них "Святейшая Тангла", "Исса и голова Великанова", "Тревога".

В начале мировой войны, планетарного Армагеддона, Николай Константинович записывает в дневник: "Конечно, эта война не сейчас началась. Уже в 1936 году она начала злобно формироваться. Уже истекал кровью Китай под неслыханно чудовищной агрессией. Уже терзались Испания, Абиссиния…



Ю.Л. Рерих, Н.К. Рерих, С.Н. Рерих. Кулу, Наггар, Индия. Ок. 1942 г.

Был длинный список насилий. Были поразительные поводы для пароксизма разрушений… Главные выстрелы загремели не тогда, когда общественное мнение их ожидало. Будем ли надеяться, что бесчеловечные уроки прошлого хотя отчасти изменят к лучшему существующее положение? Злобная разноголосица мало ободряет к таким надеждам. Первое августа 1914 года встретили в храме, первое сентября 1939 года

встретили перед ликом Гималаев. И там храм, и тут храм. Там не верилось в безумие человеческое, и здесь сердце не допускает, что еще один земной ужас начался…"

Большая часть корреспондентов прекратила писать, почти полностью прервались международные связи. Художественная деятельность была сокращена до одной Индии. В июле 1940 года Николай Константинович пишет об обстоятельствах изоляции, в которых оказалась его семья: "Сперва мы оказались отрезанными от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава… Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре… Дальний Восток примолк. Из Швейцарии Шауб-Кох еще двадцатого мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали… Наконец, обнаружилось, что и в самой Индии началась цензура. Оказалось, что цензором в Кулу не кто иной, как местный полицейский. Вполне ли грамотен? Проявил он свой досмотр тем, что по небрежности вложил свою записку в письмо ко мне… Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам на старых рубцах. Будет что-то новое, но когда?"

В 1940 году художник создает свыше ста работ: "Богатыри проснулись", "Ярослав Мудрый", "Сергий Строитель". Этот год и следующие годы отмечены проведением ряда крупных выставок Николая Константиновича и Святослава Николаевича Рерихов по городам Индии: Лахоре, Тривандруме, Ахмедабаде, Хайдарабаде, Бомбее, Бенаресе, Аллахабаде.

Война надвигалась на Россию. В ее преддверии Николай Константинович обращается к истории страны и предсказывает победу, ибо таков, по его мнению, путь России: "Изучая летописи русские и знакомясь с древней литературой, которая вовсе не так мала, как иногда ее хотели злоумышленно представить, приходилось лишь уже более сознательно повторять тот же окрик: "Не замай! " Пройдя историю русскую до самых последних времен, можно было лишь еще более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особенно наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое давнее утверждение встает ярко… Всякий, кто ополчится на народ русский, почувствует это на хребте своем. Не угроза, но сказала так тысячелетняя история народов.

Отскакивали разные вредители и поработители, а народ русский в своей целине необозримой выоривал новые сокровища. Так положено. История хранит доказательства высшей справедливости, которая много раз уже грозно сказала: "Не замай! ""

В годы войны Н.К. Рерих сопереживал тяжелейшим испытаниям, выпавшим родной стране, в которую он так стремился вернуться, говорил "Быть бы с ними". Николай Константинович много думал о Родине, молился за Россию, выступал в печати в ее защиту. В очерке "Прекрасный путь" он писал:

"Слышится от лучших людей: "Единственный жизненный пример — Россия. У всех на глазах страна преодолела все трудности. Победила сильнейшего врага. Разрешила вопрос о безработных, о стачках. Излечила биржевую язву. Обновила религию. Помыслила о Культуре. Возвысила значение науки и искусства.

Писатели уважаются. Артисты поднимают народное сознание. Труд оценен по качеству. Охранено народное здоровье. Усилено образование. Женщина возвышена и призвана к великой работе. Возвеличено материнство. Немедленно после изгнания немцев и их прислужников народ взялся за восстановление всех разрушений. Народ оценил свое славное прошлое. Народ вознес героев своих. Народ выказал истинную любовь к своей Родине. Народ явил высшее самопожертвование. Подвиг, славнейший русский подвиг, вписан во всемирную историю. Народы пойдут за примером Руси, ибо народ огненно запечатлел подвиг труда и славы"…

Какие грозные бои, сколько сопротивления сломлено! Сколько труда самоотверженного, безымянного положено во славу великой Родины! Прекрасен путь народа русского".

Впрочем, и Рерихам, как и всей далекой Родине, в те годы было тяжело. В очерке "На вышке", пронзительно передающим чувство оторванности от Родины, Николай Константинович писал: "На вышке бывает холодно, — рассказывал наблюдатель, — так пронзительно холодно, а шевелиться нельзя. Делаешься не человеком, а мохнатым комом хвои на вершине косматой сосны. Не знаешь, неужели в этом полузамершем бездействии заключена важнейшая задача?!

Тоненький, неживой проводок напоминает о напряженном действии там, внизу, за лесом. Там чье-то ухо должно ловить мои краткие указания, будет верить им. Может быть, тысячи людей будут спасены единым словом. Если оно, это жданное слово, не придет, то и без него самое молчание окажется кому-то

спасительным.

Но пока холодно на вышке. Точно забытый, точно покинутый, точно ненужный! Шальной снаряд может скосить и всю сосну и охапку защитной хвои. Тогда-то дела совершатся и без провода. Может быть, еще лучше совершатся, а вышка окажется вообще ненужной. Тягостно чувство ненужности.

Кто знает, не ушли ли вообще? Не переменилось ли вообще построение? Не забыли ли об одинокой вышке? И знаю, что не забудут, знаю, что вышка эта очень нужна. Но холодно на вышке. Ветер пронзителен…

Балагуры грегочат: "Эй вы, аисты на крыше! Мы тут гранаты кидаем, а вы шишками сосновыми бросаетесь". Засмеют, не понимают значения вышки. Не знают, как одиноко на вышках.

Забытые! И знаешь, что нужен, а все же подчас накипает какая-то ненужность. Поди уговори себя, что и в молчании держишь нужнейший дозор…

Много вышек в жизни. Многие нужнейшие держатся дозоры. Приносится неотложная польза. Только при всем том бывает на вышках одиноко. Слышите ли? Отзоветесь ли?

Великая годовщина. Три года войны. Три года героических подвигов. Три года народных испытаний и преуспеяний. Победы, русские победы гремят. От Гималаев сердечный привет Народу Русскому".

Несмотря на все невиданные трудности и испытания, предсказывает художник: "На Руси будет праздник. Позовет к нему народ всех, кто принес пользу Руси. Взаимно улыбкою обменяются сотрудники всех веков. Для русского века потребуется неограниченное знание. Вся всенародная польза будет собрана. Все русские открытия вспомянутся. И первопечатник Федоров и все безвестные изобретатели и исследователи будут вновь открыты и добром помянуты. Перемигнется народ со всеми, кто сеял добро.

К русскому веку русский народ может показать много былых достижений. А все русские подвиги нынешних дней славно возвысятся на празднике русского века. И ведь не сами выдумали такое будущее. Из-за океана увиделось предначертание судьбы русской. Русский век!"

После начала боевых действий на территории Советского Союза сыновья Н.К. Рериха, Юрий Николаевич и Святослав Николаевич, трижды обращались в советское посольство в Великобритании с просьбами о зачислении их в ряды Красной Армии. Николай Константинович проводил выставки своих работ в городах Индии и перечислял средства, полученные от продажи своих картин в пользу советского Красного Креста и на нужды

Красной Армии. Гонорар за книгу "Химават" также был перечислен советскому Красному Кресту.

В 1942 году в имение Рерихов в Кулу приезжал будущий первый президент свободной Индии Джавахарлал Неру и его дочь Индира. Обсуждались будущие проекты российско-идийского сотрудничества — Индо-русской культурной ассоциации.

В том же году по инициативе Н.К. Рериха усилиями верных ему американских сотрудников, З.Г. Фосдик, Д. Фосдика, К.С. Кэмпбелл-Стиббе, была создана в Нью-Йорке Американорусская культурная ассоциация (АРКА). Ее цель виделась им в улучшении взаимопонимания народов двух мощных держав — Советской России и США. Деятельности ассоциации симпатизировали многие видные американские деятели. Среди них были Эрнест Хемингуэй, Рокуэлл Кент, Чарли Чаплин, П. Гедцас, Эмиль Купер, С. Кусевицкий, В. Терещенко, Милликен, Комптон. Были установлены тесные связи с посольством СССР в Вашингтоне, и сам Николай Константинович был в курсе работы ассоциации и оказывал ей всемерную поддержку. "Радуемся успеху АРКА, — писал он в Америку. — Бережно храните это полезное начинание. Радостно видеть, как всюду, на разных концах мира приветствуется Русская земля, Русский народ. Много пришлось вынести за веру в русское дело. В конце концов, и хоршевские мерзости, кроме грабительства, были не что иное, как глубокая ненависть против всего русского. Какая же могла быть созидательная работа, если в подвале была заложена ненависть? Но вот Вы и все друзья АРКА могут доказать всю благотворность культурного единения, сотрудничества".

В другом письме говорилось: "В отчете АРКА можете помянуть, что в прессе Индии прошли мои следующие статьи, посвященные русскому народу: "Подвиг", "Киев", "Новгород Великий", "Горький", "Толстой и Тагор", "Напутствие" (Гоголь), "Пушкин", "Россика", "Русская женщина", "Талашкино", "Державин", "Мусоргский", "Дягилев", "Театр", "Культура", "Московский художественный театр", "Станиславский", "Монголия", "Любители искусства", "Подземные сокровища", "Крылья Победы", "Сибирь", "Слава", "Русское искусство". Все эти очерки появлялись в различных изданиях, а иногда по два, по три раза, и таким путем множество читателей было осведомлено и творились друзья русского народа. Ведь Культурная ассоциация должна проявляться повсюду. Пусть верные зерна дают добрый урожай!"

Помимо деятельности Американо-русской культурной ассоциации налаживались также связи со Всесоюзным обществом культурных связей.

Пришла наконец и великая Победа: ""Не замай"! — перед войною говорили мы врагам. Напоминали грозные примеры истории, но, видно, судьбе угодно было явить Народ Русский великим победителем — на страх всем врагам. "Не замай" Руси! Не испытай на себе необоримую мощь Русского Воинства, мощь всенародную.

Строитель новой жизни — народ русский, все народы необозримой целины умеют быть друзьями, но не сделай их врагами — тяжела их десница и не сломило их мужество. Народ русский помнит напутствие Сергия Радонежского Дмитрию Донскому перед Куликовой битвою: "Если испытал все мирные средства — тогда сразись и победишь! "

Русь всегда склонна к мирному преуспеянию, но остерегись разгневать ее, остерегись вторгнуться на ее священную землю. "Проснулись богатыри"! И уже не задремлют на несменном дозоре. Светлое будущее, светлое добротворчество! Творческий труд всенародный!

За тысячью туманов есть гора, где человек человеку не враг, но друг.

* * *

В дальних Гималаях радуемся. Приветы шлем. В лучах восхода видим праздник Москвы, праздник сердца народов… Победа! Победа! И сколько побед впереди.

* * *

Русское Сердце, Русское Трудовое Сердце открыто в братском содружестве. Любились русские заветы: Подвиг, Содружество, Добротворчество. И вот Русский Народ начертал эти добрые основы на знамени своем. Народ Русский и все Народы Русские явили всему миру нерушимую любовь к Родине.

* * *

В дальних снежных Гималаях радуемся, что именно великая Русь победоносна и прежде всего мыслит о торжестве науки, о творчестве, — о связи общечеловеческой. Велико светлое будущее!

* * *

Конец войны! Тем напряженнее пусть будет труд во благо человечества. С новыми силами — вперед!

* * *

Армагеддон войны кончен, теперь человечество должно решить Армагеддон Культуры. АРКА есть свод доброго взаимопонимания. Пусть под этим благим сводом крепнет строение истинной незыблемой Культуры. Не шаткая цивилизация, подчас забывающая о человечности, но прекрасная Культура, неугасимый светоч на путях восхождений, пусть будет

нашим общим достижением.

* * *

Опасения наши оправдались. Эта война была неслыханно разрушительной и жестокой. Как апофеоз разрушения возник свирепый призрак атомических бомб. Вполне естественно, что теперь наши комитеты Пакта и Знамени Мира опять начинают свою мирную, культурную работу, притихшую в дни войны.

* * *

"Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего". Все — для будущего. Народная война, оборона Родины возбудит ярое устремление к своим прекрасным ценностям. Трудности преобразятся в возможности. Велико будущее народа русского, всей единой неделимой семьи народов.

Н.К. Рерих. Кулу, Нагар, Индия. 1945–1947 гг.

* * *

В "Агни Йоге" указано: "Мы все делаем и существуем только для будущего". Как прекрасно сознавать нашу огромную ответственность перед лицом будущего. Эта ответственность должна выражаться, в первую очередь, в охране великого культурного наследия".

В 1940-е годы художником было создано огромное количество превосходных произведений, счет которых шел на сотни и сотни. Подготовлены новые эскизы к постановке балета "Весна Священная". Были написаны также многие сотни очерков для серии "Листы дневника". Самой последней его работой стала незаконченная картина "Приказ Учителя". После окончания войны Н.К. Рерих снова и снова предпринимает попытки вернуться на Родину. 13 декабря 1947 года Николай Константинович Рерих, веря, что ему все же удастся вернуться в Россию, покинул этот мир. На третий день его тело, согласно индийской традиции, было предано огню. Позднее место кремации было отмечено гранитным осколком горного утеса с надписью, выбитой на хиндустани, под знаком Знамени Мира: "Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. Ом Рам". Да будет Мир!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Елена Ивановна Рерих после ухода Николая Константиновича из жизни очень надеялась вместе с Юрием Николаевичем вернуться в Советский Союз и многократно посылала запросы на получение советских виз для себя и для сына. Когда стало ясно, что вернуться на Родину ей не суждено, то она вместе с Юрием Николаевичем поселилась в Калимнонге, небольшом городке на крайнем севере штата Западная Бенгалия, что в Восточных Гималаях. Там ее земной путь завершился в 1955 году.

Сразу после ухода Николая Константиновича из жизни Елена Ивановна писала друзьям и сотрудникам: "Наш Светлый и Любимый ушел, как жил — просто, красиво и величаво. Горе наше велико, по мы знаем, что ему была дарована лучшая доля — закончить его светлую деятельность прекрасным разрешительным аккордом, среди общего безумия мира еще раз провозгласить и поднять Знамя Мира и на этот раз в любимой им Индии…

Мир истинно осиротел с уходом этого прекрасного Духа. Он ведь был истинным наставником и другом человечества. Никогда и никто из приходивших к нему за советом не уходил обремененным, наоборот, он умел облегчить ношу каждого и направить на новый путь, путь устремления к мужественному и самоотверженному труду-подвигу на общее благо.

Индия трогательно и красиво отозвалась на его уход. Все газеты, журналы, Общества, многочисленные почитатели и друзья отметили незаменимую утрату великого творца, мыслителя и неутомимого деятеля. Во многих городах уход его почтили "великим молчанием" на сборищах, посвященных его памяти. Индия любила и почитала его…

Сердце его не выдержало количества яда, порожденного обезумевшим человечеством. Тяжко, очень тяжко переживал он нарастающую русофобию в Америке. Он знал, к чему приведет такое насаждение ненависти…

Неру сказал прекрасную речь о значении его творчества и всей деятельности, особенно подчеркнув идею Знамени Мира… Индия любила и почитала его и сумела оценить его как лучшего человека. Для них он был Великим Риши, Мудрецом, Маха-Дэвом или Сверхчеловеком".

По предсказанию Е.И. Рерих: "Наш Светлый и Любимый будет жить в памяти народа. Просветленные сознания поймут, какой великий Дух ходил по Земле среди людей и будил их сознание ко всему Прекрасному и тем самым вливал в них Эликсир Жизни. Ганди, после своего убийства, стал Спасителем Мира, но еще

большим станет наш Светлый и Любимый, когда будет собрано воедино все им созданное и оповещенное во Благо Человечества. Истинно, он заложил основание Новой Эпохи, Нового Мира".

Один из самых преданных учеников и последователей Н.К. Рериха Борис Николаевич Абрамов (1897–1972) на склоне лет запишет в своих дневниках, отдавая дань памяти Учителю, Гуру, Великому Духу: "Жизнеописание Носителей Света очень нужно для того, чтобы показать людям наглядно и воочию, как надо жить, устремляться и трудиться на Земле для Общего Блага. Слова могут быть бессильны, но пример применения на практике, в жизни обычной, Велений Учения Жизни неотрицаемо убедителен. Указано ясно: "Рукой и ногой человеческой!" И не абстрактное теоретизирование, но действия чисто земные, насыщенные огненной целеустремленностью, убедительнее всех слов. "Проповедь отошла, осталась жизнь". Так, изучая земную жизнь Служителей Света и Им подражая твердо и неуклонно, находите ту узкую тропу, которая ведет в Свет…

Высокий Дух приходил в мир и оставил в нем свой жемчужный узор на века. Эволюция планеты получила мощный импульс. Рукотворчество великого художника имело мировое признание. Это бесспорно. Но огромное поле незримой деятельности его духа еще будет давать свои огненные следствия на протяжении многих столетий. Эта сторона его активности принимается мало, но завесу приоткрывают его книги и рукописи. Жил жизнью и интересами всей планеты и принимал участие в движениях и начинаниях, предуказанных Нами. Идея Знамени Мира, охраны сокровищ искусства и памятников, — Пакт Мира, объединение лучших представителей человечества под стягами культуры — все это прообразы тех форм жизни, в которые выльется судьба планеты в наступающей Светлой Эпохе Матери Мира. Он провозгласил понятия и идеи, до него не признаваемые человечеством, — идеи, признание которых потребует времени и борьбы, но без проведения которых в жизнь на Земле грозит катастрофа. Его предвидение хода мировых событий носит планетарный характер. Исполнителем Великой Миссии Света, Посланником Иерархии был на Земле этот великий художник, философ, путешественник, археолог и человек великого сердца, всю свою жизнь отдавший на служение человечеству. Не будем считать его мертвым, ушедшим из мира, но поймем, что огненная деятельность такого Духа и служение его Свету не прерывается смертью. Смерть для тех. кто верит в нее и думает умереть, но венец бессмертия — удел Духов Великих".

Обращаясь к основе, на которой строилась деятельность

великого художника и мыслителя, будем помнить все благодеятельное творчество Николая Константиновича Рериха, его бессмертный завет: "Собственности у меня нет. Картины и авторские права принадлежат Елене Ивановне, Юрию и Святославу. Но вот что завещано всем, всем. Любите Родину. Любите народ русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и всё человечество. Чтобы полюбить Родину, надо познать ее. Пусть познавание чужих стран приведёт к Родине, ко всем её несказуемым сокровищам. Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычайные. Сокровища азийские доверены этим многим народам для дружного преуспеяния. Доверены пространства, полные всяких богатств. Даны дарования ко всем областям искусства и знания. Дана мысль об общем благе. Дано познание труда и бесстрашная устремлённость к обновлению жизни. Народы поют и способны к украшению жизни. Где нарождается красота, там придёт и расцвет всех трудовых достижений. В мирном труде познаётся и мир всего мира. В мире идёт строительство и светлое будущее. А где постройка идёт, там всё идёт. Полюбите Родину всеми силами — и она вас возлюбит. Мы любовью Родины богаты. Шире дорогу! Идёт строитель! Идёт народ русский!"

Так, в неустанных, необозримых, радостных творческих трудах Николая Константиновича исполнилась его великая судьба прославления России, о которой говорили Учителя, начиная общение с Рерихами. Возвещена была также и новая вера — на благо всего мира посланный, всеобъемлющий синтез философии, религии, науки и искусства. Всему миру было сказано слово об Учителях Востока, вдохновителях и наставниках семьи русских подвижников, волею судьбы носивших славное варяжское имя РЕРИХ.

РОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ЧЛЕНОМ КОТОРЫХ СОСТОЯЛ Н.К. РЕРИХ

Действительный член Российской академии художеств Основатель Института объединенных искусств в Нью-Йорке (США)

Основатель Международного культурного центра "Corona Mundi" (США)

Почетный директор Музея имени Н.К. Рериха в Нью-Йорке и его филиалов в Европе, Америке и странах Востока

Действительный член Югославской академии наук и художеств (Загреб)

Действительный член Португальской академии (Коим-бра)

Действительный член Реймской академии (Франция) Действительный член Международного института науки и литературы (Болонья, Италия)

Почетный член Комитета по культуре (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Вице-президент Общества Марка Твена (США) Вице-президент Американского института археологии (США)

Почетный член Просветительского общества Бенареса (Индия)

Почетный член Общества Мора (Франция)

Член Красного Креста (Франция)

Член Общества по изучению древностей (Франция) Пожизненный член Федерации французских художников (Париж)

Член Осеннего салона (Париж)

Пожизненный член Общества антикваров (Париж)

Почетный президент Международного союза в поддержку Пакта Рериха (Брюгге)

Почетный покровитель Исторического общества при академии (Париж)

Почетный президент Общества имени Рериха во Франции (Париж)

Член-учредитель Этнографического общества (Париж)

Почетный президент Академии имени Рериха (Нью-Йорк)

Почетный президент Общества за культурный прогресс "Фламма" (штат Индиана, США)

Почетный президент Общества имени Рериха в Филадельфии (США)

Почетный член Общества по охране исторических памятников (Нью-Йорк)

Почетный президент Латвийского общества Рериха (Рига)

Почетный президент обществ Рериха в Литве, Югославии, Китае

Почетный член Института имени Субхас Чандра Боше (Калькутта)

Член Института Джагадиса Бозе (Индия)

Член Нагати Прачари Сабха (Индия)

Пожизненный член Королевского азиатского общества в Бенгалии (Калькутта)

Пожизненный член Общества "Искусство Востока" (Калькутта)

Почетный президент и доктор литературы Международного института по изучению буддизма в Сан-Франциско (Калифорния)

Почетный член Русского музея истории и культуры в Праге (Чехословакия)

Почетный член Общества Люзас (Париж)

Почетный член Лиги в защиту искусства (Париж) Покровитель Культурного общества (Амритсар, Индия) Член-благотворитель Ассоциации международных исследований (Париж)

Почетный член Ассоциации Филда (С.-Луис, США) Почетный член Общества Браурведа (Ява)

Почетный член Национальной ассоциации естественной медицины в Америке (Лос-Анджелес, Калифорния)

Почетный президент Центра искусств и культуры (Аллахабад, Индия)

Президент Лиги культуры (США)

Почетный президент Американо-русской культурной ассоциации в Нью-Йорке (США)

БИБЛИОГРАТИЯ

Рерих Н.К. Собр. соч. Кн. 1. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914.

Рерих Н.К. Сказки и притчи. Пг.: Свободное искусство, 1916.

Roerich N.K. Violators of Art. London, 1919.

Рерих Н.К. Цветы Мории. Берлин: Слово, 1921.

Roerich N.K. Adamant. New York: Korona Mundi, 1922.

Рерих Н.К. Пути Благословения. New York, Paris, Riga, Harbin: Alatas, 1924.

Roerich N.K. Adamant. New York: Korona Mundi, 1924.

Рерих Н.Х. Алтай-Гималаи. (Мысли на коне и в шатре) 1923–1926. Улан-Батор, Хото, 1927.

Рерих Н.К. Сердце Азии. Southbury (st. Connecticut): Alatas, 1929.

Roerich N.K. Altai-Himalaya. A Trevel Diary. New York: F.A. Stokes Co., 1929.

Roerich N.K. Altai-Himalaya. A Trevel Diary. London: Jarrolds Publ, 1930.

Roerich N.K. Flame in Chalice. Poems by Nicholas Roerich, translated by Mary Siegrist. Series X, Book I. Songs and Sagas Series. New York: Roerich Museum Press, 1930.

Roerich N.K. Heart of Asia. Roerich synthesizes his impression of five years in Central Asia. Series II, Book I. Lights of Asia Series. New York: Roerich Museum Press, 1930.

Roerich N.K. Realm of Light. A splendid new volume, comprising Professor Roerich's recent addresses sent from the Himalayas, as well as earlier writings hitherto unpublished in English. Series IX, Book II. Sayings of Eternity Series. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Roerich N.K. El Corazon de Asia. (Spanish Edition of Heart of Asia) / Translated by Dr. Manuel Beltroy, with Preface by Sr.

Ricardo Rojas. (Published by the Roerich Museum Press in Buenos Aires.), 1930.

Roerich N.K. Shambhala. New York: F. A. Stokes Co., 1930.

Рерих Н.К. Держава Света. Southbury: Alatas, 1931.

Roerich N.K. Realm of Light. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. Париж: Всемирная Лига Культуры, 1932.

Roerich N.K. Fiery Stronghold. Boston (st. Massachusetts): Stratford Co., 1933.

Рерих Н.К. Врата в Будущее. Riga: Uguns, 1936.

Рерих Н.К. Нерушимое. Riga: Uguns, 1936.

Roerich N.K. Roerich Essays: One hundcred essays. В 2 т. India,

1937.

Roerich N.K. Beautiful Unity. Bombey, 1946.

Roerich N.K. Himavat: Diary Leavcves. Allahabad: Kitabistan, 1946.

Roerich N.K. Himalayas — Adobe of Light. Bombey: Nalanda Publ, 1947.

Рерих Е/М. Листы Сада Мории. Ч. 1. (Зов). Paris: Франко-Русская печать, 1924.

Рерих Е.И. Листы Сада М.Ч. 2. (Озарение). Paris: Франко-Русская печать, 1925.

Рерих Е.И. Община. 1926.

Рерих Е.И. и Рерих Н.К. Община. Урга, 1927.

Рерих Е.И. Основы Буддизма. Урга, 1927.

Рерих Е.И. Агни-Йога. Рига, 1929.

Сент-Илер Ж. (Рерих Е.И.) Криптограммы Востока. Париж: Русское книгоиздательство Я. Поволоцкого и К°, 1929.

Рерих Е.И. Беспредельность. Ч. 1. Paris, 1930.

Рерих Е.И. Беспредельность. Ч. 2. Paris, 1930.

Рерих Е.И. Иерархия. Paris: O. Zeluk, 1931.

Рерих ЕМ. Сердце. Paris, 1932.

Рерих Е.И. Напутствие вождю. 1933.

Рерих Е.И. Мир Огненный. Ч. 1. Paris: O. Zeluk, 1933.

Рерих Е.И. Мир Огненный. Ч. 2. Riga: "Agni jogas" jzdevums, 1934.

Рерих Е.И. Мир Огненный. Ч. 3. Riga: "Agni jogas" jzdevums, 1934.

Рерих Е.И. Община. Riga: "Agni jogas" jzdevums, 1936.

Рерих Е.И. Аум. Riga: "Agni jogas" jzdevums, 1936.

Рерих Е.И. Братство. 4. 1. Riga: "Agni jogas" jzdevums, 1937.

Рерих Е.И. Надземное. Рукопись. 1938.

Рерих Е.И. Письма (1929–1938). В 2 т. Riga: Uguns, 1940.

Рокотова Н. (Рерих ЕМ.) Основы Буддизма. 2-е изд. Riga: Uguns, 1940.

Мантелъ А.Ф. Н. Рерих. Казань, 1912.

Рерих: сб. о Н.К. Рерихе. Пг.: Свободное искусство, 1916.

Ростиславов А.Л. Н.К. Рерих. Пг.: Издание Н.И. Бутковской, 1918.

Ростиславов А.Л. Н.К. Рерих. (Репринтное воспроизведение текста 1918 г.) Калининград. 1995.

Эрнст С.Р. Н.К. Рерих. (Русские художники). Пг.: Издание общины Св. Евгении, 1918.

Jarintzov N.N. Roerich. London: The Studio, 1920.

Selivanova N. The World of Roerich: A Biography. New York: Corona Mundi, International Art Center, 1922.

Кузмин М.А. Н.К. Рерих. М., 1923.

Roerich. New York: Corona Mundi, International Art Center, 1924.

Roerich. Himalaya. F. R. Grant, G. D. G rebenstchikoff, I. Narodny, M. Siegrist. New York: Brentano, 1926.

Archer. Vol. 1. New York: Soc. of Friends of Roerich Museum, 24 March 1927.

Archer. Vol. 2. New York: Soc. of Friends of Roerich Museum, January 1928.

Archer. Vol. 3–4. New York: Soc. of Friends of Roerich Museum, 1929.

Society of friends of Roerich Museum. New York: Roerich Museum, 1929.

Message of 1929. A report on the activities of the Roerich Museum and affiliated institutions for the year. Series VI, Book I. Roerich Museum Series. New York: Roerich Museum Press, 1930.

Le messager francais du 1930. A record of the activities of the French Association of Friends of Roerich Museum in Paris, and of the Roerich Museum and affiliated institutions in New York. (Published by the Roerich Museum Press in Paris.) Series VI, Book II. Paris, 1930.

Message of 1930. A second Annual Report on the work of the Roerich Museum and affiliated institutions for 1930. Series VI, Book III. Roerich Museum Series. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Roerich Museum: A Decade of Activity 1921–1931. Series VI, Book IV. Roerich Museum Series. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Le Pact Roerich. Banniere de Paix. Paris, 1931.

Roerich Banner of Peace. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Banner of Peace: Letttrs supporting the "Banner of Peace". New York: Roerich Museum Press, 1931.

Gand Artistique. Art et esthetique. Paris: A. Heyse, 1931.

Yaremenko A.V. N. K. Roerich: His Life and Creation during the past forty years, 1889–1929. New York: Central Book Trading Co., 1931.

Roerich Museum Bulletin. Vol. 1. № 1—12. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Roerich G.N. (Рерих Ю. Н.) Trails to Inmost Asia: Five Years of Exploration with Roerich Central Asian Expedition. New Haven: Yale Uni vers. Press, 1931.

Roerich Museum Bulletin. Vol. 2. № 1–6. New York: Roerich Museum Press, 1932.

Дювернуа Ж. Рерих: Фрагменты биографии: К 10-летию культурных учреждений Рериха в Америке. Рига, 1932.

Duvemois J. Roerich: Fragments of a biography. New York, 1933.

Banner of Peace: Dedicated to the Banner of Peace Convention at Washington, Nov. 17, 1933. USA: The Scholar Press, 1933.

The Banner of Peace. Repr. from the Special Peace Section of "The Scholar Annual". USA: The Scholar Press, 1933.

The Roerich Pact and The Banner of Peace. Vol. 2. New York: Roerich Museum Press, 1934.

Знамя Мира. Отчет. Харбин, 1934.

Знамя Преподобного Сергия Радонежского. Харбин: Алтаир, 1934.

Tandan R.C. Nicholas Roerich: Painter and Pacifist. Allahabad: The Roerich Center of An and Culture, 1934.

Шмидт М. Религиозное творчество академика Н.К. Рериха. (Драгоценный вклад великого художника в русское храмостроительство.) Харбин, 1935.

Н.К. Рерих (сборник статей). Рига: Izdevis "Ziemelstars", 1935.

The Roerich Pact and The Banner of Peace: Ceremony of the Signing of Roerih Pact. New York: Roerich Museum Press, 1935.

Иванов В.Н. Н. Рерих: Художник-мыслитель. Riga: Uguns, 1937.

Conlan B.D. Nicholas Roerich: A Master of the Mountains. Liberty — Indiana — USA: Flamma, 1938.

Сборник "Огонь". Вып. 1–6. Шанхай, 1935–1939.

Иванов Вс. Н., Голлербах Э.Ф. Рерих. Riga: Jzdevis Rericha Muzejs, 1939.

CousinsJ.H. Three University Extension Lectures. Hyderabad: Osmania University, 1939.

Roerich Pact. Peace Banner. The Red Cross of Culture. Delhi: New World Library, 1939.

Община "Культура". Бюл. № 1–2. Шанхай, 1939.

Andreev L., Gollerbach E., Babenstchikoff M. Roerich. Simla, 1943.

Fontes R. de Sepulveda. N. Roerich: Analise dum Genio. Nova Goa: Imptensa Nac., 1946.

The Roerich Pact and The Banner of Peace. New York: The Roerich Pact and The Banner of Peace Committee, 1947.

Roerich N.K. Adamant. New York: Agni Yoga Soc., 1967.

РерихН.К. Письма к Л. М. Антокольскому. Письма к Н.К. Рериху. СПб.: Сердце, 1993.

Рерих Н.К. Письма к В.В. Стасову. Письма к Н.К. Рериху. СПб.: Сердце, 1993.

Рерих Н.К. Письма к А.Н. Бенуа (1917–1939). СПб.: Сердце, 1993.

Оккультизм и йога: Летопись сотрудничества. В 2 т. М.: Сфера, 1996.

Рерих Н.К. Письма в Америку (1923–1947). М.: Сфера, 1998.

Рерих НК. Пути Благословения. М.: Сфера, 1999.
Рерих Н.К. Держава Света. М.: Сфера, 1999.
Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М.: Сфера, 1999.
Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. М.: Сфера, 1999.
Рерих Н.К. Врата в будущее. Рига: Виеда, 1991.
Рерих Н.К. Нерушимое. Рига: Виеда, 1991.
Рерих Н.К. Твердыня пламенная. Рига: Виеда, 1991.
Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. Рига: Виеда, 1992.
Рерих Н.К. Алтай — Гималаи: [Путевой дневник]. Рига: Виеда, 1992.
Рерих Н.К. Держава света. Священный дозор. Рига: Виеда, 1992.
Рерих Н.К. Шамбала. Рига: Виеда, 1994.
Рерих Н.К. Шамбала. М.: MUP, (1994) 2000.
Рерих Н.К. Обитель света. М.: МЦР, 1992.
Рерих Н.К. Урусвати. М.: МЦР, 1993.
Рерих Н.К. Берегите старину. М.: МЦР, 1993.
Рерих Н.К. Древние источники. М.: МЦР, 1993.
Рерих Н.К. Молодому другу. М.: МЦР, 1993.
Рерих Н.К. Рерих в России. М.: МЦР, 1993.
Рерих Н.К. Художники жизни. М.: МЦР, 1993.
Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. М.: МЦР, 1994.
Рерих Н.К. Об искусстве. М.: МЦР, 1994.
Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М.: МЦР, 1994.
Рерих Н.К. Восток — Запад. М.: МЦР, 1994.
Рерих Н.К. Россия. М.: МЦР, (1992) 1994.
Рерих Н.К. Человек и природа. М..: МЦР, 1994.
Рерих Н.К. Душа народов. М.: МЦР, 1995.
Рерих Н.К. Знамя Мира. М.: МЦР, 1995.
Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1 (1934–1935). М.: МЦР, (1995)1999.
Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2 (1936–1941). М.: МЦР, (1995) 2000.
Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 3 (1942–1947). М.: МЦР, 1996.
Рерих Н.К. Добрый глаз (первый том Собр. соч. изд-ва И.Д. Сытина 1914 г.). М.: Худож. лит., 1991.
Рерих Н.К. Алтай — Гималаи [Путевой дневник). М.: Мысль, 1974.
Рерих Н.К. Из литературного наследия: К 100-летию со дня рождения Н.К. Рериха. М.: Изобразительное искусство, 1974.
Рерих Н.К. Письмена. Стихи. М.: Современник, 1977.
Рерих Н.К. Зажигайте сердца! М.: Молодая гвардия, 1978.
Рерих Н.К. Избранное. М.: Советская Россия, 1979.

Рерих Н.К. Цветы Мории. М.: Художественная лит., 1984.
Рерих Н.К. Цветы Мории. М.: Современник, 1988.
Рерих Н.К. Стихотворения. Проза. Новосибирск, 1989.
Рерих Н.К. Сокровищница Азии (Стихи, сказки, статьи, очерки). Горно-Алтайск, 1990.
Рерих Н.К. Избранное. М.: Правда, 1990.
Рерих Н.К. Избранное. Рига: Светоч, 1990.
Рерих Н.К. Сказки. Л.: Экополис и культура, 1991.
Рерих Н.К, Пути благословения. Минск: Изд-во университета, 1991.
Рерих Н.К. Сердце Азии. Минск: Изд-во университета, 1991.
Рерих Н.К. Пути благословения. Новосибирск: Детская литература, 1991.
Рерих Н.К. О Вечном… М.: Политиздат, 1991; (Республика, 1994).
Рерих Н.К. Химават / Пер. с англ. Самара: Агни, 1995.
Рерих Н.К. Гималаи — Обитель Света. Адамант / Пер. с англ. Самара: Агни, 1996.
Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982.
Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994.
Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни, 1999.
Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. М.: МЦР, 2001.
Рерих Н.К., Рерих Е.И. Община (1927 года). Таллинн, 1991.
Рерих Е.И. Письма (1929–1938). В 2 т. Новосибирск, 1992. *Рерих Е.И.* Письма (1932–1955). Новосибирск. 1992.
Рерих Е.И. У порога нового мира. М.: МЦР, 2000.
Рерих Е.И. Письма. Т. 1 (1919–1933). М: МЦР, 1999.
Рерих Е.И. Письма. Т. 2 (1934). М.: МЦР, 2000.
Рерих Е.И. Письма. Т. 3 (1935). М.: МЦР, 2001.
Рерих Е.И. Письма. Т. 4 (1936). М.: МЦР, 2002.
Рерих Е.И. Письма. Т. 5 (1937). М.: МЦР, 2003.
Рерих Е.И. Письма. Т. 6 (1938–1939). М.: МЦР, 2006.
Рерих Е.И. Письма. Т. 7 (1940–1947). М.: МЦР, 2007.
Рерих Е.И. Письма. Т. 8 (1948–1950). М.: МЦР, 2008.
Рерих Е.И. Письма. Т. 9 (1951–1955). М.: МЦР, 2009.
Рерих Е.И. Письма в Америку. Т. 1 (1929–1936). М.: Сфера, 1996.
Рерих Е.И. Письма в Америку. Т. 2 (1936–1946). М.: Сфера, 1996.
Рерих Е.И. Письма в Америку. Т. 3 (1948–1955). М.: Сфера, 1996.
Рерих Е.И. Письма в Америку. Т. 4 (1923–1952). М.: Сфера, 1999.

Рерих Е.И. Путями духа. М.: Сфера, 1999.

Рерих Е.И. Агни-Йога. В 4 т. М.: Сфера, 2000.

Рерих Е.И. Записи Учения Живой Этики. В 25 т. Т.1—Т.11. М.: Пролог, 2007–2010.

Рерих Е.И. Записи Учения Живой Этики. В 25 т. Т.12—Т.18. Висмар — Вологда, 2011–2013.

Письма с гор: Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. В 2 т. Т. 1 (1932–1937); Т. 2 (1938–1940). Минск: Лотаць, 2000.

Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Наука, (1990) 1993.

Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987.

Головин А.Я. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.—М.: Искусство, 1960.

Городецкий С.М. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1987.

Городецкий С.М. Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М.: Современник, 1984.

Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автомонография. М.—Л., 1937.

Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. М., 1966.

Грабарь И.Э. О русской архитектуре. М., 1969.

Грабарь И.Э. Письма (1891–1917). М.: Наука, 1974.

Грабарь И.Э. Письма (1917–1941). М.: Наука, 1977.

Грабарь И.Э. Письма (1941–1960). М.: Наука, 1983.

Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автомонография. Этюды о художниках. М.: Республика, 2001.

Григорьев С.Л. Балет Дягилева 1909–1929. М.: АРТ, 1993.

Кордашевский Н.В. (*Декроа Н.*) С экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии. СПб.: Аюрведа пресс, 2000.

Кронштадтский И. Неизданный дневник. Воспоминания Епископа Арсения об отце Иоанне Кронштадтском. М., 1992.

Кронштадтский И. Моя жизнь во Христе. (Ницца 1928 г.) М.: R S., 1990.

Кронштадтский И. Моя жизнь во Христе. М.: Советская Россия, 1991.

Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтай-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века. Самара: Агни, 1999.

Портнягин П.К. Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. Экспедиционный дневник, 1927–1928 / Ариаварта № 2. СПб.: Агни, 1998.

Рылов А.А. Воспоминания. Л., 1960.

Рябинин К.Н. Подлинные дневники экспедиции Н.К. Рериха. Развенчанный Тибет: Северная и Внутренняя Монголия. Центральная Гоби. Цайдам. Чантанг и снеговые хребты Тибета С

фотографическими снимками из материалов Миссии. 1928. Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996.

Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. В 2 т. М.: Изобразительное искусство, 1982.

Смирнов-Русецкий Б.А. Семья Рерихов. Воспоминания. Одесса: Маяк, 1997.

Стравинский И.Ф. Хроника моей жизни. Л., 1963.

Стравинский И.Ф. Диалоги: Воспоминания. Размышления. Комментарии. Л.: Музыка, 1971.

Стравинский И.Ф. Статьи и материалы. М.: Советский композитор, 1973.

И. Стравинский — публицист и собеседник: Статьи, интервью, воспоминания. М.: Советский композитор, 1988.

Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991.

Фосдик З.Г. Мои учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922–1934.) М.: Сфера, 1998.

Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих. М.: Молодая гвардия, 1972, 1973; Самара: Агни, 1996.

Дубаев М.Л. Харбинская тайна Рериха: Н.К. Рерих и русская эмиграция на Востоке. М.: Сфера. 2001.

Дубаев М.Л. Рерих. М.: Молодая гвардия, 2003.

Журавлева Л.С. Талашкино: Очерк-путеводитель. М.: Изобразительное искусство, 1989.

Журавлева Л.С. Княгиня Мария Клавдиевна. Смоленск: Полиграмма, 1994.

Князева В.П. Николай Константинович Рерих. Л., 1963; М.: Искусство, 1968.

Князева В.П. Николай Рерих: Летопись жизни и творчества. СПб., 1994.

Короткина Л.В. Рерих в Петербурге — Петрограде. Л., 1985.

Короткина Л.В. Творческий путь Николая Рериха. СПб.: АРС, 2001.

Полякова Е.И. Николай Рерих. М.: Искусство (1973), 1985.

Сидоров В.М. На вершинах: Повести. М.: Советский писатель, 1988.

Сойни Е.Г. Северный лик Николая Рериха. Самара: Агни, 2001.

Сойни Е.Г. Николай Рерих и Север. Петрозаводск: Карелия, 1987.

Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. По маршруту Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. М.: Планета, 1987; (М.: МЦР, 1998).

Шапошникова Л.В. Веления Космоса. М: МЦР, 1995.

Шапошникова Л.В. Мудрость веков. М.: МЦР, 1996.

Шапошникова Л.В. Великое Путешествие. Кн. 1. Мастер, М.: МЦР, 1998.

Шапошникова Л.В. Великое Путешествие. Кн. 2. Ч. 1–2. По маршруту Мастера. М.: МЦР, 2000.

Н.К. Рерих. Жизнь и творчество. М.: Изобразительное искусство, 1978.

Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Одесса 16–18 мая 2000 г. Одесса: Астропринт, 2001.

Рерих и Сибирь. Новосибирск, 1993.

Рерихи. Вехи духовного пути. М.: Сфера, 2001.

Держава Рериха. М.: Изобразительное искусство. 1994.

Петербургский Рериховский сборник. Вып. I. СПб.: Изд-во Буковского, 1998.

Петербургский Рериховский сборник. Вып. 2–3. Самара: Агнн, 1999.

Рериховский вестник. Бюл. Вып. 1. Л.: Извара. 1991.

Рериховский вестник. Бюл. Вып. 2. Л.: Извара, 1991.

Рериховский вестник. Бюл. Вып. 3. СПб.; Извара, 1991.

Рериховский вестник. Бюл. Вып. 4. СПб.; Извара; Барнаул; Горно-Алтайск, 1992.

Рериховский вестник. Бюл. Вып. 5. Извара; СПб.; М., 1992.

Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Книга 1. Великий План. СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002.

Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Книга 2. Новая Страна. СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2004.

Защитим имя и наследие Рерихов: Документы. Публикации в прессе. Очерки. М.: МЦР, 2001.

Талашкино: Сборник документов. Смоленск, 1995.

Утренняя звезда. Вып. 1. М.: МЦР, 1993.

Утренняя звезда. Вып. 2–3. М.: МЦР, 1997.

Мир через культуру. М.: Советский писатель, 1990.

Williams R.C. Russian Art and American Money. 1900–1940. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1980.

Form an H.J. The Story of Prophecy. New York, Toronto: Farrar &Rinehart, Incorporated.

Nicolas Roerich in Indian Journals (1933–1946). India, 2000.